

« У ВОРОТ АНГЛИЙСКОГО МОГУЩЕСТВА »

А.Е. СНЕСАРЕВ В ТУРКЕСТАНЕ, 1899-1904



М.К. БАСХАНОВ

Михаил Басханов

**«У ворот английского
могущества». А. Е. Снесарев
в Туркестане, 1899–1904.**

«Нестор-История»

2015

УДК 910.4
ББК 63.3(3)

Басханов М. К.

«У ворот английского могущества». А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. / М. К. Басханов — «Нестор-История», 2015

ISBN 978-5-4469-0728-1

Настоящее издание – научная биография выдающегося представителя русской школы военного востоковедения А. Е. Снесарева (1865–1937). В книге рассматривается туркестанский период (1899–1904) жизни А. Е. Снесарева, который имел важное значение для его формирования как военачальника и исследователя стран Востока. На основе архивных документов раскрываются многие эпизоды службы А. Е. Снесарева в Туркестане: поездка в Индию, рекогносцировки по Туркестанскому краю, командование Памирским отрядом, поездка в Великобританию, работа с британскими военными атташе. Значительное внимание уделено эволюции военных и военно-востоковедных взглядов А. Е. Снесарева, а также малоизвестным эпизодам его личной жизни. Многие архивные материалы и фотодокументы из российских и британских государственных и личных собраний вводятся в научный оборот впервые. Книга выходит в свет к 150-летию со дня рождения А. Е. Снесарева.

УДК 910.4
ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-4469-0728-1

© Басханов М. К., 2015
© Нестор-История, 2015

Содержание

Предисловие	5
Ташкент и русская армия в Туркестане на рубеже веков	8
В гостях у лорда Керзона: Снесарев в Индии	15
«My dear baby Rita»	36
Ташкентские досуги капитана Снесарева	41
Конец ознакомительного фрагмента.	70

М. К. Басханов

«У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904

Историки, как дети на берегу моря, бросаются на самые яркие камни, забывая про более скромные, про песок, про глину...¹
А. Е. Снесарев

Предисловие

С именем Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) связаны многие важные события русской военной истории и военного востоковедения. В течение длительного периода времени имя А. Е. Снесарева оставалось незаслуженно забытым, и только в начале 1970-х годов благодаря усилиям его дочери, Евгении Андреевны, и ряда военных историков было положено начало возвращению в отечественную историю имени этого замечательного человека. В последние годы литература о А. Е. Снесареве обогатилась многими интересными и многоплановыми работами, значительно продвинувшими вперед исследования о жизни, творчестве и научном наследии выдающегося русского военачальника и востоковеда, которые вполне оформились в самостоятельную отрасль научного знания – снесареведение.

Приближающаяся юбилейная дата – 150 лет со дня рождения А. Е. Снесарева, дает прекрасный повод вновь обратиться к теме истории его жизни и деятельности. Несмотря на значительное число исследований, посвященных этой теме, еще имеются исторические сюжеты, которые относятся к категории малоизученных или требующих новой интерпретации. Этому во многом способствует все большее число вновь выявленных источников, прежде всего, архивных, как российских, так и зарубежных, значительно расширяющих возможности современного исследователя. Изучение жизни и деятельности А. Е. Снесарева невозможно вне контекста русской и всемирной истории, вне учета тех факторов, которые оказали решающее влияние на становление и развитие Снесарева как исследователя. Деятельность Снесарева была многопланова, и таким же оказалось его научное наследие, которое охватывает интересы многих научных дисциплин – военной истории, общего и военного востоковедения, страноведения, географии, этнологии и т. д. Изучение этого наследия требует спокойной и последовательной работы, чуждой пропагандистских целей, околонучной риторики и мистификаций.

Настоящая книга посвящена короткому, но чрезвычайно важному периоду жизни А. Е. Снесарева – службе в Туркестане (1899–1904). В этот период происходит формирование Снесарева как военного востоковеда, определяется круг его основных научных интересов – памироведение, индология, афганистика. До перевода на службу в Туркестанский военный округ Снесарев, как известно, был далек от темы востоковедных исследований, и эта отрасль научного знания была ему неведома. За четыре с половиной года службы в Туркестане он совершает грандиозный интеллектуальный прорыв и в короткий промежуток времени успевает занять одно из видных мест в русской ориенталистике. Туркестанский период был одним из наиболее плодотворных в деятельности Снесарева. За короткое время им написано несколько книг, десятки статей, рецензий и отзывов. В Ташкенте он активно сотрудничал с научными обществами, вел лекционную работу, состоял в переписке с известными востоковедами того времени. Служба в Туркестане дала Снесареву уникальную возможность посетить страны и территории Центральной Азии – Памир, Тяньшань, Восточную Бухару, Индию, пригиндукушские княжества. Собранный в ходе поездок и рекогносцировок полевой материал и личные наблюде-

ния он широко использовал на протяжении всей научной деятельности. Туркестанский период имел важное значение для интернационализации его научных взглядов, для получения опыта научной работы за рубежом и для ознакомления с достижениями мировой науки. В Туркестане Снесарев приобрел многие навыки военного руководителя, которые он использовал и развил на полях сражений Первой мировой войны.

В литературе последнего времени тема о Снесареве несколько уклонилась в область «высоких материй»: геополитики, национальной безопасности, «уроков для будущего» и т. д. Снесареву стали приписывать идеи, которых он никогда не высказывал, и концепции, разработкой которых не занимался. Параллельно с этим получил развитие и процесс мифотворчества – Снесарева стали продвигать на роль стратегического провидца и геополитического ясновидящего. Настоящая книга представляет собой скромную попытку рассмотреть малоизвестные эпизоды жизни и деятельности А. Е. Снесарева, увидеть его как человека, без прикрас и ретуши, и, по возможности, дать читателю представление о реальном, «земном» Снесареве, его взглядах и идеях в контексте событий эпохи. Для этой задачи оказалось мало одной краски, которой обычно рисовали портрет Снесарева, потребовались полутона, столь важные и противоречивые, что способны представить личность этого удивительного человека с неожиданной стороны.

При таком подходе потребовались источники, которые могли бы дать свежий ракурс темы, отойти от шаблона. Здесь возникла проблема не только с поиском необходимых сведений, но и с их интерпретацией и переосмыслением. Главную сложность представлял поиск архивных документов, относящихся к наименее известным эпизодам службы А. Е. Снесарева в Туркестане, – к поездке в Индию (1899 г.), рекогносцировкам Семиречья (1900 г.) и Памира (1901 г.), служебным поездкам с британскими военными атташе и ряду др. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложилось сравнительно мало документов, относящихся к этим событиям. Вместе с тем, именно в фондах РГВИА удалось обнаружить малоизвестную и важную записку Снесарева «О Памирах», содержащую подробности поездки в Индию и командования Памирским отрядом. Ввод в научный оборот записки «О Памирах», публикуемой впервые в настоящем издании, несомненно, будет способствовать изучению темы памироведения и истории международных отношений в Центральной Азии. Интересные сведения о жизни Снесарева в Ташкенте удалось получить из фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГАРУ). Целям настоящего исследования значительно способствовала обработка материалов туркестанской прессы, особенно газеты «Туркестанские ведомости». Важное значение имела работа в фондах Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Архив востоковедов ИВР РАН), который обладает уникальной коллекцией документов, связанных с жизнью и деятельностью А. Е. Снесарева. В этой коллекции отложились важные документы о туркестанском периоде службы Снесарева. Особенно важное значение для целей настоящего исследования приобрела недавно обнаруженная в фондах архива уникальная коллекция фотографий поручика П. П. Родственного, участника памирской рекогносцировки 1901 г.

Работа в фондах британских архивов – The National Archives (TNA) и Oriental and India Office Collections (OIOC), British Library – позволила выявить малоизвестную группу документов, относящихся к поездкам британских военных атташе в Туркестан, которые помогли описать деятельность А. Е. Снесарева в период работы с британскими офицерами. Британские архивы также оказались ценными при реконструкции событий, относящихся к поездке А. Е. Снесарева в Индию, ряда малоизвестных сюжетов его личной жизни. Несколько интересных и ранее не публиковавшихся фотоматериалов, используемых в настоящем издании, были любезно предоставлены Британской библиотекой и Национальной портретной галереей Великобритании.

Особую ценность представляют документы уникального архива семьи Снесаревых, крупнейшего после государственных архивов депозитария документов о жизни и деятельности А. Е. Снесарева. Архив остается не до конца разобранным и не имеет архивной каталогизации, что вполне объяснимо, так как работа ведется исключительно за счет времени и ресурсов наследников-владельцев архива. Редкие и важные документы архива были широко использованы при реконструкции многих важных эпизодов туркестанского периода жизни и деятельности А. Е. Снесарева, они позволили выяснить особенности его сложного духовного мира, установить круг интересов, взглядов и суждений.

Автор приносит искреннюю благодарность Анне Андреевне Комиссаровой (Снесаревой) и Андрею Андреевичу Снесареву, любезно предоставившим сведения из архива семьи Снесаревых. На протяжении всего периода работы над книгой А. А. Комиссарова не только всесторонне помогала автору в подборке документов из семейного архива, но и оказывала ценные консультации по многим вопросам, касающимся биографии А. Е. Снесарева. Автор также приносит благодарность ташкентскому писателю и краеведу Борису Анатольевичу Голендеру за любезно предоставленные сведения по истории старого Ташкента и редкие фотографии для публикации. Сведения о работе А. Е. Снесарева в библиотеке Британского музея были получены благодаря широкому содействию британского историка-искусствоведа Эндрю Робба (Andrew Robb). Обработку ряда редких фотографий и их подготовку к публикации выполнил шотландский фотограф и дизайнер Кен Меллин (Ken Mellin). Автор выражает им большую признательность за дружескую помощь и содействие. В заключение, слова особой благодарности и признательности членам моей семьи – Юлиане, Марии, Александру и Валентине, – которые на всем протяжении работы над книгой оказывали автору духовную поддержку и участвовали в ее создании: в разработке элементов дизайна, составлении карт, работе над архивными материалами.

Все даты в настоящем издании приведены по старому стилю, для удобства пользования сделана конвертация дат с григорианского на юлианский календарь (используемый в императорской России). Датировка в английских документах сохранена в оригинале без конвертации на юлианский календарь. Транскрипция английских фамилий приведена на основе рекомендаций специализированных изданий². Воинские звания по тексту книги относятся к конкретным эпизодам в фиксированный момент времени и применительно к одному и тому же лицу в зависимости от времени повествования могут быть различными. Авторский стиль, пунктуация, написание имен собственных и географических названий при цитировании архивных документов и работ сохранены, как правило, в соответствии с оригиналом.

² См.: Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М., 1986; BBC Pronouncing Dictionary of British Names. Sec. ed. Oxford, 1983.

Ташкент и русская армия в Туркестане на рубеже веков

Ко времени прибытия А. Е. Снесарева, Ташкент был уже довольно крупный город – административный и военный центр Туркестанского генерал-губернаторства. Город состоял из двух частей – азиатского (старого города) и русского (нового), раскинувшись на площади почти 20 кв. верст. Население города насчитывало около 160 тыс. человек³, из которых русские составляли только чуть больше 25 тыс. человек. Русская часть возникла после взятия Ташкента русскими войсками в 1865 г. и имела современную европейскую планировку – широкие улицы, на части которых уже имелось освещение, благоустроенные арыки, обсаженные большим количеством деревьев, чаще всего пирамидальными тополями. Дома были небольшими, большей частью одноэтажными, располагались на больших земельных участках, часто с красивыми садами. Юго-западную часть русского Ташкента занимала крепость. В русской части имелись скверы, например, Константиновский, разбитый в 1883 г. на площади против зданий мужской и женской гимназий, названный в честь К. П. фон-Кауфмана – Константиновским⁴. В 1898 г., когда территория города значительно разрослась, городская Дума приняла решение об установлении новой нумерации домов с установкой знаков с названиями улиц и переулков на угловых зданиях. Хороших гостиниц, ресторанов, не говоря уже о театрах, в городе не было. Во всем Ташкенте в то время отсутствовали канализация и водопровод (появился только в 1931 г.), что часто служило причиной различных эпидемий, прежде всего, холеры. Питательную воду развозили по домам особые водовозы. До 1882 г. городское освещение существовало только в русской части Ташкента. В 1895 г. город освещался керосиновыми фонарями – «коптилками», всего имелось около 2 тыс. фонарей, две трети из которых находились в русской части города. В 1890-е годы в Ташкенте появляется чудо технической мысли – телефон, а в 1901 г. – первая линия конно-железной дороги, управлявшейся бельгийским акционерным обществом «Ташкентский трамвай».

Основная часть городского бюджета уходила на благоустройство русской части Ташкента, а огромная территория старого города с тесной восточной планировкой, немощеными улицами и плохим освещением, в смысле коммунального благоустройства продолжала оставаться почти в том же состоянии, в каком нашли его русские войска, штурмовавшие Ташкент.

К западу от русской части, по другую сторону арыка Ангар, располагался старый Ташкент. По характеру улиц, построек, населению и укладу жизни, старый город резко отличается от нового Ташкента. Интересно описание старого города, помещенное в одном из ранних путеводителей:

«Огромное пространство, занятое населением старого Ташкента, представляет по внешнему виду массу желтовато-серых, большей частью одноэтажных глинобитных домов и построек (свыше 21000 жилых домов), то тесно скученных и изрезанных лабиринтом узких немощеных улиц и проходов, то разделенных, в особенности по окраинам, обширными садами, огородами и даже полями. Узкие улицы извиваются среди глиняных стен домов без окон и заборов; на них нет почти арыков, журчащих по улицам нового города, нет также деревьев и зелени, так как все сады и насаждения скрыты за высокими стенами глиняных домов и дувалов (заборов). Почти на каждой улице встречаются невзрачные приходские мечети с невысокими колоннами минаретов, на которых выют гнезда аисты, заброшенные кладбища и отдельные могилы, нередко со знаменами и бунчуками, указывающими на то, что здесь похоронено

³ По данным Всероссийской переписи 1897 г. – 155 673 человек.

⁴ Одно из первых деревьев посадил здесь генерал М. Г. Черняев. В этом сквере был похоронен генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман. По его завещанию на могиле начертаны следующие слова: «Прошу похоронить меня здесь, потому, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку».

святое или именитое лицо⁵. Лишь отдельные старинные мечети, медресе и мазары особо чтимых святых выделяются своими размерами и архитектурой на этом фоне и невольно привлекают взор путешественника, утомленного прогулкой по душным и пыльным улицам Ташкента. Центр города занимает обширный базар, состоящий из системы улиц (частью крытых) и рядов с множеством (1500) лавок, чайных (чай-хане), харчевен, мастерских и караван-сараяв, переполненных толпой. В базарные дни улицы, ведущие к базару, и самый базар переполняются массой народа; местного и пришлого из окрестностей, стадами овец, караванами верблюдов, всадниками и арбами до такой степени, что движение становится крайне затруднительным. Гул толпы, крики разносчиков меди и лакомств, возгласы нищих, завывания странствующих дервишей, рев верблюдов и ослов сливаются в гвалт, который разносится далеко во все стороны от базара. В обыкновенные дни улицы, в особенности вдали от базара, тихи и пустынно; проскрипит арба с огромным коробом самана, протрусит маленький ослик, изнемогающий под тяжестью ноши в пестром халате в огромной белой чалме; прошмыгнет, прижимаясь к стене, мрачная фигура женщины в темно-синем халате с завешанным черной волосяной сеткой лицом, и улицы вновь засыпают под палящими лучами солнца.

Старый Ташкент, как и все среднеазиатские города, был окружен ровом и высокой глинобитной стеной, в которой имелось 12 ворот (“дарваза”) <...>. От всех ворот идут к центру города – базару главные улицы, выделяющие множество переулков и проходов, разветвляющихся по всему городу»⁶.

В Ташкенте имелось семь православных церквей, из которых особенно выделялся военный Спасо-Преображенский собор, в котором находилась гробница генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана, первого туркестанского генерал-губернатора и устроителя края. В городе действовало много мечетей, имелись синагоги.

Из образовательных заведений в городе имелись мужская и женская гимназии с пансионами, реальное училище, ремесленное училище («слишком роскошное», как заметил военный министр А. Н. Куропаткин), Ташкентская учительская семинария, частные учебные заведения. В июне 1899 г. в городе была учреждена «Ташкентская подготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса»⁷.

Из медицинских учреждений в городе имелись: Ташкентский военный госпиталь (осн. 1870 г.) – первое лечебное учреждение Ташкента, городская больница, амбулаторные лечебницы, глазная лечебница, больница Туркестанской общины сестер милосердия Красного Креста, частные лечебницы, несколько аптек и многочисленные аптекарские магазины.

Общественным центром дореволюционного Ташкента являлся Большой проспект (протяженностью 2,5 км), на котором располагались здание канцелярии туркестанского генерал-губернатора, Городская управа и Туркестанская контрольная палата.

Русская колония Ташкента в начале XX в. претерпела качественное и количественное изменение. Большое влияние оказала миграция в Туркестан русского населения из внутренних областей России, чему во многом способствовало улучшение путей сообщений, особенно ввод в действие Среднеазиатской железной дороги. Развитие хлопкового рынка вызвало приток квалифицированных русских рабочих на хлопкоочистительные заводы. Среднеазиатская железная дорога также способствовала росту числа рабочих, занятых на ее обслуживании и строительстве новых станций, железнодорожных мостов, складов и пр.⁸ Постепенно в Ташкенте, как и во всем Туркестане, стал формироваться ранее невиданный здесь класс – пролетариат. Рост числа доходных предприятий – хлопкоочистительных, торговых, по производству

⁵ Кладбища и могилы были разбросаны по всему старому городу, поскольку до 1894 г. позволялось хоронить всюду. В более позднее время устроено 11 кладбищ за городской стеной.

⁶ См.: Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925.

⁷ Приказ по Военному ведомству, 20 июня 1899 г., № 179. Приказы по Военному ведомству. СПб., 1899.

⁸ См.: Shahadeo Jeff. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007. P. 109.

спирта и водки, и появление банковских и страховых контор привело к быстрому росту массы состоятельных людей. Расширение административного аппарата, увеличение количества учебных и медицинских заведений также способствовало приезду в Ташкент значительного числа интеллигенции. Русская часть населения города продолжала также традиционно пополняться отставными офицерами и уволенными со службы солдатами, проходившими службу в туркестанских войсках.

Жизнь русской колонии в Ташкенте протекала изолированно от остальной части города. На взаимоотношения русской и туземной части населения еще в значительной мере сказывались последствия Андижанского восстания 1898 г., результатом которого были чувства взаимной подозрительности, отчуждения и культурной изоляции⁹. Вместе с тем, русская администрация принимала усилия по вовлечению местного населения в сферу культурной жизни, образования, приобщению к благам европейской цивилизации. Развитие в Туркестане путей сообщения и хлопкового дела значительно способствовало увеличению среди местного населения числа лиц, обладавших практическим знанием русского языка, усилению мобильности местного населения, которое стало охотнее предпринимать поездки с торговыми целями не только по Туркестану, но и в отдаленные российские губернии. Заметны стали в местном населении и внешние перемены – строились дома на европейский манер, входили в обиход европейский костюм, пользование извозчиками, посещение европейских врачей и др. «Значительная часть местного населения, – как отмечал В. П. Наливкин, большой знаток туркестанской жизни, – утратила прежнюю духовную потребность в религии, к которой стала относиться критически. Религия постепенно для многих стала обращаться в пережиток, в формальность, требующую лишь кодексом общественных приличий, в то верхнее платье, без которого *неудобно* (курсив В. П. Наливкина – М. Б.) выйти на улицу»¹⁰.

Культурная жизнь Ташкента протекала вокруг Публичной библиотеки, уже в то время имевшей богатые книжные фонды, в летнем и зимнем театрах, военном и общественном собраниях. Военное собрание в Ташкенте было открыто в 1868 г. и в 1885 г. переехало в новое, прекрасно построенное здание на углу Московского и Воронцовского проспектов. «Здесь делаются обычные балы, – сообщал дореволюционный историк города, – маскарады и семейные вечера, а в обыкновенные вечера публика пробавляется картами. В Великий пост, а иногда в течение всего зимнего времени, читаются публичные лекции, преимущественно же по военным вопросам»¹¹.

В Ташкенте издавались газеты «Туркестанские ведомости» (осн. 1870 г.), «Туркестанская туземная газета» (осн. 1870 г., с 1888 г. выходила на русском и тюркском языках), «Русский Туркестан» (осн. 1898 г.). В городе кроме типографий канцелярии туркестанского генерал-губернатора и штаба Туркестанского военного округа имелось несколько частных типографий, издававших немало официальных и литературных изданий. Распространение просвещения вызвало появление в Ташкенте и книжной торговли. На начало XX века в городе имелось три больших книжных магазина, с годовым оборотом торговли более 100 тыс. рублей¹².

Научная жизнь Ташкента была весьма активной и разнообразной и всей своей историей являлась негласным укором известному русскому сатирику, утверждавшему, что «кроме пьянчуг, казнокрадов и всякой сволочи никто не едет в Ташкент»¹³. В столице Туркестана действовали Туркестанский кружок любителей археологии (осн. 1895), Туркестанский отдел ИРГО

⁹ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

¹⁰ Там же. С. 115–116.

¹¹ Добромыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 196.

¹² Там же. С. 283–284.

¹³ Заря (СПб.), 1870, март, с. 43.

(осн. 1897), Туркестанский отдел Общества востоковедения (осн. 1901), Туркестанский отдел Императорского Русского технического общества (осн. 1891), Туркестанское общество сельского хозяйства (осн. 1885), Ташкентское общество любителей драматического искусства и др. В 1873 г. на северной окраине Ташкента открылась астрономическая обсерватория, вокруг которой был разбит Обсервационный парк. В разные годы в обсерватории вели астрономические работы такие известные геодезисты, как генералы К. В. Шарнгорст, И. И. Померанцев и Д. Д. Геденов, полковник П. К. Залесский, Ф. К. Шварц, астрофизик В. В. Стратонов и др.

А. Е. Снесарев застал Ташкент в период важных преобразований в административном и военном устройстве Туркестанского края. 11 июня 1899 г. император Николай II утвердил положение Военного совета о передаче в ведение Туркестанского края Семиреченской и Закаспийской областей в отношении гражданского управления. 12 июня императором утверждено положение Военного совета об изменениях в организации Туркестанского военного округа. В соответствии с приказом военного министра (№ 161 за 1899 г.), округ получил корпусную организацию, были сформированы I (штаб в г. Ташкенте) и II (штаб в г. Асхабаде) Туркестанские армейские корпуса, в которые входили соответствующие управления Туркестанских стрелковых бригад, 1-я Туркестанская казачья дивизия, Закаспийская и Западно-Сибирская казачьи бригады, артиллерийские, инженерные и интендантские управления.

В соответствии с новой организационно-штатной структурой, Высочайше утвержденной 20 июня 1900 г., Туркестанские линейные бригады и батальоны преобразованы в стрелковые. До восьми увеличено число Туркестанских стрелковых бригад – 1, 2, 3, 4-я и 1-я Туркестанская резервная бригада (в I Туркестанском армейском корпусе); 5, 6, 7-я и 2-я Туркестанская резервная бригада (во II Туркестанском армейском корпусе); 8-я Туркестанская стрелковая бригада (не входила в состав корпусов и прикрывала Семиречье). По данным британской военной разведки, общая численность личного состава Туркестанского военного округа на июнь 1902 г. составляла 53 300 человек в мирное время и 92 789 человек в военное время. На вооружении войск округа имелось 128 орудий полевой и горной артиллерии, не считая артиллерии Кушкинской крепости¹⁴.

Изменения затронули также и корпус офицеров Генерального штаба, проходивших службу в войсках Туркестанского военного округа. Прежде всего, введены должности офицеров Генерального штаба в строевых частях – в управлениях стрелковых и резервных бригад, в 1-й Туркестанской казачьей дивизии, в штабе крепости Кушка. Это сразу привело к увеличению более чем на треть числа офицеров Генерального штаба в войсках округа. Мера эта имела еще и ту положительную сторону, что распространяла институт офицеров Генерального штаба на строевые части и, тем самым, придавала согласованность, гибкость и оперативность всей системе управления и планирования на уровне штаб округа – штабы корпусов и бригад. Кроме того, офицеры Генерального штаба в управлениях бригад получали возможность непосредственно руководить боевой и тактической подготовкой войск, военным образованием строевых офицеров, принимать участие в мероприятиях по разведке сопредельных стран.

К концу 1901 г. в войсках Туркестанского военного округа числилось 34 генерала и офицера Генерального штаба¹⁵. Основная часть офицеров несла службу в штабе округа – в отчетном, строевом, мобилизационном отделениях и в управлении начальника военных сообщений. Отдельные офицеры выполняли служебные обязанности в качестве «офицеров для поручений» (штаб – и обер-офицеры). Несколько должностей, занятых офицерами Генерального штаба, имелось в Туркестанском военно-топографическом отделе (ВТО). Кроме штабной службы офицеры Генерального штаба несли так называемую «службу при войсках». Она

¹⁴ OIOC, L/MIL/17/14/86: Distribution of the Russian Military Forces in Asia. Compiled in the Intelligence Division, War Office, by Major E. Peach, D. A.Q.M. G. Correct to 1 June, 1902.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1742. Л. 2. Особые работы, возлагаемые на офицеров Генерального штаба [Туркестанского военного округа].

заклучалась в проведении тактических занятий со строевыми офицерами, участии в качестве руководителей в полевых поездках офицеров, а также в лагерных сборах.

С новыми штатами округ получил более стройную организацию, усилил боевой потенциал качественно и количественно, и, соответственно, получил возможность для решения более широких оперативных и стратегических задач. В описываемый период войска округа предназначались для стратегического прикрытия широкой приграничной полосы Туркестанского края от юго-восточного побережья Каспийского моря до Западного Китая (Восточный Туркестан и часть Джунгарии). В зону оперативной ответственности округа входили участки русско-персидской, афганской и китайской границ. Основными противниками, на которых были нацелены силы округа, считались Афганистан (как ближайший к русской границе) и Британская Индия. Боевые действия непосредственно против Британской Индии штабом округа не отрабатывались, для этого у округа имелось слишком мало наличных сил и средств, и решение этой задачи входило в ведение Главного штаба. Однако возможность боевого столкновения с индо-британскими войсками, которые могли выступить на стороне афганской армии, принималась в расчет вполне серьезно и учитывалась в боевом и мобилизационном планировании.

Согласно плана боевого применения войск («мобилизационного расписания») Туркестанского военного округа, в случае войны с Афганистаном основной задачей войск округа являлся разгром афганской армии в Северном Афганистане и овладение Кабулом, откуда открывался оперативный простор для дальнейшего наступления на равнины Индии¹⁶. С той целью разрабатывались два операционных направления – Кабульское (Самарканд – Кабул) и Гератское (Мерв – Герат). Для действий на первом операционном направлении предназначались силы I-го и части II-го Туркестанского армейских корпусов, Амударьинской военной флотилии и Амударьинской бригады пограничной стражи. Все эти силы образовывали так называемую Амударьинскую армию¹⁷. Для действий на втором – часть сил II-го Туркестанского армейского округа и резервы из Кавказского военного округа, перевозимые к театру войны морем и далее по Среднеазиатской железной дороге¹⁸. Войска, предназначенные для наступления на Герат, образовывали Мургабскую армию. Ближайшей задачей Амударьинской армии был захват переправ у Патта-Гиссара, обеспечение переправы войск через р. Амударью и овладение стратегическими позициями в Афганском Туркестане (Мазар-и-Шариф и крепость Дейдади). Направление дальнейшего наступления – на Кабул. После овладения Кабулом и Гератом и подхода резервов из глубины России происходило перенацеливание сил и средств группировки русских войск для дальнейшего наступления в глубь Индии. Войска гератской группировки получали операционное направление Герат – Кветта – Дели, кабульской – Кабул – Дели. Действия войск на этих двух операционных направлениях предусматривали полный разгром афганской армии и уничтожение основных сил индо-британской армии и овладение территорией Северной Индии, центром которой являлся город Дели.

Мобилизационное расписание Туркестанского военного округа предусматривало также ведение боевых действий на ряде второстепенных театров – в Персии (Тегеранское направление), Северо-Индийском (Пенджабское направление), в Западном Китае (Ферганско-Кашгарское и Джунгаро-Семиреченское направления). Изучение Северо-индийского театра займет важное место в деятельности А. Е. Снесарева в туркестанский период, о чем будет подробнее сказано ниже.

¹⁶ См.: Мельников Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (Опыт военно-географического описания). Ташкент, 1907. С. 1.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 434. Л. 90–95 об. Отчет штаба Туркестанского военного округа о стратегической военной игре офицеров Генерального штаба в 1907 г.

¹⁸ OIOC, L/MIL/17/14/86: Distribution of the Russian Military Forces in Asia. Compiled in the Intelligence Division, War Office, by Major E. Peach, D. A.Q.M. G. Correct to 1 June, 1902.

В начале XX в. Ташкент представлял собой один из центров русского военного востоковедения. Работа по изучению сопредельных с округом стран Востока – Персии, Афганистана, Индии и Китая велась преимущественно офицерами Генерального штаба. В это время в Туркестане служили такие известные исследователи Востока, как М. В. Грулев, А. Г. Серебренников, Н. С. Лыкошин, Л. Г. Корнилов, А. Д. Шеманский, И. Д. Ягелло, И. К. Серебренников, В. Ф. Новицкий, И. Т. Пославский и многие другие. При штабе Туркестанского военного округа действовала Ташкентская офицерская школа восточных языков¹⁹. В школе готовили военных востоковедов со знанием языка индустани (урду). В более позднее время в программе школы язык урду был дополнен персидским, тюркским, китайским и английским языками. Ташкентская офицерская школа восточных языков являлась единственным военно-востоковедным учебным заведением в русской армии, где читался курс разведки. Туркестанскими военными востоковедами ежегодно совершались рекогносцировки по Туркестанскому краю, поездки по сопредельным странам, издавались солидные военно-географические и военно-статистические работы, труды по лингвистике и этнологии. Они активно сотрудничали с общероссийской и туркестанской прессой, публиковались в изданиях военного ведомства. Немало офицеров состояло действительными членами туркестанских научных обществ: Туркестанского отдела ИРГО, Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Общества востоковедения.

Таким образом, к моменту приезда А. Е. Снесарева в Ташкент, там уже имелись все необходимые условия для его последующего становления как крупного военного востоковеда. Этому во многом способствовала и атмосфера тех дней в среде туркестанских офицеров Генерального штаба, обусловленная их повседневной деятельностью, – служба на границах Империи, рекогносцировки и поездки по странам Востока, изучение восточных языков, литературная и научная деятельность. Здесь также важно отметить, что в Ташкенте Снесарев оказался в среде офицеров Генерального штаба, которые имели солидные познания Востока и значительный опыт службы на туркестанской окраине. Некоторые офицеры, как например, Генерального штаба подполковники М. В. Грулев, П. А. Кузнецов и А. Д. Шеманский, капитан Д. Н. Логофет уже приобрели известность своими военно-географическими и военно-востоковедными работами. Д. Н. Логофет был достаточно известен своими статьями о «военной жизни азиатских окраин» (по выражению А. И. Деникина)²⁰. Это была достаточно конкурентная среда, она создавала для Снесарева не только систему ориентиров, но и вовлекала его в обстановку творческого соревнования, способствовала возникновению у него желания также сделать себе имя на ниве научной деятельности. Вся последующая деятельность А. Е. Снесарева в Туркестане – это непрерывный процесс работы над собой, самосовершенствования и самообразования, желания самоутвердиться и сделать себе громкое имя. Служба Снесарева как офицера Генерального штаба с первых дней оказалась неразрывно связана с Индией, и таким *l'objet de charme* она осталась для него на всю последующую жизнь.

¹⁹ Известна также как курсы языка индустани. Курсы открыты в сентябре 1897 г. при штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте и в декабре того же года при штабе войск Закаспийской области в Асхабаде. В 1898 г. два курса объединены в один в Ташкенте.

²⁰ Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929. С. 120.



В гостях у лорда Керзона: Снесарев в Индии

О поездке в Индию А. Е. Снесарев никогда не помышлял и попал в эту страну, как и на службу в Туркестанский край, совершенно случайно. Это событие имело свою предысторию. В ноябре 1898 г. британский посол в Петербурге обратился в Министерство иностранных дел России с просьбой разрешить двум офицерам индо-британских войск – майору Медли (Major E. J. Medley) и капитану Кенниону (Captain Kennion), в начале 1899 г. проехать из Северной Индии в Россию через территорию Памира²¹. Военный министр генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин удовлетворил просьбу посла, но при этом высказал условие, чтобы правительство Великобритании дало разрешение русским офицерам проехать через Памир в Индию по четырем разным направлениям с целью ознакомиться с Северо-Западной пограничной провинцией²². Ответным письмом британский посол уведомил, что правительство дало согласие на поездку русских офицеров только через пер. Калик в Хунзу и Нагар и далее через Кашмир в Индию. В феврале-марте 1899 г. посол Великобритании в Петербурге обратился с новым ходатайством о разрешении еще двум офицерам – подполковникам Поуэллу (Lieut.-Col. Powell) и Мак-Суини (Lieut.-Col. McSwiney)²³, совершить путешествие по русским среднеазиатским владениям, причем, для последнего испрашивалось согласие на осмотр Кушкинской ветви Среднеазиатской железной дороги и на поездку из Чарджуя вверх по р. Амударье.

Начальник Главного штаба генерал-лейтенант В. В. Сахаров в отношении на имя военного министра указывал в этой связи: «<...> английское правительство, заручившись нашим условным согласием, в свою очередь довело численность своих офицеров-путешественников до четырех, предварив это мерою сообщение нам своего уклончивого ответа. К тому же, сузив для нас район разведки всего лишь до одного направления и притом наименее для нас интересного, английское правительство намечает для своих рекогносцеров относительно весьма широкую полосу с включением железнодорожной ветви Мерв-Кушка и верхнего течения Амударьи. Будучи стеснены ответом английского правительства в выборе направления, нам, по-видимому, неизбежно ограничиться отправлением только одного офицера (состоящего для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа подполковника Кузнецова)»²⁴.

Военный министр в резолюции на документе указал: «Памирское направление для нас совершенно не интересно. Тем не менее, и им воспользоваться надо. Двух английских офицеров мы можем пустить тоже только через Памиры²⁵. Через Кушку мы отнюдь не можем никого

²¹ The National Archives (TNA)/FO106/2/25 Inclosures 1–6: To His Excellency the Right Honourable the Governor General of India in Council. India Office, London, 16 June 1899. (Secret).

²² Тогда же начался и поиск кандидатов для поездки в Индию. Как следует из письма начальника Главного штаба товарищу министра иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу (10 января 1899 г.), свое желание отправиться в Индию выразили делопроизводитель канцелярии ВУК Главного штаба полковник граф В. В. Муравьев-Амурский, состоящий для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа подполковник П. А. Кузнецов, делопроизводитель Азиатской части Главного штаба А. Г. Скерский и состоящий по Гвардейской кавалерии корнет князь Урусов. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 19.

²³ Мак-Суини Эдвард (Edward Frederick Henry McSwiney, 1858–1907) – бригадный генерал. Родился в Кронштадте (Россия) в семье священника англиканской церкви (ныне Крестовоздвиженская церковь). Скончался в г. Амбала (Индия) от дизентерии.

²⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 36 об. – 37. Отношение начальника Главного штаба военному министру, 22 апреля 1899 г.

²⁵ В дореволюционной литературе название Памира часто употреблялось во множественном числе, как результат следования британской географической традиции, в которой Памир разделялся на несколько отдельных частей – «Тагдумбаш-Памир», «Аличур-Памир», «Малый Памир», «Ваханский Памир» и т. д. В этой связи интересно замечание А. Е. Снесарева: «У нас употребляется название безразлично, как во множественном, так и в единственном, точно так же как и в западно-европейских литературах. Казалось бы правильнее употреблять в единственном...». См.: Снесарев А. Е. Северо-индийский

пропустить. Почему мы выдумали четыре направления через Памиры? Чем руководствовались? Можно ограничиться посылкою двух офицеров вместе, например, Кузнецова и Корнилова. Куропаткин. 25/IV»²⁶.

В секретном письме к министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву военный министр уведомил, что разрешением британского правительства проехать в Индию воспользуются только два офицера – подполковник Кузнецов и капитан Корнилов²⁷. Таким образом, изначально к командировке в Индию предназначались два перспективных офицера Генерального штаба, проходивших службу в Туркестанском военном округе, – П. А. Кузнецов и Л. Г. Корнилов. Первый был хорошо знаком с Памиром – совершил там несколько важных рекогносцировок, второй – провел тайную рекогносцировку Афганского Туркестана.

В середине мая 1899 г. министр иностранных дел уведомил А. Н. Куропаткина, что маркиз Солсбери, премьер-министр Великобритании, довел до русского политического агента по азиатским делам в Лондоне П. М. Лессара ноту, в которой просил сообщить точные сроки приезда русских офицеров к пер. Калик с тем, чтобы выслать для их встречи офицера индо-британской армии. В резолюции на письмо министра иностранных дел А. Н. Куропаткин отметил: «Надо спешить с депешами, выяснить срок проезда, определить денежные средства и спросить Высочайшего соизволения. Куропаткин. 18/5»²⁸.

5 июня 1899 г. из Ташкента на имя начальника Главного штаба пришла шифрованная телеграмма за подписью начальника штаба Туркестанского военного округа: «Офицеров, предложенных военным министром, командующий войсками затрудняется командировать по незнанию ими ни европейских, ни туземных языков населения Индии, почему просит назначить подполковника Полозова и одного офицера Генерального штаба из Петербурга, причем, желательно, чтобы этот впоследствии был переведен на службу в Туркестан»²⁹.

Заметим, что доводы командующего войсками очень похожи на уловку с целью не отправлять Кузнецова и Корнилова, ценных и необходимых в округе офицеров, в командировку, польза которой для нужд округа представлялась С. М. Духовскому сомнительной. В пользу этой версии говорит и тот факт, что французским языком Кузнецов и Корнилов владели достаточно свободно. Незнание «туземных языков населения Индии» не помешает Корнилову совершить поездку по Индии в 1903–1904 гг. В действительности, Духовской придержал офицеров в округе в связи с тем, что у подполковника Кузнецова подходило старшинство в следующем чине (полковника) и при этом открывалась вакансия командира 5-го Оренбургского казачьего полка, дислоцированного в Ташкенте и составлявшего личный резерв командующего на случай чрезвычайных ситуаций. На этой должности Духовской хотел иметь офицера-туркестанца, опытного и лично ему знакомого. Корнилов рассматривался командующим как наиболее подходящая кандидатура для назначения на вновь учреждаемую должность офицера Генерального штаба при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре. Должность вводилась в связи с обострением «сарыкольского вопроса» и усилением британских интриг в Кашгаре.

Просьба генерал-лейтенанта С. М. Духовского была удовлетворена военным министром. По его поручению помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант Е. Е. Уссаковский обратился с просьбой к начальнику Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ) генерал-лейтенанту Н. Н. Сухотину – «предложить поехать в Индию, на 6-месячный примерно срок, одному из офицеров, успешно окончивших в этом году курс академии Генерального

театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. 1.

²⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 36.

²⁷ Там же. Л. 40. Письмо военного министра – министру иностранных дел, 30 апреля 1899 г.

²⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 44–44 об. Письмо министра иностранных дел – военному министру, 17 мая 1899 г.

²⁹ Там же. Л. 58. Шифрованная телеграмма начальника штаба Туркестанского военного округа, 5 июня 1899 г.

штаба»³⁰. Уссаковский указал также на условия командирования: «Офицер этот должен обладать необходимым тактом, дабы отнюдь не обнаружить истинной цели своего путешествия, знать иностранные, по возможности, английский, языки и предназначить себя для дальнейшей службы в Генеральном штабе при войсках Туркестанского военного округа»³¹.

Генерал-лейтенант Сухотин обратился к выпускникам академии с предложением отправиться в командировку в Индию с последующим прохождением службы в Туркестане. На предложение откликнулось семь офицеров: штабс-капитаны Сербинович, Снесарев³², Казанович, Скобелыцын, Батюшин, ротмистр Иолшин и подъесаул Черячукин. В связи с тем, что ряд офицеров из этого списка не были причислены в тот год к Генеральному штабу (по отсутствию вакансий в корпусе Генерального штаба), то для дальнейшего отбора было оставлено три офицера: Сербинович, Снесарев и Иолшин. Что касается английского языка, то из них только штабс-капитан Снесарев мог «читать, писать и понимать разговорную речь». При этом он имел самый высокий бал (12) по немецкому языку, но невысокий бал (9,5) по французскому языку³³.

По итогам отбора Сухотин докладывал в Главный штаб: «Наиболее соответствующим требованиям <...> признаю 1-го Лейб-Гренадерского Екатеринославского Императора Александра III полка штабс-капитана Снесарева, как владеющего вполне французским и немецким языками и понимающего английский язык, окончившего курс кандидатом математических наук в Московском Императорском университете, обладающего необходимым тактом и не стесненного семейным положением»³⁴. В литературе иногда можно встретить утверждение, что Снесарева для поездки в Индию выбрал лично военный министр А. Н. Куропаткин. В действительности, выбор штабс-капитана Снесарева сделан начальником НАГШ, Куропаткин же только утвердил выбор генерал Сухотина.

19 июня генерал-лейтенант Уссаковский уведомил начальника академии, что военный министр изволил назначить к командированию в Индию штабс-капитана Снесарева³⁵. 22 июня Снесареву вручили «весьма секретное» предписание начальника академии: «Согласно отзыва Главного штаба <...>, военный министр изволил предназначить к командированию в текущем году в Индию Ваше Высокоблагородие, почему предлагаю Вам по получении от казначея академии прогонных денег отправиться в штаб Туркестанского военного округа, куда и прибыть в поверстный срок для дальнейшего отправления в путешествие одновременно с Генерального штаба подполковником Полозовым и последующей, по возвращении, службы в Туркестанском военном округе»³⁶.

Тем временем по запросу Военно-ученого комитета (ВУК) Главного штаба начальник штаба Туркестанского военного округа разработал смету расходов для поездки офицеров в Индию. Штаб исходил из желания командировать офицеров по маршруту: пер. Калик – Гилгит – Сринагар или Аббот-Абад – Равалпинди – Джелам – Атток – Пешавар – Бану – Дера – Исмаил-хан – Гази-хан – Лахор. По мнению начальника штаба округа генерал-майора Сахарова, «подобный маршрут помимо ознакомления с путями и сообщениями стран, по которым они пролегают, дал бы возможность ознакомиться со складами и укреплениями северо-западной границы Индии, важнейшим для нас участком Инда и проходами как Хайберским и Шутар-Гарданским, так и лежащими в Сулеймановых горах. Кроме того, было бы желательно, чтобы командируемые офицеры, воспользовавшись каким-либо случаем, проникли к племе-

³⁰ Там же. Л. 63 об. Секретное письмо помощника начальника Главного штаба начальнику НАГШ, 11 июня 1899 г.

³¹ Там же.

³² Снесарев изначально предназначался для прохождения службы в Киевском военном округе.

³³ Напротив оценки по французскому языку в тексте документа имеется ссылка: «Имеет 9,5 баллов только потому, что отказался писать сочинение на тему; объясняется же свободно».

³⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 64–64 об. Секретное отношение начальника НАГШ в Главный штаб, 15 июня 1899 г.

³⁵ Там же. Л. 67. Секретное отношение помощника начальника Главного штаба начальнику НАГШ, 19 июня 1899 г.

³⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1763. Л. 15. Письмо начальника НАГШ штабс-капитану Снесареву, 22 июня 1899 г.

нам, населяющим Северо-Западную границу Индии, почему считал бы необходимым дать им разрешение принять при возможности участие в могущей быть английской экспедиции. Обратный путь офицерам для выигрыша времени пребывания в Индии и для уменьшения стоимости командировки рассчитан морем на Одессу»³⁷. Из Одессы предполагалось, что офицеры вернутся в Ташкент через Потти, Баку и Красноводск.

Расходы по командированию (подъемные, путевые деньги, разъездные по Индии, суточные на 6 месяцев) штаб Туркестанского военного округа определил в 5116 руб. для штаб-офицера и 4187 руб. для обер-офицера. Ознакомившись со сметой расходов, А. Н. Куропаткин оставил на документе весьма интересную резолюцию: «Надо назначить и деньги на разъезды. Кроме того, подъемные надо увеличить в два или полтора раза. Не все равно, ехать в Париж или в Индию через Памиры. Куропаткин, 30/6»³⁸. В итоге, сумма подъемных денег для Полозова и Снесарева была увеличена вдвое – 2000 руб. и 1600 руб. соответственно.

В начале июля Главный штаб подготовил записку на Высочайшее имя, в которой сообщалось о командировании Генерального штаба подполковника Полозова и причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Снесарева в Индию. В записке указывалось, что «русским офицерам-путешественникам во все время пребывания в пределах Индии будет оказано широкое гостеприимство, причем для сопровождения их от самой границы и оказания им возможного содействия будут назначены особые офицеры»³⁹. Военный министр 6 июля представил доклад императору Николаю II и получил на испрашиваемое Высочайшее соизволение.

Согласно сведениям из послужного списка А. Е. Снесарева, в командировке в Индию он находился с 29 июня 1899 г. по 17 февраля 1900 г. Полная картина самой поездки не может быть составлена по причине отсутствия полноценных источников, прежде всего, архивных (нами такие, во всяком случае, не обнаружены) и печатного отчета Снесарева о результатах поездки. Нет сведений о ней и в материалах прессы того времени, за исключением двух небольших заметок, о которых мы скажем ниже. Пожалуй, единственным источником, проливающим свет на поездку Снесарева в Индию, остаются его письма к сестре, Клавдии Евгеньевне Комаровой за период 29 июля – 29 ноября 1899 г. По этой причине при реконструкции событий периода путешествия по Индии мы будем довольно широко пользоваться ими.

В Ташкент Снесарев прибыл 13 июля 1899 г.⁴⁰, проделав нелегкий путь из Петербурга через Баку и Красноводск и далее по Среднеазиатской железной дороге. Ташкент встретил Снесарева страшной жарой, как раз стоял знаменитый ташкентский «саратон» (пик летней жары). «Здесь выношу жару сносно, – сообщал он сестре в письме, датированном концом июля, – (ты и представить себе не можешь здешней духоты), лихорадкой еще не заболел, погань никакая не укусила...»⁴¹.

В Ташкенте Снесарев представился командующему войсками округа генерал-лейтенанту С. М. Духовскому и начальнику штаба генерал-майору В. В. Сахарову. По его свидетельству, руководством округа ему был оказан самый теплый прием. В письме к сестре Снесарев упоминает о том, что завел много знакомств среди иностранцев, им уже стали интересоваться: «Все это на первый раз меня сильно удивляло; немало стесняло меня внимание со стороны иностранцев при личных столкновениях... теперь я начал привыкать и смотрю на это как долж-

³⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 73–73 об. Секретное отношение начальника штаба Туркестанского военного округа на имя начальника Главного штаба, 15 июня 1899 г.

³⁸ Там же. Л. 75. Доклад по Главному штабу, 30 июня 1899 г.

³⁹ Там же. Л. 78. Доклад по Главному штабу на Высочайшее имя, 2 июля 1899 г.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1763. Л. 14. Рапорт причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Снесарева начальнику штаба Туркестанского военного округа.

⁴¹ АСС ПСК, 29 июля 1899 г.

ное... словом зазнаюсь»⁴². Заметим, что столь неожиданное начало его службы – ответственная миссия в Индию, – внимание к нему сильно окрыляют Снесарева и укрепляют его самооценку.

По действовавшему тогда положению, выпускники Николаевской академии Генерального штаба до вступления в исполнение служебных обязанностей прикомандировывались к штабам военных округов для прохождения лагерных сборов по специальности Генерального штаба. Срок пребывания на лагерных сборах обычно составлял два месяца. Учебные лагеря имелись в каждом военном округе и были оборудованы необходимым числом стрельбищ, полигонов и тактических учебных полей. Летние занятия в таких лагерях проводились в течение трех-четырех месяцев и предусматривали строевую, тактическую и огневую подготовку отдельных воинских частей. В Туркестанском военном округе окружной учебный лагерь находился близ села Троицкое в тридцати верстах севернее Ташкента. Снесарев был прикомандирован к летнему лагерю⁴³, но пробыл в нем совсем недолго, около двух недель. Затем он вернулся в Ташкент и приступил к сборам для поездки в Индию.

В письме к сестре Снесарев сообщал о том, что практически договорился с одной из газет (мы можем предположить, с «Туркестанскими ведомостями») о публикации его писем с дороги. Предполагалось, что небольшие корреспонденции будут регулярно печататься в газете с интервалом в 10–12 дней. Снесарев задумал дать циклу писем название «В Среднюю Азию (путевые впечатления)» и даже придумал себе псевдоним – «Де-ш (т. е. Детыш)». Интересный проект остался, к сожалению, неосуществленным. Очевидно, Снесарев, находясь еще в Ташкенте, не мог представить себе всех трудностей пути и проблем с отправкой корреспонденции на родину.

Накануне отъезда он сообщил сестре о некоторых деталях предстоящей поездки в Индию: «Перейду к делу: я отправляюсь по Высочайшему соизволению в Индию на 6–8 мес[яцев]; так как об этом сказано уже в английских газетах (напр. Times), в нашем «Новом времени» и других, то скрывать это нет смысла. Половина пути мною будет сделана официально, (я считаюсь гостем Великобритании на всей территории Индии), остальная, вероятно, иначе. Во всяком случае, риска от этого не меньше (если не больше) и лучше бы было, если бы не говорили слишком много (последнее относится особенно к сестрам, [которые] не прочь похвастать своими братьями). На командировки (на 6 месяцев) я получил 5 тыс. плюс разных других до 2 тыс. Мне уже сшили статский костюм, закупили валенки, вьюки, полушубки и т. д. Я нанял себе джигита (лакея из туземцев)... Все готово, завтра выезжаем в 12 час. ночи». Там же он указывал адрес, по которому ему следует писать в Индию, – г. Равалпинди, первый крупный город на участке маршрута после пересечения индо-британской границы, в котором предполагалась непродолжительная остановка на отдых. Вполне реально представляя себе, что в Индии русские офицеры будут находиться под неусыпным оком индийской полиции, Снесарев просит сестру отправлять письма «невинные», не задавать ненужных вопросов и не интересоваться подробностями его путешествия.

Для донесений с маршрута Снесарев в целях конспирации разработал систему и порядок обмена информацией со штабом Туркестанского военного округа. Передаточным звеном должна была стать сестра, чей адрес в Центральной России не вызвал бы особых подозрений у «специальной службы» индо-британской полиции⁴⁴. О порядке связи Снесарев сообщал сестре: «Я, перед отъездом из Ташкента, написал тебе письмо... В нем я забыл упомянуть, что некоторые сведения к своему начальству я буду посылать через тебя и следующим образом: желая, чтобы ты сообщила что-либо от меня, я тебе буду писать, например: “передай дяде

⁴² Там же.

⁴³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 338–604 (1911 г.). Приказ по войскам Туркестанского военного округа 1899 г. № 227.

⁴⁴ В описываемый период контрразведывательная деятельность в Британской Индии осуществлялась «специальной службой» (Special Branch) полицейского управления Индии. См.: Popplewell R. J. Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence of the Indian Empire 1904–1924. London, 1995. P. 36–37.

Всеволоду, что я то-то и то-то...». Если описание моего действия тебе будет не понятно, то ты воспроизводишь сказанное мною просто в кавычках, т. е., например, “передай дяде Всеволоду⁴⁵, что я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты будут очень удачны”; тебе не понятна эта “охота” и потому ты будешь писать так:

Милостивый Государь Всеволод Викторович!

В письме своем от (такого-то) числа из (такого) города брат просит сообщить Вам о своей работе, что он характеризовал следующей фразой: “я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты были очень удачны”.

Примите уверение в моем глубоком уважении,

Клавдия Комарова.

Если же я тебе напишу так: “Передай дяде Всеволоду, что я нахожусь в Лагоре и в настоящее время занят изучением условий службы гарнизонов, расположенных там-то...”, ты можешь изложить от себя:

Милостивый Государь Всеволод Викторович!

В письме своем от “ ” числа из “ ” города брат просит сообщить Вашему Превосходительству, что он находится в настоящее время в Лагоре и занят тем-то...

Письма свои ты будешь адресовать так: “Его Превосходительству генерал-майору Всеволоду Викторовичу Сахарову начальнику штаба Туркестанского военного округа. г. Ташкент.”

В первом своем письме к генералу ты сообщишь, что я нашел более удобным периодически давать сведения через тебя, что ты моя родная сестра и что твой адрес такой-то. Может быть, ты получишь что-либо и от генерала для сообщения мне, передавай мне в возможно подходящей форме...

Обо всем сказанном не говори никому (кроме брата Пани, если он еще не уедет в Петербург)... Я вполне за тебя спокоен и уверен, что ты справишься со своей работой...»⁴⁶.

Из Ташкента Снесарев выехал по железной дороге в Фергану. С узловой станции Черняево, на которой дорога из Ташкента раздваивалась: на восток – в Ферганскую долину, и на юго-запад – в Самарканд, он отправил сестре новое письмо. В нем сообщаются некоторые подробности поездки: «Со вчерашнего числа я оделся в статское и теперь хожу джентельменом... Лишь по крику (повелительному), который иногда срывается у меня, да по фигуре во мне можно было бы признать военного... Какова судьба (возможная) наших путешествий: сегодня получил известие, что английский полковник Мак-Суини (мой приятель, едущий из России в Индию несколько иным путем) лежит сильно больной в Новом Маргелане и, может быть, будет не в состоянии выдержать путешествия в горах (требующего крепкого здоровья и особенно надежной груди)...».

В этом фрагменте обращает на себя внимание упоминание о полковнике Максуини, которого Снесарев именует «мой приятель». Британский офицер с разрешения русских властей путешествовал в это время по русским среднеазиатским владениям. Он проехал из Петербурга в Одессу, затем в Батум, Баку, Красноводск, Ташкент, Новый Маргелан. Дальнейший его путь лежал в Ош и Иркештам, откуда он предполагал перейти в китайские пределы и отправиться в Кашгар, затем вернуться в Индию через Яркенд и Гилгит⁴⁷. В то время Снесарев был еще далеко не искушен в тонкостях Большой игры в Центральной Азии, опыт придет к нему несколько позже. Он не мог тогда знать, сколько проблем доставит ему и Полозову его новый «приятель». Полковник Максуини являлся кадровым военным разведчиком и в разведывательном департаменте штаба индо-британской армии считался основным специалистом по России и русской армии в Туркестане. Он отлично знал Памиры (участвовал в работах сме-

⁴⁵ Имеется в виду начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Всеволод Викторович Сахаров.

⁴⁶ АСС ПСК, 31 июля 1899 г., ст. Черняево.

⁴⁷ TNA/FO106/2: Lieutenant-Colonel McSwiney's Itinerary.

шанной англо-русской разграничительной комиссии на Памирах в 1895 г.), Кашгарию, районы по обе стороны Восточного Гиндукуша, достаточно хорошо знал русский язык.

Максуини застал Снесарева в Ташкенте и, очевидно, встречался с ним. Снесарев упоминал о большом интересе к нему со стороны иностранцев, среди которых был и «англичанин, приехавший из Лондона в Ташкент». Интересовались им и другие иностранцы, среди которых был агент британской разведки – под псевдонимом «Мг. Х». Он действовал в Ташкенте под прикрытием представителя одной из британских торговых фирм и снабжал британскую разведку сведениями о положении дел в Русском Туркестане и о состоянии войск Туркестанского военного округа. При встрече в Ташкенте агент сообщил Максуини, что русские офицеры, которые должны совершить поездку в Индию через Памиры, пер. Калик и Хунзу, оснащены геодезическими инструментами и фотоаппаратами. По его предположению, офицеры готовились совершить съемки Сарыкола и границы с Кашгарией⁴⁸. Это сообщение сильно насторожило индо-британские власти, было принято решение усилить надзор за русскими офицерами после перехода ими границы с Индией.

В Новом Маргелане Снесарев присоединился к подполковнику Полозову, прибывшему туда несколькими днями ранее. Затем они отправились в Ош, где непродолжительное время провели в гостях у подполковника В. Н. Зайцева, воинского начальника Ошского уезда, занимаясь подготовкой к поездке через Памир. Подполковник Зайцев был в Туркестане личностью известной и пользовался заслуженным уважением. Активный участник памирских походов (1891–1893 гг.), начальник Памирского отряда и устроитель Памирского поста (1893–1894 гг.), автор нескольких военно-востоковедных работ, Зайцев по праву пользовался репутацией одного из лучших знатоков Памира. Накануне приезда Снесарева и Полозова у него гостил знаменитый шведский путешественник Свен Гедин (отправился в Кашгар с экспедиционным караваном 19 июля) и, предположительно, останавливался полковник Максуини (был в Оше около 25–26 июля)⁴⁹. 17 августа Снесарев и Полозов через Ош, Гульчу по Большой Памирской дороге достигли Памирского поста. Из письма к сестре: «Я нахожусь сейчас в Памирах, в 400 верстах южнее гор. Оша на р. Мургаб... 11 дней как еду верхом по высотам 13–14 т. футов. Все вынес удачно; обыкновенно люди (в первый раз) подвержены головным болям, расстройством желудка и течению крови из носа, рта и ушей... Температура на высотах и на данной географической широте – невозможная: открыто солнце – тропическая жара, закрыто и еще ветерок – стужа, в последнем случае еду по зимнему: бараний тулуп, валенки и меховая шапка... всегда набрюшник и голова укрыта фланелькой... Много видал нового и интересного, два раза охотился... словом еду с открытым ртом ребенка... Сегодня у нас дневка, а завтра мы с товарищем временно расходимся: он идет долиной р. Ак-су – более длинной (в обход афганской территории), а я пойду напрямик по перевалам, через четыре дня достигну афганской территории и 5 дней пройду по ней до границы английской... здесь подожду товарища... Со мной идут мой слуга Ата-бай, проводник (кэрэкэш) выючных лошадей (у меня две) и несколько казаков (2–3)... Последние идут лишь два перехода, далее следую один... возможно, что афганцы меня не пропустят,... если не удастся пробиться, поверну на дорогу товарища (впрочем, этого не думаю...)... с англичанами я встречу первый и буду проситься, чтобы они разрешили товарищу идти через другой перевал (Мэн-Тэкэ), а не через Килик⁵⁰ [который] слишком для него высок, суров и он его не перевалит... Сам иду последний с англичанами... Я посылаю тебе свои записки, веденные мною по Памирам... Я их вырвал из книжки, чтобы не подвергать опасности... Возможно, что афганцы или англичане отберут у меня записанное (подлецы афганцы

⁴⁸ TNA/FO106/2: A Note on Views of Mr. X, British merchant and of Colonel McSwiney. War Office, Intelligence Division to Under Secretary of State for Foreign Affairs, 29 August 1899.

⁴⁹ ТВ, 1899, № 59.

⁵⁰ Перевалы Калик (на англ. картах – Килик), высота над уровнем моря 4827 м, Минг-теке или Мин-теке (на англ. картах – Минтака), высота – 4709 м, являются двумя основными перевалами, выводящими в верхнюю часть долины Хунзы с севера.

могут отобрать и все); пусть хоть это будет сохранено... <...> По приходе на ночлег Ата-бай (слуга) готовит мне походную постель, в головах образок, рядом на сундуке револьвер, карты и книги. Это мой походный кабинет... Чаше всего, пообедав, приходится ложиться спать... утомление бывает так сильно, что если не дают сейчас есть, то я падаю на пол и моментально засыпаю... Раз на привале заснул под открытым небом, пошел дождь и мочил меня, пока не догадались разбудить... Если есть время, то я занимаюсь в кабинетике: пишу, читаю, изучаю карты...»⁵¹.

Маршрут Снесарева пролегал по самой восточной оконечности Ваханского коридора, территории, которая, в соответствии с протоколом о разграничении на Памире 1896 г., принадлежала Афганистану. В своей восточной части Ваханский коридор соприкасался с Тагдумбаш-Памиром, права на который предъявляли как китайцы, так и канджутцы, но китайцы никогда не контролировали эту часть Памира фактически. Ближайший китайский пост в верхней части р. Тагдумбаш находился от Снесарева в 50–60 верстах по прямой, а с учетом горных путей и того более. Поэтому ожидать встречи с китайскими постами Снесареву не приходилось. Киргизский староста, исполнявший роль китайского пограничного надсмотрщика, встретился Снесареву только у пер. Калик, но он не мог предъявить Снесареву каких-либо вразумительных претензий. Что касается упоминания о предстоящем 5-дневном переходе по афганской территории, то в действительности этот переход (ок. 18 верст) был сделан Снесаревым форсированно в течение нескольких часов.

Из письма также не вполне ясно, в связи с чем Снесарев беспокоился о физических способностях подполковника Полозова. Последний в отличие от Снесарева хорошо знал район и имел опыт горной подготовки. За год до этого Полозов провел рекогносцировку дороги на Хорог через перевалы Одурди и Гушхон и р. Пяндж между Калаи-Вамаром и Лянгар-Гиштом. Полозов имел хорошее здоровье, но, как тогда говорили, был подвержен «туркестанской болезни», то есть мог иногда крепко выпить⁵². Не исключено, что Снесарев пересказал сестре подготовленный для британцев вариант объяснения причины, по которой Полозов не мог пройти через пер. Калик. Этот предлог мог понадобиться для получения разрешения Полозову пройти соседним пер. Минг-теке, весьма интересовавшим штаб Туркестанского военного округа. В письмах к сестре Снесарев мало упоминает о Полозове. В письме с Памирского поста он кратко пишет о своем спутнике: «Товарищ мой по путешествию человек хороший, но не моего склада. Он все уже успел мне рассказать в длинное путешествие и теперь мы едем с ним молча...»⁵³.

Как представляется, основные работы по разведке в Индии штаб округа возлагал на подполковника Полозова, как опытного офицера, к тому же курировавшего в штабе округа индийское направление (о чем было известно британской разведке). В пользу этого говорит и маршрут Полозова в Индии – по Северо-Западной границе Индии, личный осмотр им войск и стратегически важных территорий – Хайберского прохода, укреплений Пешавара и Кветты и др. Для облегчения сбора сведений Полозову под видом слуги был придан Кабир-шах, уроженец Кашмира, состоявший при окружном штабе практикантом по урду и персидскому языкам. Кроме того, именно Полозову по итогам поездки в Индию было поручено составить секретное военно-статистическое описание «Северо-Западная граница Индии», в то время как Снесареву поручили разработать военно-географическое описание Северо-индийского театра, менее значимого направления, и без разбора стратегических вопросов.

⁵¹ АСС ПСК, 17 августа 1899 г., Памирский пост.

⁵² М. В. Грулев отзывался о Полозове, как о «заведомом пьянице, который пропил прогоны (командировочные в Индию. – М. Б.) даже не выехав из Ташкента». См.: Грулев М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 216. Оценка Грулева во многом выглядит гипертрофированной, в ней чувствуется отзвук личной обиды (Грулев сам просился в поездку по Индии, но назначили Полозова), но какой-то элемент действительности в ней все же присутствовал.

⁵³ АСС ПСК, 17 августа 1899 г., Памирский пост.

Следующее письмо написано Снесаревым из урочища р. Михман-джулы (в месте ее слияния с верхним течением р. Аксу) близ афганской границы: «Подошел к афганской границе и посылаю тебе продолжение (по момент) моих записок. Юрта моя стоит как раз на границе; предо мною то ущелье (сейчас все в тучах), по которому завтра я двинусь. Вот уже четыре дня, как иду совершенно один (мой товарищ отстал от меня на один переход и пойдет той дорогой, о [которой] я тебе писал). Завтра 30 верст придется идти по афг[анской] территории; выслал вперед разведчиков и они доложили, что афганцев не видно... Надеюсь завтра проскользнуть, для чего поднимаюсь с зарей.

Иду очень высоко (более 14 тыс. фут.), вчера ночевал под перевалом на высоте 16 тыс. фут., у Ата-Бая ночью пошла носом кровь: по спуске сегодня в долину Ак-су (13 тыс. фут.) ему стало лучше... заболит он у меня и я останусь с дикарями один, без языка... Последние две ночи ночевал у памирских киргизов в юрте; с вечера пощупаешь еще около себя револьвер, а через две секунды так спишь, что могут унести не только револьвер, но и даже и самого за ноги...»⁵⁴.

После прохода через афганскую территорию Снесарев остановился у места слияния рек Калик и Кара-чукур. С этой стоянки он пишет письмо сестре: «Я нахожусь сейчас на китайской территории (у слияния р. Калика и Кара-Чукура)... Афганскую территорию проскочил благополучно – шел рано и в полном тумане (т. е. в облаках)... перевалил вчера перевал Михман-Юлы. Если бы ты могла себе представить, что это значит, по какой круче и камням приходится идти, лошади портят себе ноги... облака плывут уже под ногами, идешь по глубокому снегу, в 50 шагах пред собой видишь куски (край) ледника в 5 саж. толщиной... Товарищ мой отстал, англичанин не встречает, собственной палатки я не заводил и мне сначала пришлось спать под открытым небом, но к счастью, киргиз нашел в 4 верстах юрты; это оказались китайские надсмотрщики (около них живут и некоторые таджики)... Пришлось обрадоваться и надсмотрщикам, хотя их гостеприимством и кровлей надо пользоваться осторожно (обо мне немедленно послано известие китайскому начальству). Сегодня ожидаю английского офицера и товарища А.[А. Полозова] с [которым] двинусь далее и, вероятно, дня через 2 очутюсь на британской территории... Письмо посылаю со своим киргизом; надеюсь, что он благополучно проскочит через афганскую и китайскую территорию, и донесет письмо до Памирского поста, откуда его уже направят как следует. <...> Мои китайские надсмотрщики чуть не зашалили: послали за другими, стали собираться в кучки и говорить Ата-Баю, что как же это на чужой земле русский офицер живет, вида никакого не представляет и знать ничего не хочет... Я велел передать кучке, что если они сейчас же не разойдутся, то я начну дуть их нагайкой одного за другим; это подействовало и стража китайская успокоилась... Час спустя приехал английский офицер – молодой, очень простой (с виду) человек... Кроме английского не знает никакого другого, я не знаю английского (практически) и начался у нас такой разговор: он говорил своему переводчику по-английски, этот моему по-персидски, а мой (Ата-Бай) мне по-русски... Объяснившись о деле, перешли к болтовне и, т. к. переводчики были лишними, то начали: он мне по-английски, я ему по-французски (он понимать немного может) и беседа пошла за любую душу... Посидел он у меня часа 2, напился чаю, представил двух канджутских принцев (порядочных ослов) и уехал... Завтра с товарищем (он приезжает сегодня) двигаемся к англичанину... Тот же англичанин привез нам бумагу от политического агента в Гильгите, в [которой] он приветствует нас со вступлением на британскую территорию и желает нам прекрасно провести на ней время... Очень лестно, но конечно, по-английски лицемерно... Вероятно, за нами следит уйма шпионов...»⁵⁵.

⁵⁴ Там же, 22 августа 1899 г., урочище Михман-Юлы.

⁵⁵ АСС ПСК, 24 августа 1899 г., на р. Калик.

У места слияния р. Калик с р. Кара-чукур во время путешествия на Памир, в долины Вахана и Ярхуна, останавливался в сентябре 1894 г. Джордж Керзон, помощник британского министра по делам Индии. Керзон исследовал истоки р. Амударьи (Оксус) и обнародовал результаты путешествия в работе, на которую часто ссылался А. Е. Снесарев, – «Памир и истоки реки Оксус»⁵⁶. За Памирскую экспедицию 1894 г. Керзон удостоен золотой медали Королевского географического общества. Через пер. Калик в августе 1888 г. прошел в Хунзу штабс-капитан Б. Л. Громбчевский. Этим же перевалом возвращался с Памира в Гилгит и Керзон. «На следующий день мы прошли его, – записал в своем дневнике Керзон. – На седловине я с помощью anerоида, простого термометра и гипсотермометра сделал определение высоты, которая составила 15870 футов. Седловина перевала Килик представляет собой вытянутое плоское плато, покрытое валунами, травянистыми болотами и небольшими озерами. На самом перевале снега не было, но снеговая линия проходила чуть выше на окружающих нас горах, которые были покрыты снегом»⁵⁷. Из Гилгита Керзон отправил телеграмму своей американской невесте Мэри Виктории Лейтер – «Слава Богу, Памир остался позади!»⁵⁸.

Письма Снесарева и русские военные карты района⁵⁹ позволяют реконструировать его маршрут от поста Памирского до пер. Калик на границе с Британской Индией. С поста Памирского Снесарев направился хорошо известной дорогой, ведущей к посту Истыкскому (принадлежал к группе восточных постов Памирского отряда) – р. Карасу, урочище Камар-утек, пер. Шур-булак и Ак-бура в долину р. Уч-джилга-сай и по ней к посту Истыкскому. От поста он повернул на юго-запад и направился по выючной тропе на верховья р. Истык, и, дойдя до рабата Джарты-гумбез, повернул строго на восток и пошел вдоль афганской границы к пер. Кызыл-рабат, спустился в урочище р. Кызыл-рабат и проследовал по ней до слияния с р. Аксу, повернул на юго-запад и направился по ней до места впадения в нее р. Михман-джулы. Отсюда Снесарев двинулся строго на юг по ущелью р. Михман-джулы (полностью лежащему в афганских пределах) до одноименного перевала, спустился с него в западную оконечность Тагдумбаш-Памира в долину р. Кара-чукур и, следуя в юго-западном направлении по ущелью р. Калик, вышел на пер. Калик.

В другом письме Снесарев сообщает о встрече с подполковником Полозовым, который после рекогносцировки долины р. Аксу вечером 24 августа также вышел к пер. Калик и соединился со Снесаревым⁶⁰. В письме к сестре Снесарев сообщал: «Сегодня мы прибыли к англичанину; нас встретили солдаты, два принца, масса челяди (англичане ездят с массой прислуги)... Почету нам масса... позавтракали мы превосходно, пообедали, вероятно, еще лучше... Я понемногу начинаю говорить по-английски и, вероятно, дня через два-три освоюсь с ним... Нарочно согласился ночевать с ним в одной палатке, чтобы иметь практику...»⁶¹.

В британских архивах в ходе работы над книгой нам удалось найти небольшие подробности о встрече британских и русских офицеров. В донесении британского капитана Дж. Маннерс-Смита (Captain J. Manners-Smith), политического агента в Гилгите, сообщалось: «Капитан Майлз (Captain P. J. Miles) с небольшим эскортом от 43-го полка гурков 30 августа⁶² выступил из Алтита⁶³ для встречи двух русских офицеров, приезд которых на перевал Килик ожидается

⁵⁶ Curzon G. N. The Pamirs and the Source of the River Oxus. London, 1897.

⁵⁷ Curzon, Marquess of Kedleston. Leaves from a Viceroy's note-book and other papers. London, 1927. P. 204.

⁵⁸ Ronaldshay, Earl of. The Life of Lord Curzon. Vol. I. London, 1928. P. 226.

⁵⁹ Например, 10-верстная карта Памира, составленная в Туркестанском ВТО в 1912 г.

⁶⁰ АСС ПСК, 25 августа 1899 г., урочище Шерип-майdan, английские владения.

⁶¹ Там же.

⁶² В британском документе даты указаны по григорианскому календарю, расхождение с датами в письмах Снесарева, где исчисление идет по юлианскому календарю, – 12 дней (до 29 февраля 1900 г.). После 29 февраля 1900 г. эта разница составит 13 дней.

⁶³ Крупное селение в верхней части долины Хунзы.

4 сентября. Его отряд достиг Муркуши 3-го [сентября]. Он сообщает, что придется воспользоваться летней дорогой, так как вода в реке еще довольно высока, и что, хотя дневные переходы не превышают 15 миль, но носильщикам требуется до 12 часов, чтобы их совершить. Мир Хунзы оказал большую помощь в носильщиках и снабжении всем необходимым. Русские офицеры прибыли в Ширин Майдан после обеда 6-го [сентября], где их встретил капитан Майлз»⁶⁴.

В сводном отчете о событиях на Северо-западной границе Индии за сентябрь 1899 г. содержится запись о встрече Снесарева и Полозова: «Два русских путешественника, направляющиеся с Памиров в Индию, прибыли на [перевал] Калик 5 сентября и были встречены 6-го [сентября] в Ширин Майдане капитаном Майлзом с небольшим эскортом от 43-го полка гурков. 10-го [сентября] партия достигла [селения] Гойча, где к ней присоединился капитан Медли, офицер-инспектор [войск имперской службы]. Прибывшие русские офицеры – полковник Полозов, начальник индийского отделения штаба Туркестанского военного округа, и капитан Снесарев, числящийся в одном из пехотных полков в Москве. Полковник Полозов знает в некоторой степени язык индустани, его сопровождает слуга, говорящий на индустани. Капитан Снесарев только что закончил академию генерального штаба и до этого никогда не был в Азии»⁶⁵.

В письмах к сестре Снесарев не упоминал о короткой рекогносцировке пер. Минг-теке (Минтака), состоявшейся в период между 25 и 29 августа. В это время с русскими офицерами находился только капитан Майлз. Предположительно, что до присоединения к общей партии капитана Медли русские офицеры чувствовали себя относительно свободно. Снесарев воспользовался дневкой в сел. Муркуш, чтобы совершить рекогносцировку пер. Минг-теке. Муркуш, первое канджутское селение за Гиндукушем, находилось на соединении путей, ведущих с пер. Калик и Минг-теке⁶⁶. Исследование южной части пер. Минг-теке заняло у Снесарева около семи часов. В ходе рекогносцировки им составлено описание перевала, прилегающих тактических позиций, дана характеристика пути по южному склону перевала. Снесарев сделал вывод о том, что пер. Минг-теке является очень важным по его положению на самом прямом пути между Хунзой и Кашгарией, что перевал этот выючный, легкий и открытый для движения круглый год.

На встречу с русскими офицерами поспешил и полковник Мак-Суини. Он покинул Кашгар 8 августа и сопровождал в Сарыкол ранее прибывших в Кашгар из русских владений французских путешественников – лауреата Института Франции Сент-Ива (G. Saint-Yves) и лейтенанта 66-го пехотного полка Бургуана (Bourgoin). В Сарыколе Мак-Суини простился с французами, которые направились на русский Памир через пер. Беик, а сам поспешил в Хунзу через пер. Минг-теке⁶⁷. Как свидетельствует Снесарев, Мак-Суини присоединился к русским офицерам и капитану Майлзу 26 августа⁶⁸.

Мак-Суини уже было известно о небольшом конфликте, имевшем место между киргизскими пограничными надсмотрщиками и Снесаревым у пер. Калик. «На другой дань (я писал тебе из местечка после пер. Калик), – сообщал Снесарев сестре, – нас нагнал другой англ[ийский] офицер, подп[олковник] Мак-Суини, [который] рассказал, что инцидент мой с китайскими стражниками получил некоторое дальнейшее развитие: получив угрозу быть избитыми нагайкой, они разошлись, но тотчас же послали другого нарочного с донесением их правительству... этот нарочный так гнал лошадь, что она на 40-й версте пала... Мак-Суини, при возвращении из Китая, дорогой увидел одни лишь копыта (все остальное было съедено)... Плачущий

⁶⁴ TNA/FO106/2: Hunza-Nagar. Political Agency, Gilgit. Official Diary for the week ending the 9 September 1899.

⁶⁵ TNA/FO106/2: Memorandum of information received during the month of September 1899, regarding affairs on and beyond the North-West Frontier of India.

⁶⁶ Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. 128.

⁶⁷ TNA/FO106/2: Reports from Kashgar, May – June 1899. Raskam Question.

⁶⁸ АСС ПСК, 9 сентября 1899 г., Гилгит.

посыльный рассказал ему, что какой-то русский офицер приехал, остановился, всех бьет, всех поразогнал... интересно, в какой преувеличенной оценке анекдот дойдет до Богдыхана...»⁶⁹.

Путь от Калика по Хунзе и Нагару Снесарев описывает следующим образом:

«Дня через три к нам присоединился еще один английский офицер – майор Модлей; и вот в приятном обществе (подчеркнуто А. Е. Снесаревым. – М. Б.) трех собратий по оружию мы продолжали свой путь... почету хоть отбавляй.

Раджи Гунзы и Нагара отдавали нам визит, мы были во дворце одного из них... Характер езды несколько изменился: едем мы вдвое медленнее, чем ехали сами, обедаем (и вообще едим) прекрасно, на остановках среди дороги устраивается завтрак... вина, пиво, воды к нашим услугам (чем я, конечно, не пользуюсь)... словом комфорту много... Я держу себя по возможности в стороне и помалкиваю: характер работы требует большой сосредоточенности, наблюдательности и памяти... если вступать в беседы, то все повыскаочит и для вечерней работы в голове ничего не останется.

Усиленно занимаюсь англ[ийским] языком, начинаю поговаривать немного, но понимать еще трудно: говорят быстро и ни одного слова не договаривают...»⁷⁰.

В Гилгит русские офицеры прибыли 8 сентября. Это был довольно крупный военный центр, из которого велось управление британскими гарнизонами вдоль южных склонов Восточного Гиндукуша и на границе с Кашгарией. Находясь в Гилгите, Снесарев внимательно изучает британские войска, их дислокацию, организацию, численность, вооружение и командный состав. Позже эти сведения очень пригодятся ему для написания ряда военно-статистических работ. Пребывание в Гилгите также содержится в его письме к сестре:

«Вчера (после почти 1½ месячного путешествия) в первый раз приехали в культурный угол – Гильгит (недалеко от слияния рр. Канджута и Ясина в Северной Индии), где были представлены двум барыням, несколькими английскими офицерам, докторам... Доктор оказался говорящим по-французски и я с ним наговорился вволю... Сегодня вечером будет парадный обед (для нас), на [который] будут приглашены и дамы. Меня посадят рядом с одной, [которая] говорит по-французски... Я совсем одичал: лицо черное, сам угрюмый, волосы совсем короткие, движения дикаря... Все смотрят на нас с любопытством, что еще больше меня стесняет... Сегодня придется нарядиться во фрак с белым галстуком...»⁷¹.

Из Гилгита русские офицеры продолжили движение в глубь Индии. Их путь лежал в Сринагар, столицу Кашмира, где располагались управление политического резидента при магарадже Кашмира⁷² и Гилгитское политическое агентство. В Сринагаре, куда Снесарев и Полозов прибыли около 12 сентября, они представлялись кашмирскому магарадже Пратап Сингху и были приглашены на ужин к британскому резиденту в Кашмире полковнику сэру Аделберту Талботу (Colonel Sir Adelbert Cecil Talbot). Ужин прошел в товарищеской обстановке, и, как писал Снесарев сестре, ему пришлось «распевать под рояль». Не исключено, что среди присутствующих могли находиться политический агент в Гилгите капитан Маннерс-Смит (Captain Manners-Smith), получивший известность во время штурма форта Нильт в Хунзе, за что он был награжден Крестом Виктории⁷³, а также лейтенант Фредерик О'Коннор (Lieutenant Frederick O'Connor), переведенный на службу к полковнику Талботу из разведывательного управления штаба индо-британской армии. О'Коннор самостоятельно выучил русский язык, хорошо говорил на урду, пушту и тибетском. Летом 1901 г. он был выслан к пер. Калик и Минг-Теке для встречи русских офицеров, которые, как ожидалось, с разрешения индо-британского прави-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Формально Дхамму и Кашмир являлось вассальным владением, индо-британское правительство имело при магарадже Пратап Сингхе (1848–1925) специального представителя (Officer-on-Special Duty).

⁷³ Высшая военная награда Великобритании.

тельства должны были посетить Индию с научными целями⁷⁴. О'Коннор писал в своих мемуарах, что прождал русских у перевалов несколько недель, но они так и не появились. Британской разведке еще не было известно, что после поездки в Индию Снесарева и Полозова дальнейшая схема разведки в Индии была пересмотрена штабом Туркестанского военного округа.

Генерального штаба капитан И. К. Серебренников, которого так ждал летом 1901 г. лейтенант О'Коннор, писал в этой связи: «Предыдущие подобного рода командировки наших офицеров в Индию совершались с предварительного уведомления и даже разрешения индо-британского правительства. Опыт этих командировок обнаружил, что англичане крайне подозрительны относительно целей поездок наших офицеров. Под видом гостеприимства и необходимой охраны делались всевозможные стеснения. Достаточно сказать, что нашим офицерам запрещено было останавливаться на более или менее продолжительное время в каком-либо пункте; местным жителям было запрещено вступать с ними в беседу под опасением большого штрафа, и даже были случаи приставления часовых к тем помещениям, где офицеры находились. Исключение в этом отношении составляет поездка в Индию в 1898 г. капитана Новицкого, встретившего со стороны англичан прекрасный прием и полную готовность показывать все, что его интересовало. Но, при позднейших поездках (в 1899 году подполковника Полозова и капитана Снесарева), отношения англичан резко изменились к худшему <...>. Поэтому я просил о том, чтобы моей командировке был придан совершенно частный характер без особого уведомления о том британского правительства»⁷⁵. Серебренников прибыл в Индию через Бомбей.

Следующим пунктом маршрута по Индии стал небольшой городок Марри, лежащий недалеко от Равалпинди. Марри являлся климатическим курортом и был очень популярен у чинов пенджабской администрации и их семей, особенно в летний период. Марри также являлся военным центром Пенджаба. Здесь располагался летний штаб командующего Пенджабским корпусом. В письме из Марри Снесарев приводит некоторые детали своего там пребывания: «Я писал тебе из Гильгита, теперь я в Марри, небольшом городке (к западу от Сринагара)... С англичанами, как и нужно было ожидать, произошли недоразумения, [которые] в Гильгите такую было приняли для меня резкую форму, что я чуть было не поднял скандала... Теперь наше путешествие получило нежелательную для меня форму какой-то прогулки: всюду встречи, парадные обеды, тосты... После обеда музыка (я пою, вызывая незаслуженные восторги обеденных голосами англичан и англичанок)»⁷⁶.

В Марри были получены первые свидетельства о большом голоде в Индии, вызванном неурожаем. Положение усугублялось эпидемией чумы, свирепствовавшей в августе-ноябре 1899 г.⁷⁷ К счастью для путешественников, основной очаг ее распространения лежал на юге и юго-западе Индии, вне района их предстоящей поездки.

Отсутствие официальных отчетов Полозова и Снесарева о командировке в Индию не позволяет проследить некоторые детали маршрута и род их занятий. К примеру, мало что известно о деятельности в Индии подполковника Полозова. В письмах к сестре Снесарев практически не упоминает о нем, что, впрочем, вполне естественно, принимая во внимание специфику их деятельности. Тем не менее, Полозов никуда не потерялся и постоянно находился рядом со Снесаревым. Между тем, в Марри они ненадолго расстались.

Около 20 сентября Полозов приступает к самой ответственной части задания – рекогносцировке Пешаварского района Северо-Западной пограничной провинции. Район был чрезвычайно важным в военном отношении, здесь находились Пешаварский и Кветтский

⁷⁴ O'Connor, Lieut.-Col. Sir Frederic. On the Frontier and Beyond. A record of thirty years' service. London, 1931. P. 16.

⁷⁵ Серебренников И. К. Краткий отчет о поездке в Индию. Секретное добавление к СМА, № 8. СПб., 1905. С. 91–92.

⁷⁶ АСС ПСК, 16 сентября 1899 г., г. Марри.

⁷⁷ ТВ, 1899, № 84.

укрепленные районы, штабы Пешаварского и Когато-Курасского военных округов, проходили стратегические коммуникации, имелась сеть железных дорог. В стратегическом отношении район прикрывал со стороны Афганистана жизненно важные Хайберский и Боланский проходы, выводящие к переправам на Инде. Защита этих проходов и переправ составляла основу британского оборонительного плана на случай русского вторжения.

Целью рекогносцировки Полозова был сбор военно-статистических сведений для описания северо-западной пограничной полосы Индии – района, заключенного между индо-афганской границей и Индом на западе и Пенджабской равниной на севере.

С самого начала поездки подполковника Полозова в Пешаварский район была обставлена многими условиями и запретами⁷⁸. Прежде всего, ему не разрешили вернуться в Россию через Кветту и Сеистан, британцы опасались утечки сведений о строившейся в то время железнодорожной ветке от Кветты на Нушки⁷⁹. Ему был запрещен осмотр ряда гарнизонов и фортов, а также проезд по недавно построенной ветке Северо-Западной железной дороги от Мьянвали до Газ-гата, проходящей вдоль левого берега Инда. Также Полозову не удалось проехать в Чаман (выше Кветты), где велось строительство оборонительных позиций.

В течение 10 дней Полозову удалось лично осмотреть Хайберский проход, укрепления Пешавара: форты Балла-Гисар (центральный во всем Пешаварском укрепленном районе), Дисамруд, Ланди-Котал, Али-Меджид, Мод. В Кветтском районе он исследовал долину Инда, пустыню Тап и Боланский проход, снял планы станций и профили фортов на участке железной дороги между ст. Кольпур – Абд-и-Гум – Гирок.

2 октября Полозов вернулся в Мурри из поездки в Пешавар и Кветту. Программа рекогносцировки была выполнена не в полной мере, ряд вопросов остался не выясненным. Позиция британцев в отношении русских офицеров резко изменилась, появились запреты, усилилось психологическое давление. Обратимся к архивному документу, который позволяет представить обстановку тех дней. В середине ноября 1899 г. командующий войсками Туркестанского военного округа сообщал начальнику Главного штаба:

«Генерального штаба подполковник Полозов, командированный со штабс-капитаном Снесаревым в Индию, письмом от 2-го октября сего года из Мурри на имя подполковника Лукина⁸⁰ сообщил о крайних стеснениях со стороны англичан, а именно:

Не говоря о том, что на просьбу подполковника Полозова возвратиться через Кветту и Сеистан британское правительство ответило отказом, оно сверх того выразило желание, чтобы оба наших офицера путешествовали все время вместе и не останавливались на более или менее продолжительное время в каком-нибудь пункте.

До Минг-текинского ущелья наши офицеры не были особенно стеснены, но здесь они встретились с подполковником английской службы Мак-Суини, который, будучи недоволен результатами своей поездки по России, представил наших офицеров весьма опасными людьми, так как они великие знатоки Индии и командированы для рекогносцировки ее северо-западной границы, а слугу при подполковнике Полозове Кабир-шаха выставил агентом окружного штаба, не раз выполнявшим наши поручения в Кабуле⁸¹.

⁷⁸ Реконструкция поездки осуществлена на основе работы: Полозов А. А. Северо-Западная граница Индии (Краткое военно-стратегическое описание). Ташкент, 1902. (Не подлежит оглашению).

⁷⁹ В 1901 г. индо-британские власти отказали проехать по этой дороге Генерального штаба капитану Л. Г. Корнилову. В 1902 г. аналогичный отказ последовал секретарю русского консульства в Бомбее А. И. Выгорницкому (негласный военный агент в Бомбее). См.: OIOC, L/P&S/7/146 Reg. No.1006. Refusal of the Government of India to permit M Wygornitzky, Oriental Secretary to the Russian Consul at Bombay, to travel by the Nushki Sistan route. 10 July 1902.

⁸⁰ Генерального штаба подполковник Валентин Евграфович Лукин (1863–1919), штаб-офицер для особых поручений при штабе Туркестанского военного округа, летом 1899 г. сопровождал британского полковника Мак-Суини в поездке по русским среднеазиатским владениям.

⁸¹ Прим. в тексте документа: «Кабир-шах, уроженец Кашмира, состоял при окружном штабе практикантом по языкам «индустани» и «персидскому»; никогда в Кабул он не посылался, а ездил раз с поручиком Яковлевым (подчеркнуто в тексте. –

Со времени встречи с подполковником Мак-Суини, подозрительность англичан, по словам подполковника Полозова, не знала пределов и за нашими офицерами стали наблюдать три английских офицера. Сочтя затем, это наблюдение недостаточным, английское правительство, как случайно узнал подполковник Полозов, предписало местному населению не подходить к нашим офицерам и их слугам, под страхом заплатить штраф 500 рупий за беседу с нашими офицерами. Наконец, англичане старались еще в г. Гилгите интригою избавиться от Кабир-шаха. Подполковник Полозов пишет, что хотя тогда их интриги ни к чему не привели, но, тем не менее, для успокоения подозрительности англичан он будет вынужден отослать Кабир-шаха в Ташкент.

Таким образом, подполковник Мак-Суини оказал очень плохую услугу нашим офицерам. Между тем, ему было оказано достаточно радушия при его проезде через вверенный мне округ. Он осмотрел наши туркестанские войска так подробно, как хотел. Ни в чем ему не было отказано, за исключением того, что ему не было разрешено остановиться в Мерве и Чарджуе и, что согласно распоряжения Главного штаба, его сопровождал офицер <...>.

Надо полагать, что подполковник Мак-Суини, который в индийских войсках пользуется некоторым значением, может сильно затруднить нашим офицерам, командированным в Индию, выполнение возложенных на них поручений и, может быть, будет главною причиною взаимного недовольствия русских и индо-британских офицеров»⁸².

Несколько позже в письме к начальнику Главного штаба генерал-лейтенант С. М. Духовской обращал внимание на то, что в Русском Туркестане стали появляться британские офицеры, которые по возвращению в Англию печатают «статьи полные инсинуаций против русских властей» (при этом он указывал на майора Кобболда). Чтобы пресечь это, Духовской предлагал «по возможности ограничивать разрешение английским путешественникам доступа в наши среднеазиатские владения, давая таковое лишь лицам, которые по своему положению и представленным рекомендациям будут заслуживать особого нашего доверия»⁸³.

Об ужесточении условий поездки сообщал в письме к сестре и Снесарев: «Газеты внимательно (полиция, платные господа, отчасти военные ... тоже) следят за нашим маршрутом и я нередко читаю, что русские офицеры тогда-то покинули такой-то город и отправились туда-то... Избежать суеты нет возможности, хотя я уклоняюсь, как только поймаю таковую.

Мой план остановиться в Лагоре не одобряется правительством Индии, и оно разрешает мне лишь ездить по Индии, но, не останавливаясь нигде на продолжительное время. Это так грубо и неразумно со стороны правительства, что я склонен усматривать в недозволении, какое-либо недоразумение... Скоро буду в Симле и думаю поговорить лично с лордом Керзоном – вице-королем»⁸⁴.

Следующим пунктом на маршруте Снесарева и Полозова был город Равалпинди – крупный военный центр на северо-западной границе Британской Индии, расположенный в 180 милях к северо-западу от Лахора. Здесь находились штабы 2-й Равалпиндийской дивизии и Равалпиндийской пехотной бригады. В 1898 и 1899 гг. район Равалпинди стал местом крупных учений британских войск, на которых отрабатывались новые методы ведения войны в горах⁸⁵. Станция Равалпинди очень обширная, имела множество подъездных и запасных путей, большое депо. Вокзал станции – большое здание из тесаного камня, имел вид оборонитель-

М. Б.) из Ташкента в Термез». Василий Степанович Яковлев (1866–?) – поручик 88-го пехотного Петровского полка. Выпускник офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД (вып. 1897 г.), в 1899 г. закончил курсы языка индустани при штабе Туркестанского военного округа.

⁸² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 87–88. Секретное письмо командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 16 ноября 1899 г. На документе имеется резолюция: «Военный министр приказал иметь в виду по возвращению офицеров из командировки, когда вполне выяснятся все обстоятельства».

⁸³ Там же. Л. 89 об. Секретное письмо туркестанского генерал-губернатора начальнику Главного штаба, 25 ноября 1899 г.

⁸⁴ АСС ПСК, 16 сентября 1899 г., г. Марри.

⁸⁵ Moreman T. R. The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London, 1998. P. 84–85.

ного сооружения. Город Равалпинди состоял из туземной части и европейского кантонмента. Туземный город располагался к востоку от железнодорожной станции и имел обычный для всех туземных городов Индии вид – кривые грязные улочки, скученные здания. Необычным было только отсутствие в городе форта, неотъемлемой принадлежности всех туземных городов Индии. К западу от станции располагался европейский кантонмент, самый обширный из всех имевшихся в Индии. В юго-восточной части, ближе к станции, находились офицерские квартиры, административные здания и базар, на окраинах располагались казармы, склады, хлебопекарня, войсковая ферма и гарнизонный пивоваренный завод. Укрепления Равалпинди состояли из главного форта, находившегося в юго-восточном углу кантонмента, и 12 фортов, раскинутых по дуге к юго-западу, западу и северо-западу. Остановка в Равалпинди была довольно краткосрочной, поскольку офицеров уже ждали в Симле. Программа пребывания в Симле предусматривала представление русских офицеров вице-королю Индии лорду Керзону.

Из Равалпинди в первых числах октября Снесарев и Полозов приехали в Симлу – летнюю резиденцию вице-короля Индии и летний штаб индо-британской армии. Симла, расположенная в предгорьях, покрытых сосновыми лесами, с мягким здоровым климатом, считалась «индийской Швейцарией». В летнее время сюда стекалась элита колониальной администрации, городок был очень благоустроен и живописен. О приезде русских офицеров в Симлу своих читателей неожиданно уведомила газета «Туркестанские ведомости» (это было первое и последнее упоминание о поездке в туркестанской прессе): «Полковник Александр Александрович Полозов и капитан Андрей Евгеньевич Снесарев прибыли 8 октября в Симлу, где они пробудут некоторое время в качестве гостей индийского правительства. Офицеры эти прибыли в Индию сухим путем через Памир, Каликский перевал и Гильгит»⁸⁶.

В Симле русские офицеры были приняты недавно назначенным вице-королем Индии лордом Керзоном, самым молодым (39 лет) из всех высших администраторов, когда-либо занимавших эту должность. Керзон, много путешествовавший, очень увлекался географией и ориентализмом. Путешествие русских офицеров из Туркестана, по которому он сам проехал в 1888 г., по Памирам, также им исследованным, создавало немало общих точек соприкосновения. Керзон был одним из активных сторонников усиления британского политического влияния в странах, прилегающих к границам Индии, наращивания боевого потенциала индо-британской армии для отражения русского вторжения, которое Керзон считал исторически неизбежным.

О пребывании в Симле дает наглядное представление письмо Снесарева к сестре: «Опишу тебе парадный обед у вице-короля Индии лорда Керзона. В тот же день мы были на чае (в 5 час. – английская мода) у главнокомандующего войсками Индии»⁸⁷. Здесь мы оставались недолго: главнокомандующий только что оправился от болезни и был еще очень слаб... Еще до этого приглашения я получал письмо от одного из адъютантов лорда Керзона, в [котором] высказывалась просьба... чтобы я захватил с собой ноты (не просьба, а, скорее, надежда) и меня надеются услышать. Дело в том, что до сих пор я распевал: в Гильгите под гитару, в Сринагаре у резидента (род губернатора) под рояль, – что нашлось... молва то и пошла... Я бросился в магазин и успел найти “Азру” Рубинштейна и “Лесного царя» Шуберта... Кроме того, у меня была в запасе песенка: “Я вас любил» на слова Пушкина. К 8 час. мы прибыли во дворец. Познакомились с несколькими лицами: это были высшие представители власти: начальник штаба войск Индии, генерал-квартирмейстер, секретарь по иностранным делам, секретарь при военном департаменте, сестры вице-королеви, дочь министра финансов Индии и т. д.

<...> Обед был, конечно, великолепен, зала, украшенная гербами вице-королей Индии, еще великолепнее, рядом играл оркестр... Словом, эта сторона хоть куда. После обеда муж-

⁸⁶ ТВ, 1899, № 91.

⁸⁷ Генерал сэр Уильям Локхарт (General Sir William Lockhart).

чины посидели немного отдельно, и, наконец, перешли в большую залу. Здесь, через несколько времени адъютант сказал мне, что Его Светлость устаивает меня разговором. Я поднялся и подошел к лорду. Он попросил меня сесть, и началась беседа. Лорд Керзон высокого роста, с длинным бритым лицом (усы и бороду бреет), серые глаза, поставленные очень широко и имеют резко сосредоточенное выражение, лоб крупный... Все лицо можно назвать красивым (оно ровно розового цвета), если бы оно не было так холодно и самоуверенно... Ходит лорд с какой-то странной развалкой, некрасиво ставя ноги... Голос его я нашел слишком слабым для оратора и недостаточно гибким. Лорд говорит по-французски средне, медленно, но может говорить красиво... Высокий хозяин спросил меня о путешествии, не устал ли я... говорили о его сочинении о долине Гунзы (мы с ним из числа очень немногих, издавших ее) и т. д. Как только я отошел, подлетел адъютант и попросил меня петь. “Кто мне будет аккомпанировать?”. Он указал на престарелую девицу, оказавшуюся дочерью министра финансов. Я пропел “Азру” (употребляя русские слова)... Так как меня просили сейчас же еще что-либо, я сам сел к роялю и аккомпанируя (по-просту) пропел “Я Вас любил”... Вице-королю это очень понравилось и он высказал удивление, что такая короткая песня... Прошло с полчаса и адъютант стал просить меня петь «Лесного царя»... Аккомпаниаторша отказалась, боясь не справиться с трудным аккомпаниментом; хотели, чтобы дирижер оркестра аккомпанировал. В конце-концов села-таки девица, и мы с ней исполнили “Лесного царя” (два раза чуть совсем не разошлись)... После этого со мной долго говорила о музыке вице-королеви; хвалила мой голос и надеялась еще услышать... Через ½ часа вице-король ушел в апартаменты свои, и гости мало-помалу разошлись.

<...> По утру от вице-короля мне присылалась лошадь – Араб, и я делал часовую прогулку по окрестностям, потом садился за книги и сидел за полночь... В Симле очень много обезьян. Они ходят стадами, прыгают по деревьям, по карнизам и крыльцам пустых домов... Я занимался в тиши, окруженный стеклами, и снаружи приходила обезьяна, садилась против меня и следила за моей работой. Но чуть я поднимался или делал большое движение, она моментально исчезала...»⁸⁸.

Дальнейший путь русских офицеров был целиком привязан к железным дорогам, и посещение мест ограничивалось гарнизонами, расположенными близ крупных железнодорожных станций. Для реконструкции этой части маршрута весьма ценным источником служат карты железных дорог Британской Индии того времени⁸⁹.

Около 15 октября Снесарев и Полозов (последний несколькими днями ранее) приехали в Лахор – экономическую и культурную столицу Пенджаба, город, который имел важное значение для развития индийского революционного движения и борьбы за независимость от Великобритании. Город также являлся крупным военным центром Британской Индии. Здесь размещались штаб 3-й Лахорской дивизии, входящей в состав Северной армии, и многочисленные военные гарнизоны. Лахор состоял из туземной части и европейского города. Туземная часть находилась в северо-западном районе города и была обнесена высокой глинобитной стеной с бойницами и двенадцатью массивными, обитыми железом воротами. Европейская часть состояла из широких улиц, нескольких площадей и парков. На небольшой возвышенности в северо-западной части города располагался форт, построенный в правление императора Великих Моголов Акбара (1542–1605), известного своими завоеваниями в Индии и Афганистане. Внутри форта располагались великолепный сад Хазури-баг («царский сад») с несколькими красивыми павильонами из белого мрамора, сикхский храм – оригинальной и красивой архитектуры, и большая мечеть Бадшахи Масджит («падишахская мечеть»).

⁸⁸ АСС ПСК, 29 октября 1899 г., г. Лахор.

⁸⁹ Например, India 1909. General Maps of Railways. Imperial Gazetteer Atlas of India. The Edinburgh Geographical Institute.

Железнодорожная станция Лахор являлась главной станцией Северо-Западной железной дороги и находилась на северо-восточной окраине европейской части города. Движение поездов через станцию было довольно интенсивным, имелось шесть пассажирских платформ, много запасных путей, мастерские, депо и т. п. Недалеко от станции располагались управление дорогой и кварталы, в которых проживали железнодорожные служащие. Основной достопримечательностью станции был вокзал, построенный в 1864 г., несколько лет спустя после восстания сипаев. Вокзал состоял из двух параллельных кирпичных зданий, около 200 м каждое, покрытых общей крышей и соединенных между собой тремя перекидными железнодорожными мостами-виадуками. Между зданиями располагались две пары платформ и две пары путей, несколько платформ и путей размещались в обоих концах вокзала. При сооружении вокзала исходили из необходимости сделать его одновременно и крепостью, «отлично защищенной во всех отношениях» (по выражению архитектора вокзала)⁹⁰. Здание больше напоминало средневековый замок, чем железнодорожный вокзал. Живописные арки, через которые поезда приходили и отправлялись со станции, могли закрываться массивными воротами, превращая грандиозное здание в огромный бункер. Четыре каменные башни по краям вокзала могли выдержать прямое попадание артиллерийского снаряда. Стены и башни станции имели бойницы для стрелков и амбразуры для артиллерийских орудий. Площадь перед вокзалом со стороны города была обнесена полукруглой кирпичной стеной, высотой около 4 метров, которая также могла служить укрытием для стрелков. Оборона станции была рассчитана на 8 орудий и примерно 600 человек пехоты⁹¹.

В письме к сестре из Лахора Снесарев сообщал:

«С 18–27 октября я пролежал больной; доктора определили у меня лихорадку (здесьнюю в малярийной форме) в связи с солнечным ударом. Я же полагаю, что сюда прибавились нравственные потрясения плюс переутомление (в Симле, уже больной, я работал свыше 14 часов в сутки... теперь доктора запретили мне читать). Вот только два дня, как я приподнялся с постели и могу себе позволить несколько шагов по комнате. Мне не позволили останавливаться на продолжительное время где-либо в Индии и только болезнь приковала меня несколько долго к Лагору. Более 1–1½ месяцев я не буду в Индии.

<...> Хотя бы скорее отсюда. Страна богатая, полная и оригинальная, но все плывет мимо, так много работы; читаешь, делаешь выписки, а вместе с тем фигурируешь на обедах, ведешь тонкие разговоры на 3–4 языках. На лице неизменное благорасположение и улыбка, а на душе те же муки, искание знаний, неугомонные волны самолюбия...»⁹².

После Лахора русские офицеры посетили Амритсар – священный город сикхов. В Амритсаре они осмотрели гарнизон из частей Лахорской дивизии. Затем последовали Дели – город, в котором произошло знаменитое восстание сипаев; Агра – бывшая столица Великих Моголов и военная столица Британской Индии, крупный железнодорожный узел.

Из Агры Снесарев отправил сестре свое последнее «индийское» письмо:

«Пишу тебе из Агры. Сегодня день моего рождения и мне, значит, стукнуло 34 года. Проехал из Лагора – Амритсар, Амбалу и Дели – много красивого, почтенно-древнего... Буду рассказывать после. Только с оставлением Лагора оставила меня лихорадка... мучила меня ровно месяц и я снизошел до безобразия; теперь вот уже 11 дней, как я здоров и начинаю вновь крепнуть. Последние дни говорю только по-английски... <...> Недели через 2 я покидаю Индию и из Калькутты проеду (морем) в Коломбо (остров Цейлон), где сяду на один из пароходов Добровольного Флота и проследую дорогой Аден – Суец – Константинополь – Одесса – Панфилово... <...> Посылаю тебе свой портрет; среди болезни мне стало лучше, и в один из

⁹⁰ Hopkirk P. Quest for Kim. In Search of Kipling's Great Game. London, 1996. P. 71.

⁹¹ Военно-статистические и военно-географические материалы по Индии // СМА, 1914, вып. LXXXVII, с. 57.

⁹² АСС ПСК, 29 октября 1899 г., г. Лахор.

часов работы товарищ позвал меня сниматься; я выскочил с книгой, в очках и снялся с думой о прочитанном, почему и вышел слишком угрюмым. Сзади меня случайно попал один из слуг отеля. На это письмо не пиши мне, ибо я сам прибуду неделю спустя. Приготовься варить мне щи (здесь была бурда)... Письмо, вероятно, придет около нового года, с которым сердечно вас поздравляю... Новое столетие!!! Что-то оно даст бедному человечеству...»⁹³.

Сразу по возвращению из Индии Снесарев отправил в редакцию журнала «Разведчик» короткую информацию о поездке в Индию. Заметка была подана от лица редакции: «В Одессу недавно возвратился капитан А. Е. Снесарев, совершивший совместно с подполковником Полозовым путешествие по Индии, которое они предприняли с научной целью. Путешествие продолжалось около полугода, и в течение этого времени они успели объехать всю Индию, побывать в наиболее интересных местах ее, познакомились с бытом и жизнью индусов и проч. Проехали через Памиры, посетили перевал Калик, спустились в долину Гунза-Нагар, побывали в Сринагаре и других местах. Они собрали много новых, интересных сведений об Индии, англичанах в Индии и проч.»⁹⁴.

Поездка в Индию имела для профессионального становления А. Е. Снесарева, как военного востоковеда, исключительно важное значение. Она дала ему уникальную возможность увидеть страну своими глазами, приобрести солидные знания по географии, истории и этнографии Индии, ее административному устройству, экономической жизни, а также по индо-британской армии. Знания и впечатления, вынесенные из поездки по Индии, были тем важнее, что в России имелось мало сведений об этой стране, полученных непосредственно русскими путешественниками и исследователями в Индии. Как справедливо замечал М. В. Грулев, судить о событиях в Индии приходилось лишь «по английскому образцу, так как фактическая сторона всех совершавшихся там событий узнается всем миром лишь из английских же источников»⁹⁵.

Поездка в Индию сформировала у Снесарева устойчивые взгляды и представления об этой стране, которые мало подверглись ревизии на протяжении всей службы в императорской армии. Пересмотр их частично произошел уже в советский период, когда значительно изменились идеологическая ситуация внутри России и международное положение, в том числе, положение в самой Индии. Одним из наиболее важных выводов Снесарева относился к определению непосредственной связи могущества Великобритании и состояния ее колоний, особенно Индии. Снесарев замечал в этой связи:

«Индия, вне сомнения, есть главный питомник могущества и силы Британии, наиболее яркая вывеска ее престижа и основной гвоздь ее империалистических упований. Отнимите у англичан Индию, и Британия в одно поколение сведется к узкой роли банковской конторы, ссужающей весь мир накопленным капиталом и имеющей свое главное отделение на островах Великобритании. История Англии тесно связана с историей Индии, и как только в будущем пробьет торжественный час свободы этой несчастной темной страны, следующий и скорый удар часов истории возвестит миру смерть владычицы морей»⁹⁶.

Индия дала Снесареву то чувство страны и тот фактический материал, которые навсегда определили круг его служебных и научных интересов – «среднеазиатский вопрос», центральным элементом которого являлась Индия. Он как-то заметил, что у «среднеазиатского вопроса» есть не только поклонники, но есть даже свои фанатики. К последним, с полным основанием, можно причислить и его самого. Поездка в Индию в одночасье, еще до выхода печатных работ по этой стране, сделала его авторитетом по «среднеазиатскому вопросу». И хотя общая картина его впечатлений и полученных сведений, ввиду отсутствия официального

⁹³ АСС ПСК, 29 ноября 1899 г., г. Агра.

⁹⁴ Разведчик, 1900, № 488.

⁹⁵ Грулев М. В. По поводу статьи «Очерк Тирахской экспедиции генерала Локгарта в 1897 г.» // ВСб, 1899, № 4, с. 408.

⁹⁶ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 68.

отчета о поездке, осталась большей частью неизвестной, но сам факт поездки давал ему некое психологическое преимущество над другими исследователями вопроса, делал его голос более значимым и авторитетным. Не случайно в своих работах он часто ссылался на личный опыт и сведения, полученные в ходе поездки, для аргументации своих мыслей и доводов.

Было бы неверно считать, что поездка в Индию открыла ему некое провидение и высшую истину. В отдельных вопросах ему не удалось до конца разобраться с истинным положением дел, как например, в вопросах о роли британской администрации в обустройстве Индии (считал, что англичане только «выкачивают жизненные соки страны»), о степени ненависти местного населения к британской колониальной системе (преувеличивал антогонизм), религиозного и кастового разобщения индийского общества (недооценка этого фактора) и др. Поездка в Индию имела и тот эффект, что Снесарев в ряде вопросов, собственно военных, не вполне верно оценивал боевой потенциал индо-британской армии, ее сильные и слабые стороны, стратегическую устойчивость (на тот момент) британской военной системы в целом⁹⁷. После посещения Индии в его стратегических взглядах на страну еще наблюдался некий дуализм, состояние взглядов, которое сам он часто называл «шатанием мысли». С одной стороны, увиденное им в Индии, утвердило его в абсолютной идее о невозможности, а главное, бессмысленности завоевания Индии, с другой, он допускал поход русских войск за Амударью и занятие Гиндукуша, как естественного пограничного рубежа России в направлении Индии. Понятно, что этот поход за Амударью не мог быть ничем иным как походом на Индию, но только в усеченном варианте, без захвата страны. Поход за Амударью неизбежно приводил бы к вооруженному столкновению с Британской Индией, а дальше сама логика войны требовала бы движения за Гиндукуш.

Командировка штабс-капитана Снесарева и подполковника Полозова в Индию, несмотря на ряд невыполненных отдельных заданий, имела важное значение еще и с другой стороны. Эта поездка еще больше убедила руководство Туркестанского военного округа в необходимости командирования офицеров в Индию для целей разведки. Приведем в этой связи один интересный документ – служебную записку командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Н. А. Иванова. «Помимо главной цели – изучения языка, – отмечал Н. А. Иванов, – командирование наших офицеров в Индию имеет и другое значение. Если мы находим необходимым командировать офицеров Генерального штаба из западных округов в прилежащие к ним заграничные местности, то это тем более необходимо в отношении Индии, как в воспитательном отношении для самих офицеров, так, главным образом, для пополнения наших до последнего времени весьма скудных, а главное, исходящих исключительно из английских источников, а потому неверных сведений о быте англо-индийской армии, настроении местного населения и пр. Необходимо иметь в виду, что если в будущем Туркестанским войскам придется вести большую кампанию, то, несомненно, они столкнутся с англо-индийской армией, если не на индийской территории, то на афганской, а потому нужно заблаговременно принимать меры к изучению сильных и слабых сторон нашего будущего противника. Предыдущие командировки (подполковника Полозова, капитана Новицкого и капитана Снесарева) дали в этом отношении весьма ценный материал. Данные этих командировок послужили к установлению совершенно новых взглядов на некоторые бытовые стороны англо-индийской армии: отношение к службе английских офицеров, положение в армии туземных

⁹⁷ Отзвуки этого не до конца критического восприятия обнаруживаются в его работах, появившихся сразу после посещения Индии. Как образец приведем один из фрагментов его работы того периода: «Что касается представлений азиатов о военном могуществе англичан, то таковое говорит совершенно не в пользу их. Всюду при путешествии вы наталкиваетесь на насмешливое и презрительное отношение к англичанам в этом смысле». (ССССТВО, вып. XX, 1900, с. 72). Будем иметь в виду, что работа адресована офицерскому составу Туркестанского военного округа и упоминание о том, что даже туземцы Индии относятся к британцам с пренебрежением – «насмешливо и презрительно», не способствовало формированию у офицеров адекватного представления об индо-британской армии, как серьезном противнике.

офицеров, резкую разницу в положении английского и туземного солдата, взаимное их отношение и проч.»⁹⁸.

Особенно интересно мнение командующего войсками о значении поездки в Индию для капитана А. Е. Снесарева, которое очень точно отражает суть вопроса. «Воспитательное значение командировок, – указывал Н. А. Иванов, – выказалось весьма рельефно. Капитан Снесарев, отправившийся в командировку прямо с академической скамьи, возвратился в округ опытным офицером и в настоящее время прекрасно справляется с трудной и ответственной должностью адъютанта отчетного отделения, и ему же поручено составление и издание сборника сведений о сопредельных странах. Нельзя не признать, что расширение кругозора и приобретенное при командировке знание английского языка в значительной степени способствуют проявлению прекрасных личных качеств этого офицера»⁹⁹.

Отметим, что практика командирования офицеров от войск Туркестанского военного округа, преимущественно офицеров Генерального штаба, положенная капитаном В. Ф. Новицким, продолженная подполковником А. А. Полозовым и капитаном А. Е. Снесаревым, в последующие годы получила дальнейшее развитие. До заключения англо-русского соглашения 1907 г. в Индию непрерывно командировались русские офицеры-туркестанцы: капитан И. К. Серебренников (1902), подполковник Л. Г. Корнилов (1903), поручик В. В. Лосев (1905), капитан П. А. Половцов (1907).



⁹⁸ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 63.

⁹⁹ Там же.

«My dear baby Rita»

По свидетельству А. А. Комиссаровой, в архиве семьи Снесаревых имеется письмо на английском языке, написанное рукой А. Е. Снесарева. Скорее всего, это черновик письма. Начинается оно с обращения к неизвестной женщине: «My dear baby Rita». Как сообщила А. А. Комиссарова, в письме Снесарев «объясняет, что его специальность, как русского офицера – английская армия, поэтому он никак не может связать свою судьбу с этой самой Ритой». К сожалению, сам текст письма остался нам недоступен, семейный архив еще не до конца разобран, и, несмотря на большие усилия А. А. Комиссаровой и А. А. Снесарева, отыскать письмо не удалось. Будем надеяться, что оно все-таки найдется, поскольку оно представляет собой интересный и необычный документ, проливающий свет на индийскую поездку А. Е. Снесарева.

Наличие такого необычного письма, написанного на английском языке и вдобавок адресованного женщине, нас чрезвычайно заинтересовало. Гипотетически оно могло относиться к двум эпизодам жизни А. Е. Снесарева – командировке в Индию и поездке в Лондон. Было очевидно, что письмо подводит черту под отношениями, которые возникли между ним и неизвестной женщиной в период этих зарубежных поездок. Сопоставление известных фактов из поездки Снесарева в Индию привело к неожиданному предположению. В письме к сестре Клавдии, отправленном из Лахора 29 октября 1899 г., он сообщал подробности ужина у вице-короля Индии лорда Керзона, на который он был приглашен. В письме есть такой фрагмент, относящийся к сцене распределения дам и кавалеров за столом, – «мне досталась младшая сестра вице-королеви, красивая, веселая американка и мы с ней с места же зафранцузили всю».

Американка, с которой Снесарев познакомился на ужине у вице-короля, оказалась Маргарит Хайд Лейтер (Marguerite Hyde Leiter), младшая сестра жены вице-короля Мэри Виктории Керзон, баронессы Керзон Кедлстонской. Мэри вышла замуж за Джорджа Керзона 22 апреля 1895 г., свадьба их состоялась в Вашингтоне. Сестры происходили из очень богатой американской семьи и были необычайно красивы. Кроме Мэри и Маргарит в семье имелись еще средняя дочь Нэнси и брат Джозеф. Маргарит родилась в Чикаго 1 сентября 1879 г. Отец семейства Леви Лейтер (1834–1904), имевший швейцарские и немецкие корни, сколотил огромный капитал на торговых операциях с пшеницей и углем, сделках с недвижимостью. Бизнес-империя Лейтера базировалась в Чикаго, где он был известен не только как крупный бизнесмен, но и как филантроп и меценат, был одним из основателей Чикагского института искусств и президентом Чикагского исторического общества. Когда его старшая дочь Мэри выходила замуж за Дж. Керзона, Лейтер создал для нее специальный траст с капиталом в 1 млн. американских долларов, суммой огромной по тем временам. На своих детей Лейтер не жалел денег, они получили прекрасное домашнее образование (за исключением Джозефа, закончившего Гарвардский университет), дочери занимались танцами, музыкой, вокалом и искусством под руководством известных педагогов, для практики французского языка нанимались гувернантки-француженки.

Незадолго до командировки Снесарева в Индию Маргарит, или как ее чаще называли в кругу семьи, Дейзи, вместе с сестрой Нэнси и матерью Марией Терезой приехала на несколько месяцев погостить к Мэри. Кроме красот и чудес Индии, как представляется, у жены Лейтера не на последнем месте был более прозаический интерес – найти для дочек подходящих женихов. В то время в окружении лорда Керзона имелось немало холостых британских офицеров, представителей известных аристократических фамилий. В Симле Нэнси и Дейзи были признанными *belles* и привлекали всеобщее внимание. Кроме того, юная Маргарит была богатой невестой, ее приданое оценивалось между 15 и 20 миллионами долларов.

В то время эпоха «трансатлантических союзов», когда женщины из семей американских нуворишей выходили замуж за представителей британской аристократии, переживала свой небывалый подъем. На рубеже веков около 500 американок вышли замуж за представителей

британских аристократических фамилий, одни сделали это для получения громких титулов, других интриговали большие деньги. Мода на богатых эмансипированных американок, столь эксцентричных и раскрепощенных по сравнению с молодыми британскими аристократками, над которыми все еще довлели условности викторианской эпохи, была огромной. Для женщин из богатых американских семей брак по принципу «деньги за геральдику» (cash for coronets) давал возможность получить престижный статус и открыть дверь в высший свет не только Старого Света, но и у себя на родине. Классическая американская аристократия старого типа с ее привычками к экономной трате денег, умеренностью и филантропией, с большим подозрением относилась к новому классу нуворишей. Представители последнего сорили деньгами и с пренебрежением относились к устаревшим, на их взгляд, ценностям старой американской аристократии. Родство с аристократическими семьями Европы, и, прежде всего, Великобритании, позволяло новой американской аристократии комфортно чувствовать себя в высшем эшелоне американского общества. Эта эпоха была недолговечна, конец ее пришелся на окончание Первой мировой войны, когда британская аристократия переживала трудные времена и многие пытались удержаться на плаву, продавая имения, фамильные драгоценности и коллекции произведений искусства, а американская элита осознала, что ей больше не нужны громкие титулы для подтверждения социальной значимости.

Мимолетное знакомство Снесарева с Маргарит, как представляется, быстро переросло в сильное увлечение. Снесарев умел произвести впечатление и выделялся в среде высшего общества в Симле – высокий и импозантный русский офицер, говорящий на иностранных языках, с прекрасным голосом и мягкими манерами, неплохой танцор. К тому же он прибыл с далекого севера, из почти мистической страны России. Маргарит также не могла остаться незамеченной – удивительной красоты высокая девушка, с копной пышных черных волос и большими голубыми глазами, унаследованными от матери-ирландки. Имелись и общие интересы – увлечение вокалом и танцами. Обществу значительно помогало знание обоими французского языка («зафранцузили вовсю»). За время короткого пребывания в Симле «служебный роман» Снесарева с Маргарит, или как он стал ее называть – Ритой, получил бурное развитие. В Симле Снесарев и Рита часто выезжали на конные прогулки, о них (естественно, без упоминания о девушке) он сообщал в письме к сестре. Рита была прекрасной наездницей, с детства занималась конным спортом и очень любила лошадей. Она также имела сильный и независимый характер. Известен случай, когда во время официальной церемонии – дурбара в Дели, она, вопреки установившемуся этикету, не проявила внешних знаков почтения своей старшей сестре – жене вице-короля, и на общее недоумение со смехом сказала: «я американка, рожденная быть свободной». При таком характере, понятно, мало кто мог повлиять на ее сердечный выбор, даже если он пал на капитана русского Генерального штаба.

В свой роман в Симле Снесарев по вполне понятным причинам не стал посвящать сестру. Его положение офицера Генерального штаба, находящегося с ответственным секретным заданием в Индии, полностью исключало такую возможность такого поворота событий. Поэтому в письме к сестре он обыденно сообщал, что остался в Симле один (после отъезда Полозова) и много занимался – «садился за книги и сидел за полночь».

В письме к сестре Снесарев также упоминает, что в Симле он заболел, и называет причину – «нравственные потрясения плюс переутомление (в Симле, уже больной, я работал свыше 14 часов в сутки)». Здесь обращает на себя внимание фраза «нравственные потрясения», завуалированное признание в нечаянном любовном романе. Сама болезнь выглядит неестественной, так как случилась именно в Симле, популярном климатическом курорте, где «лихорадки в малярийной форме», которые Снесарев называл в качестве причины болезни, вообще не известны. Представляется, что «болезнь» была изобретена Ритой, чтобы отсрочить его отъезд из Симлы.

По возвращению из Индии у Снесарева и Риты установилась переписка. В архиве семьи Снесаревых, кроме письма, о котором было упомянуто выше, сохранился еще один уникальный документ – половина письма, написанного на английском языке (приводится в настоящем издании). Из этого фрагмента видно, что Снесарев отвечает на недавно полученное письмо от Риты, комментирует ее сообщение о том, что на замечание доктора Шупа (Dr. Shoop)¹⁰⁰ – «Кажется Вы очень его любите», она ответила – «Да, люблю». Из отрывка виден уровень установившихся между ними отношений. В своем ответе Снесарев сообщает подробности жизни в Ташкенте, упоминает о Ваське (верховой лошади) и пишет, что отправляет ей свою фотокарточку и открытку с видом ташкентской церкви. Остается неизвестным, является ли этот отрывок частью черновика или самого письма. Возможно, Снесарев, чтобы избежать ошибок в английском языке, вначале писал письма в черновике, а затем переписывал их набело. Соответственно, нельзя сказать с уверенностью, было ли письмо отправлено. Время написания этого фрагмента предположительно относится к концу февраля, исходя из упоминания о холодах и того факта, что в Ташкент из поездки в Индию Снесарев вернулся в середине февраля 1900 г. Очевидно, что письмо к Рите с объяснениями о невозможности продолжить отношения (опять же, неизвестно, было ли оно отправлено), упоминаемое выше, приходится на начало весны. В середине весны у Снесарева в Ташкенте уже начнется новый роман, но об этом мы скажем чуть позже.

Письмо Снесарева к Рите заканчивается последними строками стихотворения Генриха Гейне «Morgens send ich dir die Veilchen» в переводе британского поэта и переводчика Джулиана Фейна¹⁰¹. В конце 1890-х слова английского перевода были положены на музыку Эллен Райт¹⁰², и песенка «Фиалки» (Violets) стала чрезвычайно популярной в Великобритании и Америке. В 1901 г. она с большим успехом была использована на Бродвее в музыкальной комедии «Маленькая княжна» в постановке известного импрессарио Флоренца Зигфельда.

Несмотря на бурно начавшиеся отношения с Ритой, Снесарев, немного пришедший в себя в Ташкенте, оценил создавшееся положение и пришел к выводу о невозможности их продолжать. Снесарев и Рита принадлежали к разным цивилизациям, огромными были между ними различия в происхождении, социальном положении, религии и культуре. К моменту их встречи Снесарев был уже вполне сформировавшимся взрослым человеком, имел свою линию жизни и свои представления о будущем. Дальнейшее продолжение отношений с американкой было невозможно без оставления военной службы и, может быть, отъезда из России. Это совсем не входило в планы Снесарева, для которого на русской военной службе открывались большие перспективы. Поэтому он счел необходимым объяснить и расстаться.

В конце весны 1900 г. Снесарев стал серьезно подумывать о женитьбе на одной из ташкентских девушек. В связи с принятым решением жениться у него возникла необходимость прервать отношения с Ритой и как-то объяснить. «Теперь я, прежде всего, – пишет он в письме к сестре, – должен ликвидировать (подчеркнуто Снесаревым. – М. Б.) свои дела, к чему я и приступил... По силе возможности, я старался сердечные дела вести ясно и честно; я не жду при процессе ликвидации сердечных сюрпризов, но некоторые затруднения будут и, мне грустно представить, будет горе... Ведь такие дела подобны узлам: их завязывают руками, а развязывать приходится зубами...»¹⁰³. Но, как покажут дальнейшие события, «развязать» этот

¹⁰⁰ Доктор Шуп (Claredon I. Shoop, 1851–1924) – известный в Чикаго врач, давний знакомый Леви Лейтера, сопровождал в поездке в Индию женскую половину семейства Лейтеров. Стал известным и сделал большой капитал благодаря производству необычных фармацевтических препаратов, часто экзотических, как например, «змеиное масло». В Индии он интересовался традиционной индийской медициной и фармацией.

¹⁰¹ Джулиан Фейн (Julian Henry Charles Fane, 1827–1870) – британский поэт и переводчик, получил известность своими переводами на английский язык поэм Г. Гейне.

¹⁰² Эллен Райт (Ellen Riley Wright, 1859–1904) – английский композитор, автор музыки к популярным песням.

¹⁰³ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

узел ему не удалось. Роман Снесарева с Ритой оказался не просто сильным увлечением, это было большое и сильное чувство, которое он вынужден был скрывать даже от самых близких ему людей.

Когда работа над книгой уже подходила к концу, в наше распоряжение поступили сведения из британских архивов, которые позволили сделать вывод, что письмо Снесарева «с объяснениями» с Ритой (написанное ранней весной 1900 г.) не было последним и не ставило точки в их отношениях. Новые сведения позволяют продлить историю их отношений до начала 1902 г. Однако косвенные данные дают основание считать, что эти отношения поддерживались, как минимум, до середины весны 1903 г. В письмах к сестре незадолго до окончания командования Памирским отрядом Снесарев, в частности, указывал на большое желание «вырваться за границу». При этом он нигде не упоминает о целях такой поездки. Объяснение этому опять же последует ниже.

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе Маргарит Лейтер. После того, как произошел разрыв отношений со Снесаревым, у Маргарит возникли отношения с адъютантом лорда Керзона лейтенантом Генри Говардом (Henry Molyneux Paget Howard), 19-м графом Саффокским. Говард оказался на службе у Керзона в возрасте 21 года и часто сопровождал лорда и его супругу в поездках в Дели и Симлу, во время охоты на тигров. Говард был отличным спортсменом, получил образование в престижном Винчестерском колледже. Во время учебы он обнаружил большие театральные способности, часто устраивал у себя дома роскошные театрализованные постановки, для участия в которых приглашал своих друзей, и сам же писал для них роли. Очевидно, Говард как раз и был тем адъютантом Керзона, о котором упоминал Снесарев в нескольких местах своего письма к сестре (от 29 октября 1899 г.): «адъютант стал просить меня петь “Лесного царя” и «получил письмо от одного из адъютантов лорда Керзона, в [котором] высказывалась просьба его... чтобы я захватил с собой ноты».

Свадьба Маргарит и Генри состоялась под Рождество 1904 г. в родовой усадьбе Лейтеров в Чикаго. По дате это событие произошло практически сразу после свадьбы Снесарева (ноябрь 1904 г.), создается впечатление, что Рита решила на замужество с лордом Саффокским, только получив известие о женитьбе Снесарева. Это, конечно, могло быть простым совпадением, но так получилось, что в отношениях Снесарева и Риты оказалось слишком много совпадений, которые оставляют мало места случайностям. На свадьбе присутствовал ограниченный круг родственников семьи Лейтер и три друга капитана Говарда. Сразу после свадьбы чета отправилась в Великобританию, чтобы поселиться в родовом поместье графов Саффокских в Чарлтон Парке. Поместье находилось в графстве Уилтшир, центром его был старинный особняк в яacobинском стиле, окруженный 10 тыс. акров земли. В качестве свадебного подарка Маргарит получила от своей семьи два миллиона долларов.

Брак Маргарит длился недолго – во время Первой мировой войны в военной кампании британской армии в Месопотамии в сражении при Истабулаке 21 апреля 1917 г. осколок турецкого снаряда нанес майору Говарду смертельное ранение в сердце. Майор Говард похоронен на воинском кладбище в г. Басра в современном Ираке. От брака с графом Саффокским у Маргарит осталось трое сыновей: Чарльз, Сесил и Гревилл. Старший сын Чарльз (1906–1941) закончил Военно-морской колледж и Эдинбургский университет с дипломом химика и фармацевта, во время Второй мировой войны служил экспертом по обезвреживанию боеприпасов неизвестных и сложных систем. Погиб 12 мая 1941 г. при обезвреживании немецкой 250-ти килограммовой авиабомбы, снабженной взрывателем-ловушкой на неизвлечение.

До начала 1930-х гг. Маргарит проживала в поместье Чарлтон Парк. В это время у нее развилась страсть к гоночным автомобилям и самолетам. На службе у нее состоял профессиональный пилот, с которым она часто поднималась в воздух. В начале 1930-х гг. Маргарит возвращается в Америку и покупает участок земли в 293 акра в городе Тусоне в штате Аризона близ мексиканской границы. В 1936 г. на этом участке земли архитектор Ричард Морс

(Richard A. Morce) возвел двухэтажный особняк в «международном» стиле, ставший зимним домом для Маргарит. Особняк насчитывал пять спален, помещения для прислуги, гараж на четыре машины, а также отдельный дом для шофера. Дом имел систему полного воздушного кондиционирования, большую редкость для того времени. В 1956 г. Маргарит продала поместье и приобрела ранчо в нескольких милях к юго-западу от города Оракл в Аризоне и построила дом в испанском стиле, назвав его Casa Del Oro. В 1968 г. во время перелета к сыну в Лос-Анджелес она пожаловалась на головокружение. Самолет совершил экстренную посадку в калифорнийском городе Ланкастер. Маргарит была срочно доставлена в госпиталь, но помощь ей уже не понадобилась.

Такова история неизвестного эпизода поездки А. Е. Снесарева в Индию, который удалось восстановить благодаря двум фрагментам писем, сохранившимся в архиве семьи Снесаревых. Он занимает совершенно необычное место в истории Большой игры – жестокого и непримиримого противостояния двух великих империй в Средней Азии. Этот эпизод, полный живых человеческих чувств и страстей, так и остался за кадром истории «войны теней».



Ташкентские досуги капитана Снесарева

Из Индии А. Е. Снесарев приехал в Россию через Одессу, посетил Москву, Петербург и 17 февраля 1900 г. вернулся в Ташкент. Отъезд Снесарева в Индию был столь стремителен, что в Ташкенте на новом месте службы у него не было времени заняться обустройством своего быта. В начале марта 1900 г. он арендовал комнату в доме купца Алиша Календарева, на улице Зерабулакской. Алиш Календарев принадлежал к многочисленному роду самаркандских евреев и сколотил капитал на торговле туркестанским хлопком. На Зерабулакской улице он имел большой доходный дом, который сдавал военным и ташкентским чиновникам. В письме к сестре Снесарев сообщал об этом событии: «Две недели как поселился в одной комнатке, плачу за нее и за полный пансион 45 руб. Комната с очень приличной обстановкой, с очень большим письменным столом, за [которым] я и работаю. Вся комната моя полна книгами: они лежат на диване (одном и другом), этажерке, стульях, креслах, полу, смущая моих посетителей»¹⁰⁴.

Новое местожительство Снесарева располагалось в центре русской части Ташкента, в районе, который считался достаточно престижным, населенным преимущественно людьми состоятельными, но не интеллигентными. Улица Зерабулакская была названа в память о кровопролитном бое между русскими и бухарскими войсками на Зерабулакских высотах 2 мая 1868 г., победа в котором открыла русским войскам путь на Самарканд и вынудила бухарского эмира согласиться на вассальное положение эмирата по отношению к Российской империи. Зерабулакская, сравнительно короткая улица, была известна тем, что по ней пролегла линия первого в Ташкенте электрического трамвая. Единственное неудобство жизни на Зерабулакской заключалось в том, что она располагалась между двумя людными ташкентскими рынками – Воскресенским и Куриным. Дом Календарева, как и многие другие на Зерабулакской улице, не сохранился до наших дней. В пяти минутах ходьбы от дома вверх по Зерабулакской улице находилась Николаевская улица, на которой размещалось одноэтажное вытянутое здание штаба Туркестанского военного округа (фотография публикуется в настоящем издании). Рядом с ним располагалось здание штаба I-го Туркестанского армейского корпуса. На Николаевской улице также находилась типография штаба округа, где Снесареву часто приходилось бывать в связи с изданием его работ и специальных публикаций штаба округа, которые он редактировал. В доме на Зерабулакской, разделенном на отдельные комнаты, он проживал вместе с сослуживцем – Генерального штаба капитаном А. М. Григоровым, который прибыл на службу в Туркестанский военный округ в январе 1901 г. Сохранилась уникальная фотография тех дней, где Снесарев и Григоров изображены в домашней обстановке (публикуется в настоящем издании).

В том же году Снесарев снял более просторную квартиру. В письме к сестре он пишет:

«В квартире у меня 4 комнаты, но я постоянно в одной – самой большой – моем кабинете: на стенах восемь планов (Индия и Средняя Азия) и, притом, масса книг – на двух этажерках, на трех столах, на диване, стульях, всюду... Большой письменный стол, к [которому] проведен электрический звонок, мягкая мебель, чистота... уютно и тихо... со стола смотрит на меня «задумчиво и нежно» портрет умершей подруги...»¹⁰⁵.

Остается неизвестным, переехал ли он при этом на другой адрес или остался на прежнем месте¹⁰⁶. Дом Календарева был большим, и снять в нем дополнительные комнаты не составляло

¹⁰⁴ АСС ПСК, март 1900 г., г. Ташкент.

¹⁰⁵ АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

¹⁰⁶ Адрес Снесарева, в отличие от других офицеров штаба округа, не указан в справочнике: Стратонов В. В. Туркестанский календарь на 1904 г. Ташкент, 1904. Справочник содержит сведения по состоянию на первую половину 1903 г. Отсутствие сведений о месте проживания Снесарева могло произойти по двум причинам: либо он съехал с арендуемой квартиры в связи с отъездом на Памир, либо адрес не указан по причине его продолжительного отсутствия в Ташкенте.

труда, особенно после переезда А. М. Григорова на новый адрес – в дом Блиновского на улице Учительской.

Начало службы Снесарева в Туркестане знаменовало новую эпоху в его жизни. Все, что было до этого момента, представляло собой череду подготовительных этапов к реализации заветных планов и желаний. В письме к сестре он замечает: «Мне хочется подвести с тобой итог за минувший год. Ему нельзя признать в некоторой важности: он является поворотным годом в моей жизни; до него я готовился (главным образом) что-то делать, с него я начинаю делать. Как и прежде в моей жизни, перемен во мне и в окружающем я не замечал, а она была и большая (больше, конечно, в окружающем)...»¹⁰⁷. Сложный духовный и психический мир Снесарева непрерывно изменялся, многие идеи и взгляды из предыдущей жизни подвергались пересмотру. Несмотря на это, он очень дорожил базовыми идеалами и ценностями, заложенными в нем семьей и воспитанием. «И мне думается, – замечал он в одном из писем к сестре, – что если я действительно пойду далеко, то с какими странными гаданиями будут следить за моей работой и движением мои скромные родственные углы, и придет ли им в голову тогда, что при всей внешней оболочке во мне, как деятеле, будет жить тот же попovich, по старым приемам решающий дела и в уголках своего генеральского сердца носящий те же скромные прошлые идеалы: идеалы университета, лишь слегка поправленные опытом, идеалы камышевского дома, пойманные со слов отца и матери...»¹⁰⁸.

До перевода в Генеральный штаб Снесарев последовательно исполнял обязанности старшего адъютанта (18 апреля – 8 июня 1900 г.; 3 января – 3 мая 1901 г.), старшего адъютанта отчетного отделения штаба Туркестанского военного округа (5 августа – 30 октября 1900 г.). 21 августа 1900 г. последовал Высочайший приказ о переводе Снесарева в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе округа. Высочайшим приказом, последовавшим 1 апреля 1901 г., Снесарев произведен в капитаны¹⁰⁹.

По сравнению со сверстниками Снесарев стал офицером с достаточно большим отставанием, которое составило 5 лет. Это отставание постоянно сказывалось на его служебном росте в том смысле, что сверстники все время оказывались в чинах и званиях на порядок выше тех, что имел Снесарев. Для должностей, в которых он находился до начала Первой мировой войны, он по возрасту выглядел достаточно «зрелым», к примеру, до 40 лет все еще имел звание капитана – явление для русского Генерального штаба весьма редкое. Это независимое от его блестящих способностей и данных отставание создавало для него определенный психологический дискомфорт, заставляло постоянно «наверстывать» возрастной разрыв за счет дополнительных усилий по службе, в научной деятельности и пр.

Другой особенностью психологического восприятия Снесаревым службы был тот факт, что он влился в корпорацию офицеров Генерального штаба, что называется, «с гражданки», то есть, не пройдя классического пути в образовании офицера – кадетский корпус, военное училище, академия. В этой образовательной цепи у Снесарева имелось два пробела – отсутствие образования, полученного в кадетском корпусе, и неполный курс военного училища. Вопрос на самом деле стоял шире образования, речь шла о духовно-психологической трансформации, которую Снесареву не удалось в полной мере пройти. О сущности этой трансформации хорошо отмечено у Анатолия Маркова в его работе «Кадеты и юнкера»: «Надо правду сказать: для подростка в 14 лет, каким я тогда был, да еще после усадебного приволья, сделаться кадетом было не так-то легко. Недостаточно лишь надеть кадетскую форму, надо, кроме того, узнать кадетскую среду и привыкнуть к ее быту, изучить ее язык и обычаи, словом, – морально и физи-

¹⁰⁷ АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

¹⁰⁸ Там же, 9 апреля 1903 г., п. Хорог.

¹⁰⁹ Сведения приводятся на основе послужного списка А. Е. Снесарева: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 338–604 (1911 г.). Л. 3–3 об.

чески переродиться (курсив мой – М. Б.)»¹¹⁰. По этой причине в офицерской среде Снесарев воспринимался как-бы не до конца своим, не полностью военным («штрук», по тогдашнему выражению). Это восприятие со стороны еще более усиливало университетское образование Снесарева. В офицерском корпусе императорской армии офицеры с университетскими дипломами были в то время большой редкостью, к самим же университетам и студентам в армии существовало распространенное предубеждение как к источнику вольнодумства и антиправительственной деятельности.

В то же время, «гражданский элемент» в Снесареве имел для него и позитивное значение, университетский опыт и знания давали ему большое преимущество перед другими офицерами, получившими классическое военное образование. Стиль служебных письменных работ Снесарева выгодно отличался от работ других офицеров Генерального штаба: в них чувствовалась более основательная научная подготовка, присутствовал элемент академизма и неординарного подхода, сам писательский стиль был более свободен и раскован, в нем не чувствовался гнет служебной субординации, канцелярщины и формализма. Этот фирменный «снесаревский» стиль весьма импонировал туркестанскому начальству, что весьма заметно, к примеру, в комментариях руководства округа к служебной записке «О Памирах».

Тот факт, что Снесарев не прошел в кадетском корпусе и военном училище «физического и морального перерождения» и по этой причине не до конца оставался человеком военным, видно даже из такой детали, как отношение к военной форме. На дошедших до наших дней фотографиях Снесарева в военной форме нетрудно заметить привычку держать руки в карманах, или в присутствии генерала надеть на голову киргизский войлочный колпак («фланельку», как он его называл) и в нем же принимать строй оренбургских казаков (эпизод из командировки на Памир летом 1901 г.). Для людей военных такие детали бросаются в глаза и являются весьма важными. Трепетное отношение к военной форме у офицеров императорской армии закладывалось еще в кадетские годы. «Еще одна сторона кадетской жизни, – отмечал А. Марков, – которую надо было изучить, это искусство иметь “воинский вид”. Чтобы носить военную форму, нужна не только привычка, но и умение, без чего человек, будь он мальчиком-кадетом или взрослым, выглядит в форме только переодетым штатским, как это резко бросается в глаза у артистов, играющих на сцене роли офицеров. Мундир, шинель, фуражку и даже башлык надо уметь носить, без чего из мальчика никогда не получится “отчетливого кадета” и вообще военного»¹¹¹.

В Ташкенте Снесарев жил насыщенной жизнью, полной событий, новых встреч и впечатлений. В его переписке, как ташкентского, так и более позднего периода, часто можно встретить упоминания о себе как о натуре увлекающейся, полной романтизма и даже сентиментальности, как о человеке, обладающим особо тонким психическим типом. «Твой муж, – писал он в одном из писем жене, – мечтатель и фантазер; ход мыслей и ход впечатлений создается у него не по-людскому; его взор часто останавливается, тоскует или радуется над такими вещами, мимо которых другие люди проходят с полным равнодушием»¹¹². В другом письме к жене он приводит слова старого знакомого по студенческим годам, который находил его «тонким, скромным, мечтательным, с тонким как у девочки голосом, уединенным, никогда не участвовавшим в товарищеских попойках...»¹¹³. В письме к сестре он замечает: «Ташкенцы находят, что я слишком нелюдим, хотя гордым меня не находят... последний вывод я постарался отклонить всеми силами»¹¹⁴.

¹¹⁰ Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961. С. 41–42.

¹¹¹ Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961. С. 41–42.

¹¹² АСС ПСФ, 21 января 1916 г.

¹¹³ Там же, 22 февраля 1916 г.

¹¹⁴ Там же, март 1900 г.

В связи с этим следует коснуться темы так называемой «нелюдимости, замкнутости» в ташкентский период жизни Снесарева, часто поднимаемую им в личной переписке. Событийная сторона этой жизни, ее темп и вовлеченность в нее многих людей, не соответствует этим нарочитым сетованиям и созданному им самим образу «ташкентского отшельника». Жизнь Снесарева в Ташкенте был насыщенной, яркой и интересной. В жизни Снесарева в Ташкенте не последним было и то обстоятельство, что он был холост. Что касается последнего, то, как он сам замечал, «я стараюсь (и успеваю) создать прелести в своей одинокой жизни». Снесарев был частью ташкентского высшего общества, пользовался в нем большим успехом. Если мы и можем найти некий элемент отчуждения Снесарева применительно к ташкентскому обществу, то относится это больше к его стойкой неприязни к застольям с выпивкой. В этом отношении он, как человек непьющий, был очень последователен и тверд.

В Ташкенте у Снесарева сложился особый стиль жизни, в котором видное место занимали литературная деятельность, занятия вокалом, конные прогулки, домашние животные, занятия восточными языками и романтические увлечения. В этом смысле жизненный стиль Снесарева на азиатской окраине имел некоторые параллели с жизнью британских офицеров в Индии, с тем, что получило название «колониального стиля» с сильным влиянием модного тогда ориентализма. Разумеется, это было исключительное положение, гарантированное ему статусом офицера Генерального штаба. Жизнь рядовых армейских тружеников – строевых офицеров, была куда прозаичнее и суровее.

О стиле жизни Снесарева в Ташкенте можно найти интересные свидетельства в его личной переписке. Приведем несколько из них: «Время свое проводил так: до 2 часов в штабе, потом отдых до 4–5, потом или на тандеме¹¹⁵ с дамами, или верхом на лошади до 7–8 (у меня теперь хорошая лошадка верховая, [которую] мне уступил один товарищ), вечером работа...»¹¹⁶. В письме к сестре он сообщает: «Хотел бы написать тебе, как мне живется, каково в моей рабочей комнатке, как я беседую со своими животными (Васька – лошадь, Злюка – сука, белая борзая), как я их избаловал, как я стараюсь (и успеваю) создать прелести в своей одинокой жизни, то витаю фантазией в небесах, то, возясь со своими “глупыми” (Васька, по нашему общему выводу со Злюкой, совсем глупый), но так некогда...»¹¹⁷.

Основным занятием Снесарева вне службы оставалась научная и литературная деятельность – написание статей, докладов, рецензий и отзывов. В этот период Снесарев спешит заявить о себе, сделать имя на печатных трудах, работа над которыми ведется им в интенсивном ритме. В письме к сестре он сетует на нехватку времени: «Мне досадно, что я не могу написать много. Пишу тебе в штабе, урывая время от казенной работы. Мне теперь чаще и чаще приходит в голову фраза отца сыну (в одной из драм): «...Придет время, когда не будет отбою от дела, и 24 часов в сутки будет слишком недостаточно». Меня давит эта ограниченность часов: я занят целый день»¹¹⁸. В том же письме он сообщает: «Посылаю тебе посылкой две свои работы: они, может быть, несколько специальны, но все же кое-что найдется для прочтения... а, главное, они – воплощение моего труда, бессонных ночей...».

Научная и литературная деятельность занимала большую часть его свободного времени, часто лишая возможности нормального отдыха. «Опять у меня стала побаливать голова (и сейчас болит), – сообщал он в письме к сестре. – Был у доктора, он осмотрел меня внимательно и нашел, что я вполне здоров, но у меня начинается малокровие “на почве”, как он выразился, “усиленной психики”. Он мне категорически запретил сидеть по ночам более 12 часов, махая

¹¹⁵ Тандем – велосипед, предназначенный для нескольких (чаще для двух) человек, сидящих один за другим. Был популярен в то время в Ташкенте, где имелось Ташкентское общество велосипедистов-любителей (открыто в 1894 г.).

¹¹⁶ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

¹¹⁷ Там же, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

¹¹⁸ Там же.

руками на мои доводы, что это невозможно. Дал мне какие-то капли: может быть они и помогли бы, если бы [меньше] работы... Впрочем, как будто лучше»¹¹⁹.

Научные исследования очень скоро сделают Снесарева известным, выдвинут его «имя» в число наиболее выдающихся туркестанских офицеров Генерального штаба. Из письма к сестре: «Возвратился я из Индии и принялся за то, что мне дали как причисленному к Генеральному штабу. Незаметно для меня работа, мне поручаемая, становилась серьезнее и важнее и вскоре я занял, так сказать, исключительное место. Тут подошли мои работы в печати, мое пение, занятия в учебных заведениях... все это создало мне привилегированное положение в Ташкенте и сделало меня персоной...»¹²⁰. Снесарев, безусловно, являлся частью ташкентской элиты – особой группы ученых, литераторов, общественных деятелей, которая в литературе получила название «ташкентские интеллектуалы»¹²¹. Эта группа оказала большое влияние на формирование в России общего взгляда на роль и значение туркестанской окраины, а также на выработку принципов административной политики непосредственно в Туркестанском крае.

Следует заметить, что научная деятельность, хотя и принесла Снесареву известность и авторитет, но, вопреки расхожему мнению, мало способствовала его служебной карьере. В этом заключался один из парадоксов того времени, связанных с реалиями русской императорской армии. Это было следствием установившихся консервативных взглядов в армии на офицеров, занимающихся литературной деятельностью. Долгое время считалось, что для офицеров служба в строю и писательские экзерсисы – понятия несовместимые. Как замечал А. И. Деникин, «начальство по большей части относилось к «балующим пером» с большим предубеждением»¹²². Определенные проблемы могли возникнуть в этой связи и у Снесарева, активно сотрудничавшего с прессой. Неслучайно, к примеру, после перевода Снесарева в Петербург, его тесть В. Н. Зайцев в одном из писем деликатно интересовался: «Как смотрят на твои литературные труды в Главном управлении Генерального штаба?»¹²³.

Нетрудно заметить, что несмотря на известность как военного писателя, Снесарев к началу Первой мировой войны имел для офицера Генерального штаба довольно посредственный служебный рост. До войны он не успел покомандовать полком, в то время как другие офицеры Генерального штаба, выпускавшиеся из академии практически одновременно с ним, уже командовали полками и даже бригадами. С учетом возраста Снесарева, – в 48 лет все еще занимал скромную должность начальника штаба дивизии, это отставание было еще значительнее. Общий командный ценз Снесарева к осени 1914 г. составлял всего год и семь месяцев. Свой полк он получил уже во время войны, когда развертывание резервных частей и начавшаяся убыль в офицерах потребовали дополнительного количества подготовленных командиров, способных к руководству полками. К началу войны в армейской среде за Снесаревым утвердился имидж больше ученого и писателя, нежели строевого начальника. Это обстоятельство значительно влияло на его продвижение по службе. Известно, что незадолго до войны непосредственное начальство Снесарева предпринимало попытки (в 1912 и 1913 гг.) добиться назначения его на должность командира пехотного полка «вне очереди»¹²⁴. Характерно в этом

¹¹⁹ АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Sahadeo Jeff. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007. P. 59.

¹²² Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929. С. 121.

¹²³ АСС. Письмо В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву. 11 октября 1905 г., г. Ош.

¹²⁴ Интерес представляет аттестация на А. Е. Снесарева, данная его непосредственным начальником: «Полковник Снесарев умный, высокообразованный и отличных нравственных качеств; прекрасный семьянин; ничего не пьет; в карты играть любит, но по-маленькой и в азартные игры не играет; интересный собеседник, выдающийся лектор – он пользуется общей любовью и большим уважением не только в офицерской среде, но и в городском обществе; его сообщения и публичные лекции слушаются с исключительным интересом. Возлагаемые на него поручения исполняет с особым усердием. К службе относится добросовестно. В поле находчив, спокоен и распорядителен. Ездит смело и сидит крепко. Физически здоров и трудности военной жизни переносит легко. Заслуживает выдвижения на высшую должность вне очереди. Будет одинаково полезен как в

отношении заключение на эти представления, сделанное высшим начальником, – командиром XII армейского корпуса А. А. Брусиловым: «Полковник Снесарев, несомненно, теоретически очень знающий, но практически еще мало подготовлен для командования полком. Его сфера – скорее ученая деятельность, кабинетная. Поэтому полагаю, что, будучи отличным, у него нет все-таки достаточных оснований для выдвижения на должность командира полка вне очереди, а лишь по старшинству»¹²⁵.

Одним из увлечений Снесарева в ташкентский период жизни было пение и участие в различных концертах и выступлениях. У Снесарева имелись прекрасные вокальные данные, хорошо поставленный голос (приятный баритон бархатного тембра), природный артистизм. Увлечение пением началось у Снесарева еще в Московском университете и было продолжено в военном училище. Здесь необходимо сделать небольшое, но важное отступление. В литературе, посвященной жизни и деятельности А. Е. Снесарева, мало обращалось внимания на обстоятельства его поступления на военную службу. Между тем, это один из важных фрагментов его биографии, с которого началась вся история его блистательной службы в императорской армии.

До 1888 г. линия судьбы молодого Снесарева развивалась по траектории, весьма далекой от военной службы. Он получил прекрасное гражданское образование – закончил гимназию и университет с дипломом кандидата, увлекался математикой, литературой и искусством, и мало что в это время могло указать в нем на будущего генштабиста и полководца. Но вдруг, жизнь его принимает течение, совершенно противоположное, и он обращается к сфере, весьма удаленной от его любимых занятий и полученного образования. Что же могло так сильно и масштабно повлиять на резкий поворот в жизненной линии Снесарева? Ответ может быть найден со стороны, весьма неожиданной. Увлечение Снесарева в юности пением было столь велико и сделалось для него настолько страстным занятием, что он всерьез подумывал о карьере профессионального певца. На это указывала в биографических заметках об отце и дочь, Евгения Андреевна, ей же было известно и о переписке Снесарева (к примеру, с кузеном Яковом Ратмировым), в которой часто мелькали сюжеты из театральной и артистической жизни, упоминания известных в России актеров и певцов и пр. Однако, стать артистом Снесареву было не суждено. Возникли серьезные проблемы с горлом, и врачи запретили ему заниматься пением. Сам Снесарев много лет спустя с горечью вспоминал об этом событии: «У меня случилось с горлом несомненное несчастье, после которого нельзя было и думать о пении, и все же как мне было больно! Какие тяжкие, глубоким горем отравленные дни, пережил я тогда! Даже теперь-то, когда у меня такая жена и трое малышей, и то вспомнить больно»¹²⁶. О переживаемом им моменте свидетельствует и Евгения Андреевна: «С пением пришлось покончить. Это было катастрофой, крушением всех надежд; казалось, что жизнь кончена и ничего в ней уже не будет»¹²⁷. Не исключено, что именно эта личная драма и привела к пересмотру многих личных взглядов Снесарева на жизнь и свое место в ней. И не подведи Снесарева здоровье, мы не знаем, в каких сферах – в артистической или военной – его дарования проявились бы с большей силой.

Тем не менее, занятие вокалом осталось его страстью на протяжении всей жизни. Это увлечение было продолжено и в военном училище, где имелся отличный хор, участие в котором юнкеров весьма поощрялось командованием. Ввиду природных данных Снесарева, с ним в училищном хоре велись индивидуальные занятия, и скоро он стал солистом хора. Е. А. Сне-

строю, так и на службе по Генеральному штабу. Отличный. Прodписал: начальник 2-й казачьей сводной дивизии генерал-лейтенант Родионов». См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 8568. Л. 3.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 8568. Л. 4. Заключение вышестоящего начальника на представление полковника А. Е. Снесарева кандидатом на должность командира пехотного полка.

¹²⁶ АСС ПСФ, 7–8 января 1916 г.

¹²⁷ АСС. Рукопись биографической работы Е. А. Снесаревой об отце.

сарева была уверена, что именно в военном училище отца «все больше и больше стала привлекать карьера профессионального певца. Он начал серьезно заниматься пением»¹²⁸. Однако с этим трудно согласиться ввиду того, что сам факт поступления в военное училище уже указывает на смену жизненных ориентиров у Снесарева. Кроме того, документально не известны какие-либо попытки Снесарева покинуть военную службу после выпуска из училища. Сам он, во всяком случае, об этом не упоминал.

К моменту приезда Снесарева в Ташкент в городе действовало несколько музыкальных обществ, наиболее известные из них – «Ташкентское музыкальное общество» и «Музыкальное общество “Лира”». Общества вели коммерческую и благотворительную деятельность, имели свои репертуары, дирекцию, сотрудничали как с местными, так и с российскими артистами. О репертуаре общества «Лиры» можно получить, к примеру, представление из короткой заметки в туркестанской прессе о предстоящем концерте: «21 ноября [1899 г.] в зале общественного собрания состоится концерт общества “Лиры”». <...> Общество, завоевавшее всеобщую симпатию Ташкента, устраиваемыми им концертами, всегда доставляло особое эстетическое удовольствие, а также предложенные номера концерта, как “Полонез” из “Жизни за царя”, “марш” из “Тангейзера”, в которых хор “Лиры” участвует вместе с оркестром, служат ручательством полного успеха предложенного концерта»¹²⁹.

Выступление офицера Генерального штаба на музыкальных вечерах и концертах было для ташкентской публики чрезвычайным событием, ранее не виданным. Но еще больший эффект его появление на сцене оказало на армейскую среду, в которой традиционно существовал консерватизм во взглядах на сценическую деятельность и участие в ней офицеров. В русском офицерском корпусе, где даже браки офицеров с актрисами были долгое время запрещены, реакция на офицера Генерального штаба в амплу артиста была ожидаемо сдержанной и настороженной. Для другого офицера сцена могла окончательно подорвать репутацию и испортить карьеру. В случае же со Снесаревым этого не произошло. Он был психологически подготовлен к выходу на сцену – пел в хоре военного училища, был раскован и артистичен. Кроме того, Снесарев всегда проявлял разборчивость в выборе места выступления и аудитории. Он никогда не принимал участия в коммерческих мероприятиях, а выступал с благотворительными целями – в пользу больных, малоимущих, сирот. Часто такие выступления происходили в присутствии командования военного округа, и это было для Снесарева не только своеобразной служебной «индальгенцией», но и во многом способствовало росту его известности в высшем эшелоне военного руководства, которому было приятно показать ташкентскому обществу, что и в военной среде есть люди талантливые и неординарные. «Пение усилило его репутацию в Ташкенте», – считала Е. А. Снесарева, и с этим мнением трудно не согласиться.

Одно из первых вокальных выступлений Снесарева в Ташкенте относится к ноябрю 1900 г. Музыкальное общество «Лиры» в Ташкентском военном собрании устраивало концерт. Это событие привлекло внимание А. Е. Снесарева, и ему захотелось принять участие в концерте. При этом, однако, возникал деликатный момент – отсутствие прецедента выхода на сцену офицера Генерального штаба. Снесарев обратился за разрешением к начальнику окружного штаба генерал-майору В. В. Сахарову, своему непосредственному начальнику. Сахаров, человек прогрессивных взглядов, после некоторого колебания такое согласие дал. Выступление Снесарева на сцене военного собрания состоялось 14 ноября 1900 г. «Баркаролла» Габусси дуэтом Л. Н. Лейсек¹³⁰ и А. Е. Снесарева и соло Снесарева «Вечерняя звезда» из оперы Вагнера «Тангейзер». Концерт имел большой успех у ташкентской публики¹³¹.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ ТВ, 1899, № 90.

¹³⁰ Людмила Николаевна Лейсек, родственница В. В. Лейсека, дирижера и директора музыкального общества «Лиры». Снесарев и Людмила Лейсек часто совместно выступали на сцене. Лейсек вышла замуж за поручика 1-й Туркестанской артиллерийской бригады А. Н. Ковалевского, который позже закончил Императорскую Николаевскую военную академию (1910).

Следующее выступление состоялось в начале января 1901 г. В письме к сестре он сообщал: «2 января выступаю в концерте: пою с одним тенором дуэт в имитации Славянскому [капелле Славянского]»¹³². Вокально-музыкальный вечер состоялся в Ташкентском военном собрании и был организован Обществом попечения о неимущих больных Ташкентского военного госпиталя. Сбор от вырученных средств предназначался для организации летом 1901 г. отдыха в Чимгане (горный курорт близ Ташкента) неимущих больных. Вечер состоял из трех отделений, Снесарев выступил в музыкально-вокальном отделении¹³³.

В письме к сестре он делится впечатлениями от прошедшего выступления: «В концерте я пропел дуэт с одним тенором и выступил, что бы выручить организацию дела... Вещичка маленькая “Хаз-Булат удалой, ...”. Я замаскировался так, что меня не узнали некоторые... Все-таки газета упомянула, что в “концерте принял так же участие г-н Снесарев, хорошо знакомый Ташкенту”. Впечатление произвел, ибо выгодно выделялся фразировкой и силой, рядом с неопытным и слабым тенором. Просят 21 февраля участвовать на празднестве в честь Гоголя; буду, вероятно, петь черта в опере «Вакула-кузнец» с недурным меццо-сопрано. Скоро также выступаю в концерте, думаю петь пролог к “Паяцам”. Голос мой почему-то поднялся и теперь беру без труда соль и даже соль # [диез]»¹³⁴.

Ташкентское Пушкинское общество 25 апреля 1902 г. в городском летнем театре провело торжественное чествование памяти В. А. Жуковского. Ташкентская пресса сообщала о событии: «Был представлен разнообразный дивертисмент, исполненный любителями. <...> капитан А. Е. Снесарев спел балладу “Лесной царь”, на bis – “Ночной смотр”»¹³⁵. На вечере присутствовали туркестанский генерал-губернатор с супругой.

Пел Снесарев и в узком офицерском кругу. 16 марта 1902 г. офицеры штаба округа собрались в военном собрании на проводы Генерального штаба подполковника А. А. фон Таубе, заведующего передвижением войск по железнодорожным и водным путям, получившего новое служебное назначение. Товарищеский вечер, как отмечала местная пресса, «прошел весело и непринужденно, чему во многом способствовало прекрасное пение присутствовавшего здесь г. С[несарева]»¹³⁶.

Командировка на Памир в 1902–1903 гг. временно прервала его занятия вокалом. По возвращению в Ташкент он снова принимает участие в благотворительных концертах. Эта деятельность стала особенно активна с началом русско-японской войны. В середине апреля 1904 г. в военном собрании состоялся благотворительный концерт в пользу участников войны. На концерте Снесарев исполнил песню «Крейсер Варяг» на музыку, написанную А. Б. Виленским¹³⁷. Другое его выступление состоялось 23–25 апреля на благотворительном народном гулянье в Ташкенте¹³⁸.

В холостые годы Снесарев был очень разборчив в отношении участия в различных праздниках. Новый год, он по обыкновению, старался встречать дома в одиночестве. Новый год был для него хорошим поводом побыть наедине с собой, осмыслить год ушедший, наметить планы на будущий. В письме к сестре он сообщал: «Ташкент сейчас веселится, все съехались в

С началом Гражданской войны под влиянием Снесарева он примкнул к большевикам, занимал ответственные посты в штабе Северо-Кавказского военного округа и Южного фронта, арестован органами ЧК по обвинению в измене и без суда расстрелян (ноябрь 1918 г.).

¹³¹ ТВ, 1900, № 93.

¹³² АСС ПСК, 31 декабря 1901 г.

¹³³ ТВ, 1901, № 8.

¹³⁴ АСС ПСК, 13 февраля 1902 г.

¹³⁵ ТВ, 1902, № 34.

¹³⁶ Там же, № 23.

¹³⁷ ТВ, 1904, № 60.

¹³⁸ Там же, № 63.

военное собрание и будут стараться встречать Новый год бестолковым образом... Никогда не принимал участия и надеюсь не принимать в будущем»¹³⁹. Следующий праздник Нового года Снесарев также проводит в одиночестве: «Подходит Новый год, и мне хочется побеседовать. Товарищ мой ушел в военное собрание “встречать Новый год”, я, по обыкновению, встречаю по-своему... Сажу дома, предаюсь воспоминаниям и чувствую себя не то несколько грустно, не то, скорее, мечтательно»¹⁴⁰.

Был и другой праздник, который он по возможности старался не пропускать, – праздник штаба Туркестанского военного округа. Праздник установлен в день памяти Св. Виктора¹⁴¹ и отмечался 11 ноября. В этот день в Ташкентском военном собрании накрывались столы для офицеров, проходивших службу в штабах округа и I-го Туркестанского армейского корпуса. В столовой для нижних чинов штаба (писаря, телеграфисты, чертежники и др.) также накрывались столы. Столовая украшалась национальными флагами и цветами. В день праздника командующий войсками в первую очередь посещал в столовой нижних чинов, принимал «пробу» пищи и поднимал чарку за здоровье Государя императора. После этого нижние чины приступали к праздничному обеду. Затем командующий посещал завтрак для офицеров штаба в помещении военного собрания¹⁴².

Известно, что А. Е. Снесарев 12 января 1902 г. принял участие в вечеринке «Татьянин день», регулярно отмечавшейся всеми выпускниками Московского университета. Председательствовали на вечеринке врач Н. Н. Касьянов, старший из выпускников (вып. 1854 г.), и директор Ташкентской женской гимназии В. Ф. Ошанин (вып. 1865 г.), последний, как и Снесарев, закончил физико-математический факультет университета. Был сделан отчет о «Татьяне» и прочтены стихи, специально написанные по случаю 147-й годовщины открытия Московского университета. Бывшие студенты вспоминали учебу в университете, делились впечатлениями о прошлой жизни, пели хором *Gaudeamus*¹⁴³, а в конце пустили по кругу традиционную студенческую фуражку в пользу малоимущих студентов¹⁴⁴.

В период службы в Ташкенте Снесареву пришлось заняться и военно-педагогической деятельностью. Это был его первый опыт подобной работы, к которой он снова вернется, но уже значительно позже. Как мы уже отмечали выше, в Ташкенте перед самым приездом Снесарева была открыта Ташкентская подготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса. Школа была рассчитана на 100 «казеннокоштных интернов» и предназначалась к приему детей офицеров и военных чиновников с целью их подготовки для последующего поступления во 2-й Оренбургский кадетский корпус, как ближайший к Туркестану. Для строительства школы было выбрано место за каналом Саларом на территории казачьего лагеря. 24 октября 1899 г. состоялась торжественная церемония закладки первого в крае военно-учебного заведения. Проект двухэтажного здания из жженого кирпича составил инженер-полковник К. Е. Коревицкий¹⁴⁵. В июле 1901 г. школа перешла в новое красивое здание. Вскоре последовало Высочайшее соизволение (4 декабря 1901 г.) на преобразование подготовительной школы в Ташкентский кадетский корпус.

Известно также о том, что в этот же период Снесарев преподавал математику в Ташкентском ремесленном училище. Об этом малоизвестном факте содержится упоминание в

¹³⁹ АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Мученик Виктор Дамасский – раннехристианский святой, почитаемый как мученик. Память совершается в Православной церкви 11 ноября.

¹⁴² ТВ, 1902, № 91.

¹⁴³ Старинный студенческий гимн, первый русский текст которого создал профессор Московского университета математик Н. В. Бугаев.

¹⁴⁴ ТВ, 1902, № 6.

¹⁴⁵ ТВ, 1899, № 84.

докладной записке начальника штаба Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант В. В. Сахаров отмечал: «<...> имея необходимость прийти на помощь Ташкентскому ремесленному училищу, где не было учителя математики, мною было предложено капитану Снесареву, как кандидату математического факультета, даже против его желания, давать уроки математики в означенном учебном заведении, что неизбежно должно было отнимать у сего офицера значительную часть времени»¹⁴⁶.

Приказом начальника штаба Туркестанского военного округа по Ташкентской приготовительной школе А. Е. Снесарев с разрешения командующего войсками округа сверх своих служебных обязанностей был назначен преподавателем арифметики на 1900–1901 учебный год. Это необычное назначение было связано с дефицитом в Ташкенте учителей математики, а также с невысоким жалованием, что отпугивало потенциальных кандидатов на должность. Снесареву пришлось фактически взяться за организацию процесса обучения: составить учебную программу по курсу, определить наиболее важные темы. В этот период в военной печати как раз шла оживленная дискуссия по вопросу учебных программ кадетских корпусов, немало внимания уделялось и пересмотру учебной программы по математике, которую большинство участников дискуссии находили чрезвычайно перегруженной¹⁴⁷. Преподавание арифметики Снесарев вел до назначения в школу штатного преподавателя математики подполковника Н. И. Габина-Шахровского.

В Ташкенте внеслужебная деятельность Снесарева была тесным образом связана с Ташкентским военным собранием, в котором он часто выступал на благотворительных концертах, читал лекции и делал доклады на военные темы. Эти доклады будут более подробно рассмотрены чуть ниже. Организованные с целью сплочения офицерской семьи и для культурных и просветительских целей военные собрания играли исключительно важную роль в жизни офицерского общества. Военные собрания делились на полковые и гарнизонные, последние предназначались для нескольких воинских частей, дислоцированных в пределах одного гарнизона. Крупные военные собрания, к числу которых относилось и Ташкентское, представляли собой красивые каменные здания, расположенные в наиболее престижных районах городов. В каждом крупном военном собрании имелись сцена для любительских спектаклей, столовые залы, фехтовальный зал, карточная и билиардная комнаты. Центральной частью военного собрания являлась библиотека, книжные и журнальные коллекции могли достигать нескольких тысяч томов. Библиотека военного собрания управлялась специальным библиотечным комитетом, в который выбирались представители от всех родов оружия и управлений военного округа. В период службы Снесарева в Ташкенте библиотека военного собрания уже не отвечала возросшим требованиям к качеству книжного и журнального фондов, небольшим было и помещение библиотеки¹⁴⁸.

В военном собрании для самообразования офицеров приглашались учителя пения, музыки, танцев, живописи и иностранных языков. Для офицеров, военных чиновников и членов их семей организовывались товарищеские и семейные обеды и ужины, благотворительные вечера и концерты, военно-научные занятия. Каждое военное собрание имело выборное самоуправление, старшие командиры лишь утверждали состав самоуправления и его председателя («хозяина собрания»). Бюджет военных собраний формировался из личных взносов офицеров (в несколько рублей), на которые они имели право провести время в хорошей обстановке, пользоваться библиотекой, пригласить своих знакомых и пр. Устраивались вечера с чаем, ино-

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 92 об. Отношение начальника штаба Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 14 декабря 1901 г.

¹⁴⁷ РИ, 1901, № 92.

¹⁴⁸ В. Р-в. Библиотека и читальня Ташкентского военного собрания. ТВ, 1902, № 94.

гда общий ужин офицеров-членов военного собрания. Имелся также буфет, где продавались спиртные напитки и разнообразные закуски.

В период службы Снесарева в Ташкенте в армейской прессе широко обсуждались вопросы о назревшей реформе в деятельности военных собраний, об усилении их роли в сплочении офицерской семьи, подвергались критике отдельные стороны постановки этого дела в войсках. О существовавших в те годы проблемах свидетельствует фрагмент одной статьи из военной печати: «В иных собраниях непременно хотят блеснуть сервировкой и общим ужином с винами и рябчиками или даже фазанами со вставными хвостами, причем, распорядители, точно художники, гордятся созданной ими обстановкой. Ужин, решенный собранием в 4 руб., с пересмотром обходится в 5–6 рублей. Хочешь – не хочешь, – плати, а если не пьешь, то о вине и не беспокойся: его выпьют за твой счет любители до последней капли, да еще будут подтрунивать над твоей наивностью. Они-то и хлопочут об устройстве общих обедов и ужинов с винами, имея в перспективе общую выпивку»¹⁴⁹.

В войсках начальники смотрели на военные собрания по-разному, не всегда считая их источником культуры, просвещения и здорового отдыха. Имелись порой и взгляды весьма оригинальные. В армейской прессе того времени можно было встретить картинки, что называется, из жизни: «Один командир зачисляет всех поступающих в полк офицеров в те роты, которые стоят вдали от собрания, и на вопрос: зачем он это делает, отвечает: “просто невозможно ничего поделывать – в прошлом году два прекрасных офицера до того спились в собрании, что один из них со скандалом оставляет полк, а другой лежит в госпитале, докутился до сифилиса”»¹⁵⁰. Речь, разумеется, идет о полковом офицерском собрании, но проблемы с выпивкой существовали и в более крупных собраниях, что не раз становилось темой для обсуждения в военной печати.

Служба А. Е. Снесарева в Ташкенте была неразрывно связана с деятельностью Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ТО ИРГО). Впервые идея учредить в Туркестанском крае научный орган, который бы приводил в стройную систему и научно обосновывал географический материал, появившийся при изучении Средней Азии, возникла у первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана. В конце 1895 г. туркестанский генерал-губернатор барон А. Б. Вревский ходатайствовал перед Советом ИРГО об открытии в Ташкенте отдельного филиала Общества. 20 мая 1896 г. состоялось Высочайшее повеление разрешить ИРГО открыть в своем составе новый отдел в г. Ташкенте под наименованием Туркестанского. Первое заседание вновь учрежденного отдела состоялось 28 февраля 1897 г.

С самого начала существования отдела военные занимали видное место в его руководстве и составляли значительную часть рядовых членов. По состоянию на 1 июня 1898 г., из 74 действующих членов отдела офицеры и чиновники военного ведомства составляли 42 чел.¹⁵¹. В 1901 г. председателем Туркестанского отдела состоял начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор В. В. Сахаров. Из шести членов правления трое являлись офицерами штаба округа: генерал-майор Д. Д. Геденов (начальник Туркестанского ВТО), полковник Н. Н. Юденич (штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады), полковник Г. Е. Родионов (начальник съемочного отделения Туркестанского ВТО).

Сфера служебной и научной деятельности Снесарева во многом была связана с географической наукой. Неудивительно поэтому, что у него возникло естественное желание стать сотрудником специализированного научного общества, ставившего целью изучение географии

¹⁴⁹ Бутовский Н. Офицерские собрания, как воспитательный элемент. РИ, 1901, № 47.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Подсчитано на основе сведений из издания: Состав Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества к 1 июня 1898 года. Ташкент, 1898. С. VII–XII.

Туркестана и сопредельных стран Центральной Азии. 8 января 1901 г. на общем собрании членов Туркестанского отдела ИРГО А. Е. Снесарева избрали в действительные члены. Рекомендацию для избрания представили Генерального штаба подполковник М. В. Грулев (председатель редакционного комитета отдела) и Н. Г. Маллицкий (преподаватель Ташкентской мужской гимназии). В один день со Снесаревым в действительные члены отдела были приняты два других видных военных востоковеда – штабс-ротмистр Д. Н. Логофет и капитан И. Д. Ягелло. Собственно, еще до избрания в действительные члены Снесарев уже сотрудничал с отделом. В письме к сестре он писал: «Меня давит ...ограниченность часов: я занят целый день, и, между тем, 3 работ никак не могу начать, не говоря про свои обещания перед Географическим Обществом, газетой и т. д., которые я никак не могу выполнить»¹⁵².

Туркестанский отдел в те годы представлял собой что-то вроде элитного клуба, быть членом которого считалось для военных весьма почетно и престижно. Это во многом обуславливалось тем обстоятельством, что председателем отдела традиционно являлся начальник штаба Туркестанского военного округа. Заседания отдела часто посещал командующий войсками округа, его помощник, другие высокопоставленные генералы. Отдел имел высокую репутацию среди офицеров Генерального штаба округа, многие из которых выступали в отделе с различными докладами, лекциями и сообщениями. Для многих сотрудников отдел предоставлял уникальную возможность поделиться результатами рекогносцировок и полевых поездок по удаленным частям Туркестанского края. Часто эти сообщения публиковались как в «Известиях Туркестанского отдела ИРГО», так и в местной туркестанской прессе. Отдел нередко обращался к офицерам Генерального штаба, предназначенным к длительным зарубежным командировкам, с просьбой собрать разнообразные научные сведения. Иногда для этого отдел составлял специальные программы исследований, как это было в случае с Генерального штаба капитаном Л. Г. Корниловым, командированным в Кашгар.

Дебют Снесарева, как докладчика, состоялся 28 февраля 1902 г. на годичном общем собрании отдела, проходившем в помещении Туркестанского ВТО. Снесарев сделал сообщение – «Памиры в средние века и великий памирский путь». Этот доклад им обстоятельно готовился с привлечением разнообразных источников, освещавших физическую и историческую географию Памира. При работе над докладом Снесарев, учитывая важность своего первого выступления в отделе, прибегает к новому методу в работе над научным материалом – к консультации с ведущими специалистами, в том числе и зарубежными. В то время на переписку офицеров с заграничными респондентами начальство смотрело сквозь пальцы. В письме к сестре, он, в частности, указывал: «Писал письма некоторым ученым (в Берлин, СПб) и глубоко тронут их отзывчивостью на мои сочинения и вопросы... Эта любовь к истине, к науке просто трогательна. Например, Гартман¹⁵³, профессор арабского языка в Берлине, кроме милого письма обещал прислать большую справку. Бартольд – профессор СПб университета уже прислал таковую... И все это сейчас же, да так все ласково...»¹⁵⁴.

В докладе Снесарев очертил основной круг исторических источников о Памире, содержащихся в трудах арабских географов, буддийских миссионеров и европейских путешественников. Он высказал мысль о существовании еще в древние времена большого караванного пути, соединявшего не только бассейны Амударьи и Тарима, но и Запад с Востоком вообще. Относительно маршрута этого пути он высказал предположение, что тот проходил из Восточного Туркестана через Большой Памир в Шугнан. Бартольд же высказал мнение, что с Памира путь вероятнее всего шел в Вахан.

¹⁵² АСС ПСК, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

¹⁵³ Мартин Хартманн (Hartmann, 1851–1918) – профессор арабского языка, до Первой мировой войны – один из ведущих европейских арабистов.

¹⁵⁴ АСС ПСК, 13 февраля 1902 г., г. Ташкент.

Как следует из протокола заседания отдела, «доклад А. Е. Снесарева был заслушан присутствующими с большим интересом и вниманием. Розданные всем слушателям схематические карты Памира (работы подполковника Г. Е. Родионова) и проспекты сообщения помогали слушателям ориентироваться в этом сложном историко-географическом вопросе». ¹⁵⁵

В апреле 1903 г. А. Е. Снесарев был избран в состав Редакционного комитета ТО ИРГО¹⁵⁶. Комитет состоял из председателя и четырех членов, избравшихся сроком на два года. В его задачи входило наблюдение за подбором статей в «Известиях ТО ИРГО», их редактирование и переписка с авторами¹⁵⁷.

Второй доклад А. Е. Снесарева состоялся на заседании отдела 23 января 1904 г. Доклад назывался «Религия и обычаи горцев Западного Памира»¹⁵⁸ и был основан преимущественно на личных впечатлениях и наблюдениях Снесарева в период командования Памирским отрядом. Эта специфика находит свое отражение в том факте, что в тексте доклада Снесарев в несвойственной ему манере редко ссылается на работы других авторов, посвященных Памиру и его обитателям. В известной мере работа расширяет тему физической географии и этнографии Памира, которую он довольно основательно наметил в служебной записке «О Памирах» (1901). Работа расширяет тему, получившую освещение в трудах его предшественников, – Д. В. Путяты, Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Л. Громбчевского, Н. Элайаса и др.

Снесарев в работе дает общую физико-географическую характеристику Восточного и Западного Памира, указывает на их различия и на те естественно-природные условия, которые обусловили жизнь двух основных этнических памирских групп – таджиков и киргизов. Основное внимание Снесарев уделил таджикам Памира, среди которых провел более года и имел уникальную возможность наблюдать многие скрытые от глаз европейцев стороны их социальной и бытовой жизни. Этнографические зарисовки представлены в докладе в живой и интересной манере. Снесарев был одним из первых исследователей, которые обогатили науку сведениями о памирских исмаилитах, об особенностях их религиозной и бытовой жизни, ареале расселения, традициях и обычаях. Снесарев также выступил с инициативой организовать научную экспедицию с участием и на средства Туркестанского отдела ИРГО для изучения Болора¹⁵⁹. Доклад Снесарева на столь интересную тему вызвал живой интерес в ташкентском научном сообществе.

Следующий доклад А. Е. Снесарева в Туркестанском отделе ИРГО состоялся 3 марта 1904 г. в присутствии командующего войсками округа генерал-лейтенанта Н. А. Иванова. Темой доклада стал Болор (современное название – Болор-таг), гигантский хребет меридионального направления, протянувшийся вдоль Восточного Памира от Кунь-Луня на юге до Заалайского хребта на севере. Хребет посетил в свое время Марко Поло, который и дал ему название. Изучению этого хребта придавал большое значение известный немецкий географ А. Гумбольдт. Снесарев дал физико-географические характеристики хребта и указал, что он служит и этнографической границей, разделяя киргизское (на востоке) и таджикское (на западе) население. Доклад был встречен слушателями с большим интересом, после окончания заседания отдела командующий войсками имел беседу со Снесаревым по теме доклада¹⁶⁰.

Примечательно, что так удачно и многообещающе начавшаяся деятельность А. Е. Снесарева в региональном отделе ИРГО не получила своего дальнейшего развития в период службы в Петербурге. Он по какой-то причине не стал вступать в действительные члены ИРГО и дистан-

¹⁵⁵ См.: Протокол № 1 годового общего заседания, 28 февраля 1902 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. Ташкент, 1907. С. 90.

¹⁵⁶ Протокол № 2 заседания Правления 19 апреля 1903 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. Ташкент, 1907. С. 131.

¹⁵⁷ ЦГАРУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 96. Дополнение к § 7 Положения о Туркестанском отделе Императорского Русского географического общества.

¹⁵⁸ Текст доклада опубликован в газете «Туркестанские ведомости», 1904, № 89–93.

¹⁵⁹ ТВ, 1904, № 29.

¹⁶⁰ Протокол № 1 общего годового собрания 3 марта 1904 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. С. 139.

цировался от его деятельности. Вполне возможно, что частично это было связано с общей тенденцией того времени – географическое общество в целом, господствующие в нем научные интересы и сферы исследований становились все менее популярными среди русского офицерства. Приток офицеров в общество резко сократился на рубеже XIX–XX вв.¹⁶¹ Это положение существенно отличалось от ситуации 1870–80-х гг., когда наплыв военных в престижное общество, находившееся под покровительством императорской семьи, был особенно высок.¹⁶²

В описываемый период сфера интеллектуальных интересов А. Е. Снесарева предстает достаточно устоявшейся. В круг этих интересов входят преимущественно история Востока (военная и политическая), география, страноведение и этнология. В период жизни в Ташкенте он остался совершенно равнодушным к собиранию древностей, темы довольно популярной в туркестанской армейской среде. По этой причине он не принял участия в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии.

В 1900 г. в Петербурге образовано Общество востоковедения, которое действовало под эгидой Министерства финансов и ставило своей задачей «распространение среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомление русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока, содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей как в пределах России, так и вне ее».¹⁶³ Общество создало по всей России несколько региональных отделений. В октябре 1900 г. председатель Общества востоковедения генерал Н. Шведов обратился к туркестанскому генерал-губернатору с предложением открыть в Ташкенте отделение общества – «ввиду значения Ташкента, как центра наших среднеазиатских владений, служащего проводником русской культуры не только среди многомиллионного населения Средней Азии, но и сопредельных с ней областей Афганистана и Китая».¹⁶⁴ Предложение Шведова было положительно рассмотрено новым туркестанским генерал-губернатором Н. А. Ивановым. 14 апреля 1901 г. в Ташкенте открылось Ташкентское отделение Общества востоковедения.

Ташкентское отделение Общества действовало до 1905 г. и приостановило свою деятельность в связи с событиями первой русской революции. В 1907 г. отделение намеревалось возобновить свою деятельность, но встретило отрицательное отношение со стороны генерал-губернатора Н. И. Гродекова. В состав отделения входили преимущественно офицеры туркестанских войск, чиновники различных ведомств и небольшое число коммерсантов. Основная деятельность отделения свелась к организации курсов русского языка для местного населения и курсов персидского и тюркского языков для офицеров и чиновников туркестанской администрации. Отделение готовило проекты устройства в Ташкенте коммерческого училища, специализированного востоковедного института, введения преподавания русского языка в медресе и т. д.¹⁶⁵

Появление в Ташкенте востоковедного общества имело важное значение для развития туркестанского востоковедения. По природе своих занятий оно неизбежно должно было привлечь внимание А. Е. Снесарева. Однако по неизвестной нам причине этого не произошло. В то же время, в период службы в Петербурге он являлся активным сотрудником Общества востоковедения, возглавляя его Среднеазиатский отдел. Оставляя в стороне общую здравую мысль,

¹⁶¹ В этом можно убедиться, ознакомившись с протоколами о приеме новых членов в состав ИРГО, опубликованными в годовых «Отчетах ИРГО» за период 1900–1914 гг.

¹⁶² Этот вопрос – эволюция связей ИРГО с армейской средой и изменение взглядов русского офицерства на географическое общество и географические исследования, представляет одну из весьма интересных тем, требующих дальнейшего изучения.

¹⁶³ ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 3. Общество востоковедения. Цель его учреждения. Организация. Развитие деятельности.

¹⁶⁴ Там же. Л. 1. Письмо председателя Общества востоковедения туркестанскому генерал-губернатору, 18 октября 1900 г.

¹⁶⁵ См.: ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–10. Докладная записка председателя Ташкентского отделения Общества востоковедения туркестанскому генерал-губернатору, 14 сентября 1909 г.

что Снесарев не обязан был быть участником всех ташкентских научных обществ, попытаемся ответить на вопрос о возможных причинах его дистанцирования от столь, казалось бы, привлекательного для него востоковедного проекта. Прежде всего, следует иметь в виду большую служебную занятость Снесарева весной 1901 г. Он только что вернулся из служебной командировки по Средней Азии, готовился к поездке на Памир и имел «на плечах» несколько плановых печатных работ. По возвращению из командировки на Памир он совершил поездку в Лондон, откуда вернулся только во второй половине декабря 1901 г.

Кроме служебной занятости, могла быть еще одна причина, которая, скорее, имела личные мотивы. Дело в том, что в Ташкенте Снесарев столкнулся с корпорацией дипломированных военных востоковедов, основу которой составляли выпускники петербургских офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД и Ташкентской офицерской школы восточных языков. Эта корпорация была достаточно широко представлена в военном-народном управлении Туркестанского края, в центральных управлениях и штабе Туркестанского военного округа. Эту группу военных востоковедов – «туркестанских восточников» (как они себя именовали), объединял общий корпоративный дух, интересы службы и своего рода «патент» на вопросы разведки, страноведения и вообще знания стран Востока. Наиболее яркими представителями этой корпорации в Ташкенте являлись генерал-майор М. А. Терентьев, полковник А. И. Гиппиус, капитаны С. А. Геппенер, А. А. Ломакин, И. Д. Ягелло и А. И. Выгорницкий. Всего к моменту приезда Снесарева в Туркестан в одном только Ташкенте таких офицеров насчитывалось семь человек, в последующие годы их число непрерывно увеличивалось. До 1900 г. негласным руководителем этой корпорации являлся генерал-майор М. А. Терентьев, видный историк завоевания Средней Азии и среднеазиатского вопроса, известный военный востоковед¹⁶⁶. С его отъездом из края эту роль принял на себя И. Д. Ягелло, заведующий Ташкентской офицерской школой восточных языков.

Предположительно, с самого начала у Снесарева, получившего известность в Ташкенте благодаря поездке в Индию и печатным работам по Востоку, не сложились отношения с представителями этой корпорации. Во многих вопросах они даже могли составлять конкуренцию друг другу. Капитан И. Д. Ягелло, сменивший Снесарева на посту редактора «Сборника сведений», к примеру, полностью изменил редакционную политику, устоявшуюся при Грулеве и Снесареве. При нем в качестве авторов сборника стали больше привлекаться офицеры-восточники, преимущественно выпускники Ташкентской офицерской школы восточных языков.

Возвращаясь к теме Ташкентского отделения Общества востоковедения, отметим, что основные руководящие органы в нем оказались заняты как раз «туркестанскими восточниками». При организации отделения в правление сразу вошли С. А. Геппенер (секретарь) и И. Д. Ягелло. Ввиду частых отъездов С. А. Геппенера, исполнявшего должность старшего штаб-офицера при туркестанском генерал-губернаторе, роль секретаря (ключевой должности при решении текущих вопросов) фактически перешла к И. Д. Ягелло. Такое положение дел могло сказаться на определении Снесаревым позиции в отношении участия в работе отделения. Кроме того, «лингвистический» уклон в работе отделения – создание разнообразных языковых курсов и издание языковых пособий, оставлял мало простора для более широких интересов Снесарева.

В среде офицеров Генерального штаба того времени, особенно среди недавно окончивших академию, часто обсуждался вопрос о самообразовании. В военной печати высказывались различные точки зрения по этому вопросу, велись дискуссии. Одни считали, что академия давала настолько фундаментальные знания, что их следовало только укреплять практикой и службой в строю. Другие, наоборот, считали, что образование, полученное в академии, может служить лишь солидной основой для последующего увеличения знаний по различным отрас-

¹⁶⁶ См.: [Товарищеский ужин офицеров-восточников в Ташкенте] // ТВ, 1899, № 13.

лям военного дела. Однако армейская действительность вступала в явное противоречие с благими мечтами, и дело самообразования очень часто оказывалась под гнетом армейской и жизненной рутины. Весьма интересен в этом отношении рассказ офицера Генерального штаба примерно одного года выпуска с Снесаревым.

«Вернувшись в Н-ск, – делился своей историей офицер, – я все свободное от занятий в штабе время стал посвящать моему практическому самообразованию. С разрешения подлежащего начальства я ездил на паровозах и пароходах, учась ими управлять. Я участвовал с войсками в их специальных и общих занятиях, в стрельбах пехоты и артиллерии, в полевой езде и различных «охотах» кавалерии.... Я близко ознакомился с делами: телеграфным, минным, саперным, понтонным, железнодорожным, воздухоплавательным, голубиным¹⁶⁷... Я засел за основательное изучение немецкого, французского, венгерского и польского языков, я стал выписывать и читать иностранные газеты. Короче, я не только не упускал, но и выискивал случаи ознакомиться со всякою житейскою мелочью, имеющей хоть какое-нибудь отношение к военному делу. <...> Я находил отраду в достигаемых мною результатах и хотел лишь полной неограниченной свободы своих действий, отсутствия каких бы то ни было стеснений, цепей, оков... Но... Это “но” я встречал всегда у себя дома. Я скоро увидел опять заплаканные глаза жены и услышал сжимавшие мне сердце упреки. Потом появилась на свет Божий Ниночка. Страдания жены, крик ребенка, присутствие посторонних в нашей маленькой бедной квартирке, позже война с прислугой, стеснение в средствах, и наряду со всем этим, угрызения совести, что я не работаю, что я для службы теряю даром свое время и не только не прогрессирую, а скорее наоборот (ибо в смысле знаний, кто не идет вперед, тот непременно подается назад), все это производило в моей душе настоящий ад. Я сделался нервным, раздражительным, злым. Мне вспомнились рассказы о некоторых академических товарищах, проходивших весь курс в такой обстановке, и я готов был рыдать за них, готов был с благоговением преклониться перед силою воли тех, кто все-таки сломил это жестокое сопротивление судьбы, становившейся поперек дороги. Я скорбел о том, сколько лучших сил пропало таким образом ни за что, ни про что, скольких прекрасных офицеров Генерального штаба лишилась наша армия только потому, что у нас не установлено, как за границей, закона *принимать в академию только холостых* (курсив в тексте. – М. Б.)...»¹⁶⁸.

Мы преднамеренно дали столь развернутое цитирование, чтобы читатель мог наглядно представить себе картину послеакадемических проблем офицеров Генерального штаба, трудностей, связанных с их дальнейшим самообразованием и развитием. Однако важен этот отрывок и в том отношении, что высвечивает еще одно преимущество Снесарева перед сверстниками в штабе Туркестанского военного округа – положение неженатого человека. Он мог позволить себе роскошь самообразования, развития своих наклонностей и талантов. В этом, правда, был и большой минус – неустроенность быта и одиночество, но этим по тем временам «пустякам» он противопоставил спартанский быт, литературную деятельность, светскую жизнь и путешествия.

Снесарев занимался самосовершенствованием и самообразованием по намеченной им программе. Каждый год он определял основные итоги выполнения этой программы, и каждому году своей жизни давал определенную характеристику-оценку: «поворотный год» (1900 г.), «год влияющий» (1901 г.).

Дискуссии о самообразовании, о которых мы упоминали выше, не обошли стороной и такой больной вопрос, как знание офицерами Генерального штаба иностранных языков. Часто офицеры, выпустившись из академии с высокими баллами по немецкому и французскому языкам, считали себя непререкаемыми авторитетами в иностранных языках. Жизнь быстро опро-

¹⁶⁷ Имеется в виду военно-голубиная почта, один из видов связи, существовавший в то время в русской армии.

¹⁶⁸ Нис-Ро. Терзания идеалиста // РИ, 1901, № 253.

вергала подобные заблуждения. Как пример приведем рассказ офицера Генерального штаба, недавно выпустившегося из академии, о поездке за границу.

«Я решил провести академический отпуск¹⁶⁹ за границей, – вспоминал офицер, – будучи глубоко убежден в необходимости и пользе такого путешествия для офицера Генерального штаба. <...> Следует искренне пожалеть, что у нас не практикуется посылка офицеров Генерального штаба за границу, специально для изучения немецкого языка, как это делают германцы и австрийцы, разумеется, с разрешения нашего правительства, направляя по несколько офицеров в Россию. Я слышал, что австрийские офицеры живут по два года в Казани. <...> По наивности своей я вообразил, что если, получив на вступительном в академию экзамене из немецкого и французского языков по 9 баллов, я был освобожден от занятий в течение курса, то я вполне достаточно знаю эти языки, чтобы ехать за границу без специальной подготовки. Мне ребячески казалось, что как только я вступлю на немецкую почву, так сейчас и заговорю как настоящий немец, а “туземцы” будут только руками разводить да удивляться, как это иностранец (9-ти бальный!)¹⁷⁰ так хорошо владеет их языком... <...> Однако, по вступлении моем на немецкую почву случилось как раз обратное. В своих знаниях немецкого языка мне пришлось разочароваться, как только поезд оставил Александров¹⁷¹, и я услышал в соседнем купе немецкий разговор, из которого не понял ни слова. При осмотре багажа в Торне я пережил немало неприятных минут. Когда же в дороге я заговорил относительно какой-то станции с кондуктором, и он, с трудом поняв меня, скорее по жестам, чем по словам, ответил мне мимикой, я был сражен окончательно»¹⁷².

Поездки в Индию и Лондон наглядно продемонстрировали Снесареву необходимость совершенствования знаний в иностранных языках. Служба на Востоке и занятие разведкой естественным образом ставили вопрос о необходимости изучать восточные языки. В ташкентский период Снесарев предпринял попытку изучения тюркского языка и даже занимался с преподавателем из местных жителей. В письме к сестре он сообщал: «<...> с моим тюркским языком дело идет хорошо, и я начинаю побалтывать с туземцами, что мне доставляет большое удовольствие. Ты и представить себе не можешь, как природа языка, его оборотов, форма письма... оригинальны, самобытны, интересны... Если месяца через 2–3 настолько одолею, что дело будет лишь за практикой, то, может быть попробую и персидский язык»¹⁷³. Тюркский язык (скорее всего, киргизский) Снесарев продолжал совершенствовать в период командировки на Памир.

В Ташкенте у офицеров Генерального штаба существовала хорошая возможность изучения восточных языков, как самостоятельно, так и на специальных языковых курсах. Так, например, капитан Л. Г. Корнилов самостоятельно занимался изучением восточных языков и брал уроки персидского у одного из репетиторов в Ташкенте. Об этом говорится и в одном из документов, относящихся к периоду подготовки его к поездке в Персию: «За трехлетнюю службу свою в округе подполковник Корнилов основательно и практически изучил кроме тюркского языка и персидский язык, что без сомнения сильно облегчит ему работу в предстоящей командировке <...>»¹⁷⁴.

В Ташкенте существовала Ташкентская офицерская школа восточных языков, пользовавшаяся популярностью у офицеров округа, в том числе и Генерального штаба. Офицеры

¹⁶⁹ Отпуск, полагавшийся по выпуску из академии.

¹⁷⁰ Довольно низкий балл по иностранному языку.

¹⁷¹ Русский пограничный железнодорожный переход на территории Польши.

¹⁷² Нис-Ро. Терзания идеалиста. РИ, 1901, № 250.

¹⁷³ АСС ПСК, 26 марта 1902 г.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1602. Л. 42. Командующий войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 24 июня 1902 г.

Генерального штаба имели право поступать в школу вне конкурса и без предварительного отбора с сохранением занимаемой должности.

Свои услуги офицерам предлагали и частные курсы восточных языков, действовавшие в Ташкенте. В 1903 г. состоявший для поручений при туркестанском генерал-губернаторе капитан А. А. Ломакин, выпускник офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД, открыл в Ташкенте частные курсы персидского и сартовского языков. На курсах в первый год их существования числилось 19 человек, среди которых было несколько офицеров Туркестанского ВТО, слушателей Ташкентской офицерской школы восточных языков, чиновников, коммерсантов, железнодорожных служащих и студентов¹⁷⁵.

Несмотря на наличие таких возможностей Снесарев не предпринял попытки использовать их для изучения восточных языков. В то же время, знание языка урду, несомненно, могло бы помочь ему в изучении Афганистана и Индии. Персидский язык, который полковник И. Д. Ягелло называл «французским Среднего Востока», также представлял несомненный интерес для Снесарева, и он даже подумывал обратиться к его изучению. Представляется, что основная причина, по которой он не стал серьезно заниматься изучением восточных языков (за исключением тюркского), была большая служебная занятость. Кроме того, зрелый возраст Снесарева также не способствовал изучению восточных языков.

В литературе часто встречаются упоминания о знании Снесаревым большого числа иностранных языков, назывались при этом разные цифры. Сам Снесарев, к примеру, говорил о владении 11–14 иностранными языками. Что касается сведений о количестве языков, которыми владел Снесарев, которые имели хождение в кругу семьи Снесаревых, то эти сведения ненадежные по понятным нам обстоятельствам. В любой семье при наличии одного из членов, как личности, получившей историческое освещение, часто складывается легенда, происходит неизбежная «семейная ретушь» образа. Это вполне естественно и объяснимо, но часто ведет к искажению исторической действительности, иногда значительному. По этой причине к сообщениям членов семьи о знании Снесаревым большого числа иностранных языков (10 и более) мы должны относиться с вниманием, но критично.

Оставляя в стороне вопрос, что следует понимать под знанием иностранного языка (представляется, что умение читать, писать и говорить), информацию о владении Снесаревым таким большим числом языков следует признать преувеличенной. Документально установлено владением им в разной степени следующими иностранными языками: латинским, старогреческим, немецким, французским, английским и тюркским. Первые два языка он учил по курсу гимназии; немецкий, французский – по курсу университета (немецкий начинал изучать в гимназии), военного училища и НАГШ, английский осваивал самостоятельно в этих же учебных заведениях и практиковался в нем в Индии и Великобритании; тюркский учил самостоятельно с языковой практикой на Памире. После перевода из Туркестана в Петербург, насколько нам известно, к изучению восточных языков он больше не обращался.

Вполне возможно, что у Снесарева имелась и общая нерасположенность к изучению восточных языков, или он мог испытывать синдром «языковой усталости» (как результат владения несколькими иностранными языками), определенное значение мог иметь и его зрелый возраст. Интересно в этом отношении замечание одного офицера Генерального штаба применительно к офицерам, командируемым перед Первой мировой войной в Германию и Австрию для изучения немецкого языка: «ожидать, что офицер в возрасте 28–30 лет, совершенно не зная языка, обучится ему в течение одного года, в достаточной мере, наивно...»¹⁷⁶. Применительно к изучению восточных языков это звучит еще более справедливо.

¹⁷⁵ ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 3. Л. 254. Рапорт председателю Общества востоковедения.

¹⁷⁶ А. Н. С[уворов]. Заграничные командировки офицеров Генерального штаба // РИ, 1908, № 8.

Знание иностранных языков и достаточно активное ими владение существенно расширяло возможности Снесарева как исследователя, предоставляло в его распоряжение доступ к большому массиву источников и сведений. Иностранные языки Снесарев активно использовал при работе над книгами, статьями, рецензиями, для переводов специальной литературы. Отличительной и всегда выгодной стороной его научных работ была опора на широкий круг иностранных источников.

Другой вопрос, которому недостаточно было уделено внимания при изучении туркестанского периода жизни Снесарева, это роль женщин в его жизни. Долгое время эта сторона жизни Снесарева оставалась как-бы неинтересной его биографам, порой опускалась в виду ее незначительности на фоне тех глобальных вопросов, которые вызывали первоочередной интерес. Между тем, женщины играли весьма важную роль в туркестанский период жизни Снесарева, отношения с ними составляли сложную и порой драматическую картину и являли собой непростой мир нравственных, психологических и этических аспектов. Не поняв этого мира, нельзя вполне представить, как шло становление Снесарева как личности, как офицера и ученого.

Женщины занимали видное место в жизни Снесарева как до службы в Туркестане, так и в туркестанский период. Отношения к женщинам во многом определялись его семейным воспитанием, в котором важное место занимали религиозные и семейные ценности. Он никогда не смотрел на женщину как на объект внесемейных отношений, и ему были чужды любовные интриги и несерьезность чувств. В его отношении к женщинам было больше рационального, нежели чувственного, и трудно сказать, испытывал ли он по настоящему серьезное чувство до встречи с Евгенией Зайцевой, своей единственной и истинной любовью.

Снесарев любил женское общество, у него случались романы, но долгое время он оставался холостым, что, в контексте его религиозности и уважения к семейным ценностям, выглядело несколько необычным. Объяснение этому можно найти в обстоятельствах жизни «дотуркестанского периода». Как он сам замечал, до Туркестана его жизнь имела, так сказать, подготовительный характер, затем она приняла то течение, в котором он уже ощущал себя самостоятельным человеком, с вполне сформировавшимися взглядами на жизнь, с опытом, материально независимым. Вопрос о создании семьи был отложен Снесаревым до окончания академии, в период учебы он не мог позволить себе роскошь семейной жизни – как по сложности академического курса, так и по отсутствию достаточных средств для поддержки семьи. О том, что слушателям академии было очень трудно совмещать академическую и семейную жизнь, уже говорилось выше.

В Туркестане Снесарев впервые по-настоящему задумывается о необходимости создания семьи, о выборе спутницы жизни, соответствующей его идеалам и требованиям. Можно с уверенностью сказать, что мысль о женитьбе возникла у него сразу по выпуску из академии. Командировка в Индию, как мы знаем, дала совершенно неожиданное направление течению его личных дел и во многом спутала стройность его планов по созданию семьи. Тем не менее, в конце зимы 1900 г. он возвращается к мысли о необходимости начать семейную жизнь.

Летом 1900 г. в письме к сестре он пишет о женитьбе, как об окончательно принятом им решении. В нем он также сообщает о мотивах и соображениях, побудивших его к такому решению: «Кажется, я надумал жениться... ты меня сильно напугала словами: “Женись теперь, еще, может быть, выйдут за тебя (подчеркнуто в тексте письма Снесарева. – М. Б.) замуж, а через несколько лет только за твое положение”... Но оставляю на минутку шутки в сторону, я решил (или почти решил) по таким думам: 1) Прежде всего мне надоели те нравственные соображения, что я должен иметь детей, должен дать своей родине прирост, должен передать на свое поколение ту сумму умственных и нравственных выводов, которые я выносил в себе и выстрадал; будь я пьяница и дурак, я неимением детей только доставил бы удовольствие своей земле, но этого, кажется, нет <...>. 2) Холостой человек – всегда вор семейного счастья... Последнее должно принадлежать, в известной мере, каждому и кто не имеет собственного,

поневоле ворует чужое... Это неизбежно. Как бы вы ни были нравственно устойчивы, вас на кражу поведут другие... 3) У меня в виду имеется масса интересной работы, и ее я не выполняю, оставаясь холостым... меня закрутят... 4) Мне жутковато за будущее... Я был (с английским агентом) в квартире у одного холостого генерала¹⁷⁷, и когда мы вышли оттуда, то мой спутник произнес: “У него, как в могиле...”. А это ждет ведь и меня...»¹⁷⁸.

Снесарев был очень разборчив в выборе своей будущей спутницы жизни и имел к ней свой набор критериев, которым она должна была соответствовать. Представляется, что для него был интересен такой тип женщины, который в смысле жизненного опыта, личных интересов, увлечений не мог бы составить ему какую-либо конкуренцию, не мог привести к конфликту интересов – творческих, интеллектуальных и пр. В браке он предпочитал остаться отцом семейства патриархального типа, пользующимся уважением и непререкаемым авторитетом. В этом смысле он опасался связать свою судьбу с женщинами эмансипированными, либеральных воззрений, с широкими общественными, артистическими или научными интересами и увлечениями, а также происходившими из аристократических или богатых семей. В этом смысле женский тип, к которому принадлежала Рита, совершенно не вписывался в его идеал будущей избранницы жизни. Желанным партнером в браке для него могла стать женщина, происходившая из небогатой семьи, в которой сильны традиции семейной и религиозной жизни, и где глава семейства пользовался безусловным авторитетом. Важным условием было наличие у избранницы православного вероисповедания. Наибольшая вероятность встретить женщину, удовлетворявшую этим критериям, выпадала на офицерские семьи. Не последнее значение в кругу его требований играл и возраст будущей избранницы. Зрелый возраст самого Снесарева значительно сужал круг возможных кандидаток. Поэтому в этом круге находились женщины младше его возрастом, и иногда значительно.

Другим важным соображением было условие, что брак обязательно должен состояться по любви, на основе взаимного сильного чувства и уважения. Он опасался связать свою судьбу с женщиной, которая вступила бы с ним в брак по расчету.

Оказавшись в Ташкенте, он в местном обществе сразу приобрел статус видного жениха – офицер Генерального штаба с перспективой блестящей военной карьеры, воспитанный, без вредных привычек, обеспеченный материально. Снесарев довольно тягостно переносил матримонильные устремления женской части ташкентского общества. В письме к сестре он замечал в этой связи: «Холостого человека окружает какая-то неестественная атмосфера: дамы и девицы смотрят как на жениха, старухи – как на зятя, все – как на человека, обязанного их развлекать, увеселять, всюду быть с ними, как на неизбежного заимодавца («он холост, у него деньги»)... Все это создает ту заискивающую и льстивую среду, от которой человек неминуемо тупеет... И так противно все это, когда так ясно понимаешь ужимки и прыжки этих несчастных обезьян»¹⁷⁹.

У Снесарева до приезда в Туркестан были отношения личного характера с женщиной по имени Лидия, но она умерла от чахотки. О ней он упоминает в одном из писем к сестре: «со стола смотрит на меня “задумчиво и нежно” портрет умершей подружки».

Скажем несколько слов о том, кем была та ташкентская девушка, на которой летом 1900 г. предполагал жениться А. Е. Снесарев. Для этого снова обратимся к его письму сестре: «Теперь о моем проектируемом выборе: девица 19 лет, росту выше среднего, белокурая, сложения хорошего; исповедания, конечно, православного, и имя ей еще более конечно, Лидия... Она

¹⁷⁷ Имеется в виду генерал-лейтенант А. А. Боголюбов, начальник Закаспийской области и командующий войсками II Туркестанского армейского корпуса. Боголюбов женился уже после выхода в отставку (1908 г.), брак этот был непродолжительным, в январе 1909 г. Боголюбов скоропостижно скончался.

¹⁷⁸ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

¹⁷⁹ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

принадлежит к тому, любимому мною типу девушек, на который похожа Лиля¹⁸⁰ и покойница-подруга... Это тип, всем в доме прислуживающий, за всеми ухаживающий и все направляющий и делающий, но только тогда признаваемый, когда он почему-то исчезнет из дому... Это тип необыкновенного сердца – незлобного, любящего и полного неистощимого запаса ласки... Это тип человека, который знает, куда теряется шапка брата, башмак сестры, у какой из них больше водится вшей в голове или больше они всклоачиваются, какое кушанье больше любит отец, чем успокоить слезы матери, кому из братьев не дается арифметика...»¹⁸¹.

Звали девушку Снесарева Лидия Васильевна Покровская. Она происходила из семьи отставного полковника Покровского, после выхода в отставку ненадолго поселившегося в Ташкенте. Родной брат Лидии – Григорий, учился на одном курсе с Снесаревым в Николаевской академии Генерального штаба, которую также закончил по 1-му разряду¹⁸². Первая встреча Снесарева с Лидией произошла на ташкентском вокзале при отъезде его и подполковника Полозова в Андижан для дальнейшего путешествия в Индию. Лидия пришла на вокзал вместе с отцом, другом Полозова. Когда Снесарев вернулся из поездки, то Полозов познакомил его с Лидией.

О дальнейшем повествует сам Снесарев: «Через неделю (после первого знакомства. – М. Б.) я посетил их, бывши днем с визитом, вечером в гостях... Весь вечер я помогал ей в хозяйстве, смеша публику... Потом как-то раз я приехал верхом, слез с коня и пошел с ней гулять в их саду... Тут я и решил как-то сразу... Дело в том, что знакомые начали нас винтить одновременно: ей, говоря, как ее любят, желали лучшего супруга в мире и намекали на меня; мне, оценивая ее достоинства, советовали не упустить... Взвинтили нас достаточно... 1 июня она выехала на дачу (в 100 верстах от Ташкента), а я вскоре в полевую поездку... Объяснения я окончательно отложил до последних чисел июля... А. А. Полозов так ее характеризовал: “Это редкое сердце и редкая, по чистоте и безукоризненности натура, но недостаточно развитая... А жена моя говорит, соглашаясь с первым положением, что она для Вас (подчеркнуто А. Е. Снесаревым. – М. Б.) недостаточно развита и недостаточно светская женщина”. До ее отъезда я часто бывал у них и много гулял с нею; она не скрывала от меня, что я ей нравлюсь, что она привыкла ко мне, что она по мне скучает... Все это звучало и несколько необычно, но это было сказано так естественно и просто, как простота вся она с пятки до маковки головы... <...> А я-то что из себя представляю? Сохраняю свои обычные спокойствия и наблюдательность и стою в положении человека пред какой-то новой, интересной задачей. Я говорю себе: “Вот, мой милый, пред тобою человек богатых данных для брака и ты, много видевший и думавший... Как-то ты сумеешь слепить то здание, которое называется семьей и построить его в том духе и задачах, которые могли бы удовлетворить и нуждам государственно-нравственным, и нуждам обоюдного счастья... Все от тебя: из нее ты можешь сделать и причудницу, и жену высоких идеалов... Ну-ка?”»¹⁸³.

Отношения с Лидией Покровской не получили дальнейшего развития. Вскоре семья Покровских покинула Ташкент. В литературе есть упоминание о романе Снесарева в Ташкенте еще с одной Лидией и отношениях, продолжавшихся примерно до начала лета 1901 г. Сведения эти, в частности, приводятся в работе литератора В. В. Будакова «Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира» (Воронеж, 2011). Источник этих сведений автором не

¹⁸⁰ Родная сестра А. Е. Снесарева.

¹⁸¹ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

¹⁸² Григорий Васильевич Покровский (1871–1968) прожил интересную и долгую жизнь. В Первую мировую войну – генерал-майор, показал себя распорядительным и храбрым начальником, удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. В период командования генералом Л. Г. Корниловым 8-й армией, возглавлял ее штаб. После большевистского переворота воевал в рядах Добровольческой армии, затем с остатками русской армии ушел в эмиграцию, скончался во Франции, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

¹⁸³ АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

называется, но не исключено, что они были получены от Е. А. Снесаревой. По данным Будакова, девушка Снесарева также происходила из военной семьи, отец ее имел воинское звание капитан. «Капитанская дочка, правда, далекая от пушкинской капитанской дочки, – отмечает Будаков. – В ней и внешней красоты было достаточно, и слегка ироничного ума, и полусветского, от родовитой светской матушки идущего умения вести разговор, но не было для Снесарева главного – не чувствовалось в ней сильного материнского начала, а какая-то непривычная ему раскованность, опытность, пусть и всего лишь словесная, теоретическая; мечтательно говорила она, что было бы хорошо побывать сначала в Париже, еще в обеих Америках и затем, конечно же, не на месяц, не на год – на Принцевых островах. И уж тогда можно было бы завести умильных чад. Но он-то думал иначе <...>»¹⁸⁴. Делая поправку на литературный жанр и неизбежный для него элемент игры воображения, все же заметим, что этот эпизод мог быть (произносим это с известной осторожностью) основан на каких-то реальных событиях. Если упомянутая Лидия действительно обладала вышеописанными взглядами на жизнь, то не удивительно, что этот роман применительно к Снесареву не мог иметь продолжения.

Здесь мы подходим к истории знакомства и развития отношений А. Е. Снесарева с Евгенией Васильевной Зайцевой, будущей женой, другом и ангелом-хранителем Снесарева. История этих удивительных отношений, порой непростых, заслуживает отдельного исследования. Применительно к теме настоящей работы мы коснемся лишь некоторых моментов этих отношений, в том ракурсе, в котором это способствует задачам исследования. Об обстоятельствах первой встречи Снесарева и Жени Зайцевой мы остановимся чуть ниже. Сейчас только скажем, что встреча их состоялась в конце апреля 1901 г. в доме полковника В. Н. Зайцева в городе Ош.

Встреча произошла в тот момент жизни Снесарева, когда в его мировосприятии женского мира и в отношениях с женщинами надвигался кризис, по окончании которого вполне могло наступить разочарование в женщинах и пессимизм относительно дальнейших планов создать семью. Не исключено, что этот кризис во многом был связан с сильной привязанностью к Рите и осознанием того факта, что в отношениях между ними не может быть будущего. О душевной смуте Снесарева в этот период свидетельствует его письмо к жене с фронта, в котором он вспоминает свое душевное состояние накануне встречи с ней. «Но ты нашлась где-то в точке мира, – писал Снесарев, – в любимом Бабуром городке, затерянном на краю Туркестана и приплюснутом к могучим контрофорсам Алая; нашлась тогда, когда уже многое и многое для меня или утомило, или разочаровало, когда я понял горечь быстротекущих восторгов и расценил отраву сладостей жизни, когда, еще не живши, я уставал жить и, сторонясь наслаждений, я уже уставал наслаждаться...»¹⁸⁵.

К моменту знакомства с Снесаревым Жене Зайцевой едва исполнилось 17 лет. Снесарев был старше ее почти на 20 лет и был ровесником ее мамы – Ольги Александровны (оба родились в 1865 г.). Эта разница в возрасте, мало сказавшись на их счастливом и долгом браке, все же имела свои последствия в истории их отношений. Особенно эту разницу переживал Снесарев, эти переживания редко проявлялись открыто и были сдерживаемы его сильным характером. Лишь иногда, в минуты душевных откровений, как например, в письмах с фронта, он признавался в том, что ревновал Женю к более молодым соперникам – Свену Гедину и Борису Федченко, сыну известного географа А. П. Федченко¹⁸⁶. Порой в связи с разницей в возрасте его мучали сомнения в искренности чувств более юной избранницы¹⁸⁷.

К моменту встречи с Женей у Снесарева, как уже было сказано выше, имелись свои «стандарты» для возможных претенденток на роль жены. Эти стандарты, как видно из его пере-

¹⁸⁴ Будаков В. В. Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011. С. 76.

¹⁸⁵ АСС ПСФ, 23 декабря 1915 г.

¹⁸⁶ Там же, 1 ноября 1915 г. и 17 июля 1916 г.

¹⁸⁷ Там же, 11 мая 1916 г.

писки, строились во многом на том ожидании, что девушка происходит из семьи многодетной, в которой она росла на любви к братьям и сестрам, и воспитала в себе трогательную заботу к ним, а впоследствии перенесла эту заботу на своих детей. По большинству критериев Женя формально соответствовала установкам Снесарева – не принадлежала к богатой или аристократической семье, была православной, любила семейный быт и детей. Однако в остальном его критерии были мало применимы к ней, как к будущей жене. Она не являла собой «золушку», провинциалку, выросшую на отшибе империи, в забытом богом уездном городке, – училась в Оренбурге в женском институте, где получила хорошее образование и общее развитие, училась музыке, языкам, т. е. всему тому, что могло бы пригодиться в светской жизни. Она была единственным ребенком в семье, а потому была окружена вниманием и заботой родителей. Она не росла в атмосфере каких-либо семейных проблем, не знала тяжелого материального положения. Полковник Зайцев, как начальник уезда, имел хорошее жалование, служебный дом, пользовался различными льготами.

Женя Зайцева к моменту увлечения ею Снесаревым не была обделена вниманием других мужчин, отмечавших ее молодость и красоту. Дом полковника Зайцева в Оше был всегда полон гостей – русских офицеров, иностранных путешественников, дипломатов и военных, по своему положению это были люди с именем, нередко аристократических фамилий, часто молодые, спортивные и интересные. Женя всегда пользовалась расположением офицеров ошского гарнизона, и когда она вышла замуж и уехала в Петербург, то ее отсутствие сразу почувствовали все офицеры, посещавшие военное собрание¹⁸⁸. В Оше Женя могла наблюдать разнообразных мужчин, замечать, сравнивать и формировать собственное представление об идеальном мужчине. Поэтому появление Снесарева, хотя человека во всех отношениях интересного и видного, не могло сразу произвести переворота в ее чувствах и воззрениях. Понадобилось время, чтобы она осознанно сделала свой выбор, основанный на глубоком чувстве и вере в счастливую звезду Снесарева.

Для Снесарева встреча с Женей была, что называется, любовью с первого взгляда. Сильное и глубокое чувство настолько захватило его, что он уже не вспоминал о своих рациональных схемах и осторожном подходе к выбору спутницы жизни. Вполне возможно, что именно эта встреча окончательно поставила точку в его отношениях с Ритой. Сохранилось немного подробностей романа Снесарева и Евгении, но известно, что начало его было весьма бурным: Снесарев давал волю своим чувствам и темпераменту, тяжело переживал временное расставание с Женей, много думал о ней и даже ревновал ее к воображаемым соперникам.

Представляется, что семья Зайцевых не возражала против завязавшихся отношений, но, ввиду возраста дочери, оттягивала их официальное оформление. Формально к этому был предлог – необходимость закончить учебу в Оренбурге. В одном из писем Снесарев упоминает о том, что его помолвка с Женей состоялась задолго до их венчания¹⁸⁹. Здесь вопрос в том, как понимать слово «задолго», но представляется, что срок между помолвкой и венчанием был не таким уж и большим. Во всяком случае, из письма В. Н. Зацева¹⁹⁰ к Снесареву не заметно каких-либо признаков, указывающих на то, что у Снесарева до октября 1903 г. развивались какие-то серьезные отношения с Евгенией Зайцевой. Венчание Андрея Евгеньевича и Евгении состоялось 14 ноября 1904 г. в церкви Михаила Архангела в г. Ош. Этот день положил начало семейному союзу, которому суждено было пережить много счастливых лет и мужественно встретить удары войны, революции и репрессий.

Представляет интерес круг друзей А. Е. Снесарева по Ташкенту, его взаимоотношения с офицерами-сослуживцами. Наиболее известный представитель этого круга – генерал Л. Г.

¹⁸⁸ АСС. Письмо О. А. Зайцевой дочери, 28 декабря 1904 г.

¹⁸⁹ АСС ПСФ, 8 мая 1915 г.

¹⁹⁰ АСС. Письмо В. Н. Зацева к А. Е. Снесареву, 4 октября 1903 г.

Корнилов. Снесарев и Корнилов хорошо знали друг друга по совместной службе в Туркестане и в Главном управлении Генерального штаба, состояли в переписке, но, как представляется, между ними никогда не было доверительных дружеских отношений. Снесарев очень гордился дружбой с Корниловым, в переписке с семьей называл его «личным другом» и иногда обращался к нему с просьбами (особенно, когда служебное положение Корнилова сильно упрочилось). Известие о смерти Л. Г. Корнилова в Карпатах в апреле 1915 г. (оказавшееся ложным) Снесарев встретил без особых эмоций, сильных человеческих переживаний: «На душе моей тихо и немного печально» (письмо к жене от 19 мая 1915 г.), «Корнилов дошел до больших пределов... и убит. Пусть лучше дело идет так, как ему надлежит идти» (письмо к жене от 21 мая 1915 г.). В период нахождения в должности Верховного главнокомандующего, готовясь к борьбе с немцами на фронте и с большевиками в тылу, Корнилов собирает вокруг себя единомышленников, делает ставку на наиболее надежных из них. Из совокупности доступных сведений можно сделать вывод, что в число таких людей Снесарев не входил. Это могло быть связано и с позицией занимаемой самим Снесаревым, не случайно в одном из писем он замечал: «Кого мне жаль, это Лавра Георгиевича; в конечный успех его я не верую...» (письмо к жене от 16 апреля 1917 г.). В дни, предшествовавшие корниловскому выступлению и во время его, Снесарев не имел личных контактов с Корниловым, а получал сведения из газет («в газетах полная неразбериха», замечал он), мало представлял замыслы и мотивацию действий Корнилова, что также свидетельствует об отсутствии между ними тесных связей. В одном из писем (22 июля 1917 г.) Снесарев упоминает о помощи Корнилова в вопросе о назначении его на должность начальника штаба 1-й армии, и что в связи с предстоящим назначением он «переведен в распоряжение Корнилова». Не исключено, что Корнилов действительно пытался помочь Снесареву с новым назначением, но в силу событий, связанных с корниловским выступлением, такое назначение не состоялось.

В период корниловского выступления многие высокопоставленные генералы и офицеры открыто выразили Л. Г. Корнилову свою поддержку или сочувствие. Впоследствии многим эта демонстрация солидарности стоила карьеры. Снесарев в эти дни был разрываем сомнениями, как ему поступить. Предположительно, он составил телеграмму Корнилову в которой солидаризировался с его позицией, но решил выждать время и повременил с отправкой телеграммы в Ставку. Позже он представит дело так, что телеграмма оказалась задержана с отправкой некими «товарищами». Эта версия событий изложена в его письме к жене: «Через несколько часов по прочтении твоего письма мне подают “Киевскую мысль”, и в ней я читаю, как был арестован Ванновский¹⁹¹. И подумал я о своей роли в качестве его начальника штаба! Как я лично поступил бы при той обстановке, по которой тогда делали заключения и затем шаги, уверенно сказать не могу, но думаю, мое положение уже было бы пиковым потому, что мое начальство (возможное) заявило себя на стороне Корнилова... Но... товарищи задержали мой ответ на 9 дней и, в лучшем случае, освободили меня от необходимости ломать свою голову и щупать свое сердце. Теперь и пишу, и думаю я об этом спокойно, но два дня тому назад и над твоим письмом, и над газетой я подумал немало»¹⁹².

Имеется еще один любопытный эпизод, связанный с этой темой. Относительно недавно хранители архива семьи Снесаревых обнаружили любопытный и редкий документ – «Выписку из метрической книги, часть первая, о родившихся за 1917 г.». Документ представляет собой свидетельство о рождении детей Андрея Евгеньевича и Евгении Васильевны – Георгия и Александра (7 октября 1917 г.). В графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» ука-

¹⁹¹ Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943) – Генерального штаба генерал-лейтенант. В описываемый период – командующий 1-й армией (с 31.07.1917). Поддержал выступление генерала Корнилова, арестован и непродолжительное время содержался в Быховской тюрьме.

¹⁹² АСС ПСФ, 4 сентября 1917 г.

зано – «Генерал от кавалерии»¹⁹³ Лавр Георгиевич Корнилов». Обстоятельства появления такой записи не вполне ясны, особенно принимая во внимание дату документа, когда Л. Г. Корнилов уже находился под арестом в Быховской тюрьме. Однако совокупность дополнительных сведений, взятых преимущественно из переписки семьи, позволяет сделать вывод, что запись в метрической книге действительно могла быть сделана на основе предварительного соглашения Лавра Георгиевича, данного еще в период пребывания в должности Верховного главнокомандующего. Предложение взять Корнилова в крестные отцы, судя по всему, исходило от отца Евгении Васильевны – В. Н. Зайцева, который был хорошо знаком с Корниловым по совместной службе в Туркестане¹⁹⁴, о чем свидетельствуют письма Корнилова к Зайцеву¹⁹⁵. Из совокупности имеющихся сведений можно сделать вывод, что семья Зайцевых имела с Л. Г. Корниловым более доверительные и дружеские отношения, чем сам Снесарев. Именно В. Н. Зайцев выступил инициатором пригласить Л. Г. Корнилова в крестные отцы. С этой целью он советовал Евгении Васильевне написать последнему письмо с просьбой выступить в качестве крестного отца. Сам Зайцев не хотел делать это предложение от себя (что вполне естественно, такое предложение должно исходить от родителей ребенка). По мысли Зайцева, письмо должна была написать Евгения Васильевна, но при этом сообщить Корнилову, что приглашает его «*без ведома мужа* (курсив мой – М. Б.), который, вероятно, будет это приветствовать задним числом...»¹⁹⁶. Снесарев знал о намерении тестя и жены пригласить Корнилова в крестные отцы. В письме к Евгении Васильевне он замечал в этой связи: «Относительно Лавра Георгиевича, в качестве кума, я думаю по-прежнему, но с тою прибавкою, что его надо будет просить и в случае, если он полетит, а это легко может случиться»¹⁹⁷. Письмо написано Снесаревым накануне корниловского выступления, когда политический кризис между Временным правительством и Ставкой уже достиг своего апогея. Снесарев не мог предположить дальнейшего хода событий, того, что Корнилов не просто «полетит» с должности, а будет объявлен государственным преступником и заключен в тюрьму. После ареста Корнилова каких-либо дальнейших обсуждений о приглашении его на роль крестного отца со стороны Снесарева уже не велось. Запись в метрической книге с указанием Л. Г. Корнилова в качестве крестного отца была сделана по инициативе Евгении Васильевны и В. Н. Зайцева без участия и без ведома А. Е. Снесарева. Шаг этот был крайне опасным, принимая во внимание статус Корнилова в октябре 1917 г. С приходом к власти большевиков упоминание имени Корнилова в свидетельстве о рождении детей становилось не просто опасным, а роковым.

В одном из писем к сестре Клавдии Снесарев упоминал, что в Ташкенте поселился вместе с офицером Григоровым. Генерального штаба подполковник Александр Михайлович Григоров перевелся на службу в штаб Туркестанского военного округа в январе 1901 г. и прибыл в Ташкент, когда Снесарев только что вернулся из командировки в Индию. Григоров закончил курсы языка индустани при штабе Туркестанского военного округа и получил известность благодаря своим военно-статистическим работам по Туркестанскому краю. В период совместной службы в Туркестане между Снесаревым и Григоровым сложились дружественные отношения, в переписке Снесарев часто называл его «мой товарищ». В письме к сестре Снесарев сообщал об отъезде из Ташкента на Памир: «С товарищем (Григоровым) при расставании чуть-чуть не разревелись: привычка и уставшие от работы нервы»¹⁹⁸.

¹⁹³ Ошибка в записи, правильно «генерал от инфантерии».

¹⁹⁴ Дружеские отношения между В. Н. Зайцевым и Л. Г. Корниловым завязались в период, когда Корнилов состоял в должности офицера Генерального штаба при Генеральном консульстве в Кашгаре (1899–1901).

¹⁹⁵ Ныне хранятся в фондах Архива востоковедов ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 38.

¹⁹⁶ АСС, письмо В. Н. Зайцева к дочери.

¹⁹⁷ АСС ПСФ, 26 августа 1917 г.

¹⁹⁸ АСС ПСК, 4 июля 1902 г.

В более поздний период Снесарев поддерживал товарищеские отношения с Григоровым, но в этих отношениях со стороны Снесарева больше созерцательности, некоего внешнего, стороннего наблюдения за жизнью человека, с которым его в молодости столкнула и сблизила судьба. В представлениях Снесарева Григоров был далек от идеального офицера и не наделен теми качествами, которые Снесареву были лично симпатичны. Неслучайно, когда до Снесарева дошла новость о побеге генерала Л. Г. Корнилова из плена, то он в письме к жене заметит: «Александру Михайловичу [Григорову] это и в голову бы не пришло». Григоров в это время был в германском плену, куда он попал в самом начале войны. Вместе с тем, Снесарев искренне переживал за своего товарища, который не только оказался в суровых условиях плена, но и переживал семейную драму. В письме к жене Снесарев замечал: «А Александра Михайловича – возвращусь к нему – жестоко жалко; он должен страдать особенно сильно. Ведь ему раньше всякий пустяк казался страшным ударом по самолюбию, часто он кричал прямо зря, что же он теперь чувствует и переживает, когда он в плену, о ходе войны знает из вражеских уст, когда он должен стоять в стороне от великих событий... а тут еще семейный обрыв или развал... это, действительно, тяжело»¹⁹⁹.

Представляется, что более тесные отношения с Григоровым имелись у тестя Снесарева, полковника В. Н. Зайцева. Эти дружеские отношения установились еще в период службы в Туркестане и продолжались довольно долго. Известно, что Зайцев как мог поддерживал Григорова в плену – переписывался с ним, отправлял посылки при посредничестве общества Красного Креста²⁰⁰.

Другим знакомым А. Е. Снесарева по службе в Ташкенте был Генерального штаба капитан Анатолий Киприянович Келчевский – «мой товарищ по Туркестану», как он его называл. Снесарев хорошо знал Келчевского еще по учебе в НАГШ, был курсом на год старше Келчевского. Знакомство это было продолжено весной 1902 г., когда Келчевский прибыл в Туркестан на должность старшего адъютанта военной канцелярии начальника Амударьинского отдела, и продолжалось вплоть до их почти одновременного отъезда из края. В Первую мировую войну Келчевский проявил себя как способный и мужественный офицер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием. В период корниловского выступления в августе 1917 г. встал на сторону Керенского, за что получил чин генерал-лейтенанта и повышение на службе (командарм 9-й армии). В период Гражданской войны – на стороне белых. Во время ожесточенных боев за Царицын Снесарев и Келчевский воевали по разные стороны баррикад, почти в буквальном смысле этого слова, в отдельные дни их разделяли позиции и участки местности всего в несколько километров.

Среди ташкентских знакомых Снесарева был и Генерального штаба капитан Захарий Иванович Зайченко, которого он знал еще по учебе в академии Генерального штаба. Зайченко прибыл в Туркестан чуть позже Снесарева, в ноябре 1900 г., получив назначение на должность старшего адъютанта штаба 1-й Туркестанской казачьей дивизии. Зайченко сменил капитана Л. Г. Корнилова на посту офицера Генерального штаба при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре (занимал должность в июле 1901 – сентябре 1902 г.). В период гражданской войны Зайченко перешел на сторону большевиков и периодически встречался с Снесаревым (письмо Снесарева к жене от 21 мая 1918 г.).

Дружеские отношения существовали у А. Е. Снесарева с Генерального штаба подполковником Иваном Константиновичем Серебренниковым. Их знакомство состоялось в конце зимы 1900 г. после возвращения Снесарева из Индии. Серебренников только что получил назначение на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. В период службы в штабе округа Серебренников закончил курсы языка индустани и был командирован

¹⁹⁹ АСС ПСФ, 30 июля 1916 г.

²⁰⁰ АСС. Письмо В. Н. Зайцева дочери Евгении, 25 июля 1916 г.

в Индию. Пребывание в Индии и совместный интерес к изучению этой страны во многом способствовали сближению двух сослуживцев. Предположительно, Снесарев оказывал помощь Серебренникову при написании фундаментальной работы «Индо-британская армия» в плане указаний на источники и переводов с английского языка²⁰¹. В период Гражданской войны Снесарев помог Серебренникову, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. В письме к жене (от 4 мая 1918 г.) Снесарев сообщал: «От Ив. Конст. Серебренникова получил письмо, в котором он просит взять себя. Оказывается, у него (как и у других офицеров Генерального штаба) нелады с военным руководителем... нашли, когда ссориться! Свою семью он год тому назад поместил в Сочи и почти с тех пор не имеет о них ни слуху, ни духу, а денег оставил им мало. Это его несказанно удручает. Война для него сложилась, видимо, очень неудачно и он сильно отстал». Снесарев при этом имеет в виду «отставание» Серебренникова в чинах и наградах: довольно низкий чин в конце войны (генерал-майор) и отсутствие георгиевских наград. С учетом событий Русской Смуты, повергнувшей в прах бывшие заслуги, чины и награды, разделение Снесаревым ее участников на «удачно» и «неудачно» закончивших войну выглядит несколько странным.

В Туркестане Снесарев был хорошо знаком с Генеральным штабом подполковником Михаилом Владимировичем Грулевым, видной фигурой туркестанского сообщества офицеров Генерального штаба. Грулев обладал незаурядными способностями исследователя и литератора и пользовался в Ташкенте заслуженным авторитетом. Его основательная подготовка как офицера Генерального штаба и практическое знакомство с условиями двух восточных театров – дальневосточного и туркестанского, позволяли ему быстро ориентироваться в проблемных вопросах, связанных с изучением сопредельных стран, разрабатывать новые формы и способы сбора сведений о них. Грулев внес важный вклад в развитие туркестанского центра военного востоковедения, он ввел ряд инноваций в систему изучения сопредельных стран Востока. При Грулеве в штабе Туркестанского военного округа появилась практика закрытых докладов, готовившихся офицерами Генерального штаба по наиболее актуальным вопросам боевой подготовки, разведки, службы войск. Ему также принадлежит заслуга в создании такого важного военно-востоковедного органа, как «Сборник сведений касающихся стран сопредельных с Туркестанским военным округом» (СССТВО)²⁰². Инновации Грулева во многом были возможны благодаря его личным отношениям с тогдашним командующим войсками округа генерал-лейтенантом С. М. Духовским, хорошо знавшим Грулева по совместной службе на Дальнем Востоке и инициировавшим его перевод на службу в Туркестан.

Снесарев не упоминал о Грулеве в переписке, относящейся к туркестанскому периоду службы. Роль Грулева в становлении Снесарева, как востоковеда, осталась незамеченной большинством исследователей туркестанского периода жизни Снесарева. В то же время именно Грулев, как никто другой в штабе Туркестанского военного округа, оказал большое влияние на формирование у Снесарева интереса к теме англо-русских отношений в Средней Азии. Именно Грулев выбрал Снесарева, как наиболее способного и перспективного офицера, для редактирования «Сборника сведений». По рекомендации Грулева Снесарев был принят в действительные члены Туркестанского отдела ИРГО, начал печататься в «Туркестанских ведомостях». Взгляды Снесарева начального периода службы в Туркестане, несомненно, испытали на себе интеллектуальное влияние Грулева, оно же чувствуется и в вопросах методологии исследовательской деятельности и даже в стиле работ, который больше напоминает хорошую публицистику, чем академический текст.

²⁰¹ Работа И. К. Серебренникова «Индо-британская армия», точнее, ее первая часть первоначально печаталась на страницах СССТВО (вып. XXXVII–XLV), а затем издана отдельной книгой под тем же названием (Ташкент, издание штаба Туркестанского военного округа, 1903–1908. Ч. I–II).

²⁰² Далее в тексте сокращенно – «Сборник сведений».

Грулев, подвергшийся опале за критику в русской печати печальных итогов русско-японской войны и послевоенных проблем в русской армии, был вынужден подать в отставку в 1912 г. Востоковедные работы Грулева оказались обойдены вниманием Снесарева и не получили его должной оценки. В императорский период Снесарев практически не использовал работы Грулева. Отрывочное упоминание о них содержится только в поздней работе А. Е. Снесарева «Афганистан» (М., 1921), большей частью в библиографическом контексте. Снесарев в частности упоминает труд Грулева «Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром»²⁰³ и характеризует его как «чисто компилятивный и во многих отношениях не совершенный». Утверждение это безапелляционно и совсем не соответствует содержанию работы. Она представляет собой добротное географическое, статистическое и этнографическое исследование района Амударьи, составленное Грулевым на основе собственных исследований, проведенных во время полевой поездки офицеров Генерального штаба округа в 1898 г. Работа представляет собой лучший продукт географической литературы по р. Амударье из имевшихся на то время.

Даже нашумевшая работа М. В. Грулева – «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (СПб., 1909), не побудила Снесарева откликнуться на нее хотя бы небольшой рецензией. Важность работы Грулева сразу оценили британцы и сделали ее полный перевод²⁰⁴. Грулев внимательно следил за научной деятельностью Снесарева, интересовался его публикациями. Известна его рецензия на книгу Снесарева «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» (СПб., 1906 г.), в которой он высоко оценивал компетентность автора в вопросах изучения Британской Индии. В рецензии, в частности, указывалось: «Уважаемый автор весьма добросовестно разработал некоторые экономические и статистические данные, касающиеся Индии, встречаются в книге справки по истории и литературе этой страны, которую, между прочим, А. Е. Снесарев знает по непосредственному знакомству <...>»²⁰⁵. В другом месте рецензии он замечал: «Нельзя не отнестись с большим уважением к эрудиции автора».

Сейчас сложно назвать истинные причины, по которым у Снесарева не сложились дружеские отношения с Грулевым. Вполне возможно, что Снесарев не до конца разделял отдельных взглядов Грулева на «среднеазиатский вопрос», считавшего его важным, но второстепенным по сравнению с задачами России в Европе. Другим разногласием вполне могла стать позиция Грулева в вопросе о походе на Индию. По мнению британского военного историка Алекса Маршалла, позиция Грулева, считавшего эту идею нереалистичной и порочной, вызвала неприятие у многих офицеров Генерального штаба, прежде всего, у тех, кто проходил службу в Туркестане²⁰⁶. Не разделял взгляда Грулева и командующий войсками округа С. М. Духовской, для которого, как и для старшего поколения туркестанцев, идея военного похода в Индию была почти религиозна, чем-то вроде *feu sacré*²⁰⁷ (по словам Духовского).

О сложившейся ситуации в вопросе о походе на Индию Грулев писал в своих мемуарах: «Часто приходилось мне идти против господствующего течения, и не мало я платился за это собственным благополучием и карьерой. Позднейшие события показали, что в некоторых вопросах государственного значения я не заблуждался. <...> укажу здесь только на вопрос капитальной важности, в виду вкоренившегося в нашем общественном мнении убеждения о легкости для России вторжения в Индию. Целыми веками общество наше воспитывалось на идее похода в Индию. Вместе с молоком матери мы всасывали взлелеянную мечту о распро-

²⁰³ Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. II, вып. 1. Ташкент, 1900.

²⁰⁴ Grulev M. The Rivalry of Russia and England in Central Asia. Simla, 1910.

²⁰⁵ Обзор книг и журналов // РИ. Прил. к № 203, 1906, 17 сентября.

²⁰⁶ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London, 2006. P. 153.

²⁰⁷ *Feu sacré* – от фр. священный огонь.

странении нашего оружия за Гиндукушский хребет, в самую колыбель человечества, в сказочную страну мировых сокровищ, чтобы попутно свести здесь все старые счеты с Англией.

Сложно сказать, на чем базировалась такая легкомысленная самоуверенность, которая не желала считаться ни с какими условиями географическими, стратегическими и иными. Плодилось немало невежественных и легковесных статей и брошюр, которые усиленно толкали Россию по направлению к Индии, насыщая наше общественное мнение опасными химерами.

Вот мне и хотелось вызвать “дискуссию” по этому вопросу в среде офицеров Генерального штаба. Для этого я просил разрешения начальства издать перевод на русский язык нашу-мевшей в Англии брошюры “Can Russia invade India”²⁰⁸. В ответ на мое ходатайство Духовской приказал мне сделать сообщение в закрытом собрании, доступном только для генералов и офицеров Генерального штаба; а “там видно будет”. Мне, однако, сейчас же после моего доклада видно было, что он не пришелся по вкусу, хотя никто ничего не возражал; а один из товарищей по Генеральному штабу, полковник Н. Н. Юденич – всегда прямой и откровенный – даже пожал мне руку, пробурчав, что давно надо было сказать то, что я высказал.

Понадобилась тяжкая для России катастрофа на Дальнем Востоке, чтобы наше правительство отказалось от своих пустопорожних угроз относительно Индии»²⁰⁹.

Заметим в этой связи, что Снесарев принадлежал к числу тех, кто, как заметил Грулев, «толкали Россию по направлению к Индии». На конкретных взглядах Снесарева по вопросу о походе на Индию мы остановимся более подробно ниже. Здесь же отметим, что различие во взглядах на этот принципиальный вопрос могло послужить тем водоразделом, за которым в личных отношениях Снесарева и Грулева стало нарастать отчуждение.

Представляется, что для Снесарева Грулев был не только оппонентом по ряду воззрений на среднеазиатский вопрос, но и в какой-то степени конкурентом в разработке довольно популярной в то время темы. Продолжительное время они разрабатывали тему англо-русского соперничества в Средней Азии независимо друг от друга, и до англо-русского соглашения 1907 г. высказываемые ими идеи были во многом близки. Разработка этой темы значительно способствовала росту их авторитета, как военных экспертов и востоковедов. Творческая конкуренция между Снесаревым и Грулевым никогда не принимала формы дискуссии или полемики, не выносилась в публичное пространство (за исключением одной рецензии Грулева на работу Снесарева), но это состояние наиболее заметно в «интеллектуальной гонке» за приоритет в разработке отдельных вопросов: 1) Афганистан и Индия. Грулев издает важную переводную работу «Автобиография Абурахман-хана, эмира афганского» (1902), Снесарев публикует фундаментальное исследование «Северо-индийский театр» (1903); 2) Памир. Снесарев – две работы по Памиру (1902 и 1903 гг.), Грулев – «Памиры. Историко-географический очерк» (1904); 3) Среднеазиатский вопрос. Снесарев – «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» (1906), Грулев – «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (1909).

²⁰⁸ Имеется в виду работа британского полковника Ханна. См.: Hanna, Colonel H. B. Can Russia invade India? Westminster, 1895. Работа в извлечении и переводе Генерального штаба подполковника Роопа издана Главным штабом. См.: Может ли Россия вторгнуться в Индию? Полковника Ганна. СМА, вып. LXXII.

²⁰⁹ Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 214–215.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.